

Владимир Пекальчук

Край непрощенных

Разведчик Кирсан попадает в ужасное место... так ему кажется. На самом деле все еще ужасней. И если бы он сразу понял, где находится... нет, не застрелился бы. Есть места, где даже самоубийство — не выход. Нельзя сбежать из чистилища.

Туман

'Ложь, что умный в гору не пойдет!
Ты пошел, ты не поверил слухам!
И легчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом'

Владимир Высоцкий

Туман

Дело дрянь, ежу понятно. Куда ни кинь — болото да мертвые, черные, искореженные деревья. И туман, везде туман, сколько хватает глаза. Глаза, правда, хватает не то чтоб далеко: пятьдесят метров предел видимости. Над головой — мрачные, тяжелые тучи, вокруг — зловещий серый туман.

Идти приходится осторожно: туман не только обступает непроглядной занавесью, он и у ног, да такой густой, что свои ботинки видать плохо, не говоря уже и хлюпающую под ногами воду. Споткнуться — раз плюнуть, упасть — не сложнее. Промокнуть в эту промозглую погоду — можно и окочуриться. Испачкать в болоте автомат — возможно, еще более быстрый путь на тот свет... Автомат?!!

Точно, в руках автомат. Надежный, точный, бесшумный 'вал'. Черт возьми. Спецоперация, стало быть, вот только какая? И еще два вопроса вдогонку. Первый — как он тут оказался? И второй — а, собственно, кто 'он' вообще такой? В голове пустота. Имя? Фамилия? Что за чертовщина.

Разгрузка, форма, ботинки, вещмешок со скаткой... Форма! Метки с именем, группой крови... Могли бы быть. Могли — ключевое слово. Но их нет. Дерьмо.

Глаза обшаривают окружающий мир, мозг мучительно пытается зацепиться за что-то. Вспомнить хоть что-нибудь. Имя свое для начала.

Ладно, можно попробовать иначе... Андрей, Алексей, Александр, Борис, Вадим Владислав, Гриша, Дима... Вообще, полно имен, помимо русских, есть на одну только букву 'а', все перечислять запариться можно... Так, начал с русских — стало быть, русский. Или хотя бы славянин. Женя, Жорик, Игнат, Кирилл, Кирсан... Кирсан?! Точно, как он мог забыть! Охренеть, а? Собственное имя забыл, как так-то? Фамилия... Черт с ней, фамилий русских куда больше, нежели имен, все равно все не перебрать. А если она, не дай бог, не русская — тогда вообще дело швах. Имя вспомнил — и то в кныш. Теперь бы понять, где он находится, и что дальше делать.

Стоп... Стоп!! Какая, к чертям собачьим, спецоперация?! Он же уволился!! Уволился, поступил в политех, доучился до четвертого курса... И вот он в заболоченном лесу с автоматом?! Что за хренотень, мать ее налево?!

Кирсан пошарил по карманам. Может быть, у него есть карта или документы? Ага, размечтался два раза. Одно понятно — что дело дрянь. Еще бы дома очнулся с амнезией — звякнул бы в скорую, по телефону пошарил в контактах... телефон! Телефона тоже нет. Рация — нет. Он же ни разу не ходил ни на одну операцию без рации, разведчику связь важнее автомата... Есть контакт. Разведчик он по учетной специальности.

И вышел точно не на прогулку. Не ходят с 'валом' ни на прогулки, ни на охоту. Но связи — нет, карты — нет, документов — нет, напарника тоже нет, а ведь Кирсан никогда никуда не ходил в одиночку ни разу за восемь лет службы. Восемь лет. В армию идут в восемнадцать — значит, сейчас ему тридцать, служил до двадцати шести, потом четыре года в университете. Вот только не помнит, почему снова с автоматом. Хотя — он ни о чем сейчас не помнит. Даже фамилию забыл. Русский вроде, звать Кирсан, по профессии разведчик, тридцать лет минимум — вот и вся память, и выкручивайся, как хочешь. Не раз в передраги попадал, но чтобы так, без ничего и с обширной амнезией — первый раз. И, скорее всего, последний: как квалифицированный специалист, Кирсан прекрасно понимал, что при подобном раскладе шансы минимальны. Он не может не то что понять, в какую сторону идти, он ведь даже не знает, где какая сторона. Солнца нет — за свинцовыми тучами. Компас — нету компаса. Часов нету. Только магазины в разгрузке, пистолет в кобуре, нож, аптечка в набедренном кармане, зажигалка... Уже что-то. Надо найти место посуше и посмотреть, что в вещмешке.

В этот момент Кирсан уловил периферийным зрением движение справа. Человеческая фигура за деревом. Он резко повернулся, вскидывая автомат. В тридцати метрах из-за дерева выглядывает пола плаща. Там точно кто-то есть.

Держа дерево на прицеле, Кирсан быстро огляделся по сторонам, но больше никаких признаков жизни не обнаружил. Осторожно, шаг за шагом, он подошел к дереву на десять метров.

— Я знаю, что ты там, я вижу край твоей одежды, — негромко, но так, чтобы человек за деревом услышал, сказал он, — я не знаю, кто ты, но зла тебе не желаю. Выходи, только без резких движений.

Движение. Черные волосы, край лица, поблескивающий глаз. Женщина, осторожно выглядывающая из-за дерева. Какого лешего она вообще тут делает? Испугана... хотя неудивительно, вот если бы она не боялась вооруженного человека в хаки, нацелившего на нее оружие — это уже было бы странно.

— Эй, слушай, я тебе не враг. Ты кто такая? Что тут делаешь? И вообще — что это за место? Ты меня хоть понимаешь, а?

Видя, что она не спешит выходить, Кирсан опустил ствол автомата, убрал правую руку с рукоятки и приподнял растопыренную пятерню в миролюбивом жесте. Женщина — лет тридцать, лицо худое, внешность славянская — выглянула чуть больше, оценивающе прищурилась, глубоко вздохнула и, наконец, решилась. Но не на то, чего ожидал Кирсан.

Она шагнула из-за дерева и вскинула ружье, которое до того держала вдоль тела. Два черных дула полетели вверх, неумолимо приближаясь к уровню головы Кирсана. Он еще хотел крикнуть что-то типа 'что ты творишь, дура?!', но рефлекс опытного солдата подсказал: не успеет крикнуть. А плотно, в тонкую линию сжатые губы женщины свидетельствовали: слова бессмысленны, все уже решено.

'Вал' взлетел к плечу молниеносным, давно отработанным движением, палец лег на спуск. Кирсан опередил ее на долю секунды, но этого хватило. Автомат несколько раз

негромко плюнул, тяжелые бронебойные пули попали женщине в живот и грудь. Она выронила ружье — старую двустволку — отступила на шаг и медленно опрокинулась на спину, плюхнувшись в болото.

— Нахрена, а? Вот нахрена? Зачем?! — выговорил Кирсан и внезапно подумал, что действительно, зачем он это сказал, если говорить уже поздно.

Женщина еще жила, глядя в серое небо широко раскрытыми глазами, с хрипом выплевывая кровь и пуская кровавые пузыри. Почему она пыталась его убить — уже не скажет. И помочь ей тоже никак. Кирсан подошел ближе, сделал контрольный выстрел, прервав ее мучения, перезарядил автомат и склонился над телом.

Гражданская. Черный кожаный плащ, вроде модный и, видимо, не на базаре купленный, джинсы хорошей фирмы, кроссовки, насквозь промокшие в этом болоте. Лицо худое, в ушах золотые сережки то ли со стразами, то ли с бриллиантами, фигура тоже тощая. Двустволка — старого дизайна, но в хорошем состоянии, и судя по отделке — недешевая. Возможно, раритет.

Других вещей нет. Сумки нет. Шарить по карманам покойницы не стал, понимая, что ничего полезного там не найдет, протянул руку и закрыл ей глаза. А ведь специально ждала, змея, пока он рукоять автомата отпустит. Хотя ничего ей плохого не сделал и даже не собирался.

Чем дальше — тем веселее. Первая же встреченная живая душа попыталась его убить без какого-либо повода. Притом — женщина в недешевых шмотках и совершенно неподходящих для болота кроссовках. И с ружьем. Получается, Кирсан не единственный, кто оказался в этом странном месте, причем ему еще и повезло с экипировкой.

Он двинулся прочь, шлепая по косточки в воде, по колено в тумане. Место зловещее, гиблое. Надо выбираться, и побыстрее. Вот три дерева — на одной прямой. Отлично. Кирсан прошел первое, подошел ко второму и остановился, выбирая новое третье дерево на одной линии с другими. Это замедлит продвижение, но другой способ двигаться по прямой в голову не приходил. Компаса нет, солнца нет — ориентироваться невозможно, либо идти, выстраивая линию из деревьев, либо ходить по кругу до смерти.

Час спустя заурчал живот. Кирсан снял вещмешок и, к своей недолгой радости, нашел бисквиты и флягу. Бисквиты, впрочем, в горло лезли с трудом, казались гадкими, вода на вкус и запах отдавала затхлостью. Хреново. Выходит, он уже давно тут.

Кстати, это весьма возможное объяснение. Женщина, оказавшаяся в этом заболоченном лесу, выбраться не сумела, ходила по кругу, промокла, замерзла, да и выглядела изможденной, оголодала. Кирсановы вещмешок, скатка и одежда, скорей всего, показались ей достаточной причиной для убийства. Помочь другому, попавшему в беду, поделившись бисквитами и плащ-палаткой, способны не все, напротив, многие готовы спасти свою шкуру ценой чужих жизней. Увы — но человек человеку, как правило, волк, и этот волк от других помощи уже не ждет, подсознательно считая любого встречного таким же волком.

А бисквиты все же дерьмовые. Кирсан, кое-как, через силу заморив червячка, едва не выбросил недоеденный кусок, но удержался. Может быть, вскоре он будет рад даже такой паршивой пище.

Еще час спустя мертвый лес внезапно закончился: вместо болота впереди показался асфальт. Несколько шагов — и стена тумана сменяется облупленной кирпичной кладкой. Это был город, причем почти без перехода от болотистого леса к каменным джунглям. И Кирсан, к своему ужасу, моментально сообразил, почему.

Серые дома, частично полуразрушенные, с выбитыми стеклами, остовы машин, превратившиеся в труху, потрескавшийся асфальт, сквозь который пробивается трава, покрученные, мертвые деревья вдоль улиц, покосившиеся фонарные столбы... Мертвый, брошенный город. Причем давно мертвый.

Вот груды ржавчины, в которой еще угадываются очертания 'ауди' одной из последних моделей. Кирсан как-то раз посмотрел передачу 'Мир без людей' и знал, что автомобиль под открытым небом превращается в такую вот ржавую труху примерно через семьдесят-восемьдесят лет. Да только вот незадача — семьдесят лет назад этой 'ауди' просто не было.

Он стоял возле останков автомобиля и лихорадочно повторял шепотом, что та картина, неумолимо складывающаяся в голове — плод его больного воображения. Кирсан дорого бы дал, чтобы прямо сейчас оказаться в психбольнице, где его разбудит дебелий санитар, вырвет из плена чудовищного кошмара, пусть даже только ради того, чтобы вколоть очередное лекарство. Только санитар не спешил будить пациента, а калькулятор в голове беспощадно складывал цифры. Две тысячи десять — год выпуска машины — плюс минимум семьдесят лет, нужные на превращение этой самой машины вот в такие насквозь проржавевшие обломки. Итого — две тысячи восемьдесят.

Кирсан сглотнул, сделал несколько шагов по улице, озираясь. Либо он в горячечном бреде, либо действительно как-то переместился в будущее. В очень дерьмовое будущее.

Думай же, башка, думай! Надейся на лучшее, готовься к худшему. Если все-таки Кирсан бредит от горячки или лекарств — все хорошо, волноваться не о чем. Горячка пройдет, сон закончится... Но пока что единственный разумный выход — это допустить откровенно неразумную, чтобы не сказать — совершенно идиотскую — мысль, что все это — взаправду. Что он, разведчик Кирсан, действительно примерно так в две тысячи восьмидесятом году. В мире постапокалиптической разрухи, мертвых лесов, покинутых городов.

Кирсан любил читать — кстати, еще одна подробность вспомнилась. Ну не то, чтобы любил, но в кармане с собой носил на всякий случай книжечку, ведь в солдатских буднях часто выдается время, когда заняться нечем. Читал фантастику, книги о конце света, о вирусах, превращающих людей в зомби — словом, всю ту беллетристику, после которой смотришь вокруг себя и понимаешь, что мир, полный нищеты, войн, неравенства, мразей-политиков, религиозных фанатиков и прочей дряни — далеко не самый худший вариант... Что ж, может быть, все это чтиво ему теперь хоть немного поможет сориентироваться.

Он медленно брел по улице, прямо посередине проезжей части, озираясь, обходя остовы машин, переступая через упавшие столбы, и пытался сообразить, что к чему. В машинах нет останков людей, и на улицах костей тоже не видно. Город вроде бы относительно целый, над ним поработал величайший, но неторопливый разрушитель — время. Следов ядерного удара нет. Конечно, изуродованные деревья можно было бы объяснить радиацией и мутациями, однако Кирсан никаких признаков лучевой болезни не ощущает. Следов военных действий нет. Казалось, в какой-то момент жизнь в городе просто остановилась. Словно люди внезапно пропали, прямо как в той передаче на канале 'Дискавери'. Химическое оружие? Тоже отпадает. Трупов-то нету, а они были бы в этом случае.

Он остановился, взглянул в небо. Тяжелые серые тучи, пасмурный полумрак. День? Вечер? Кирсан поклялся бы, что сумерки, но за часы в лесу сумерки уже должны бы смениться ночью. Значит — день, но очень-очень сумрачный. Не узнать наверняка, солнца ведь нет и даже непонятно, в каком месте на небе оно хоть приблизительно находится. И туман. Туман у ног стелется, туман окружает его стеной. Пятьдесят-шестьдесят метров —

вот и весь обзор. И тишина, странная, необъяснимая, жуткая. Из города исчезли не только люди — но и животные. И в том мертвом лесу птиц не слышать было.

Он пошел дальше, размышляя. Хорошо, пускай в будущем. Но как он вообще попал сюда? Как Рип ван Винкль, заснул и проспал много лет, пока мир катился к чертям? Герой Ирвинга постарел, пока спал. Кирсан поднес к лицу руку — рука тридцатилетнего человека. Его автомат — новый, смазанный, ухоженный. И потом — та женщина. Она тоже была холеная, ухоженная, во вполне нормальной одежде. К тому же, такой летаргический сон, сам по себе невозможный, тем более не мог бы приключиться сразу с двоими.

Эксперимент по перемещению во времени? Амнезия — побочный эффект? Возможно. Послать в будущее разведчика — вполне логично. Но тогда присутствие тут женщины в штатском необъяснимо, ее-то зачем посылать?

Трещина во времени или другая аномалия? Возможный вариант, доводов 'против' нет. Кирсан читал о всяких временных тоннелях и прочих аномалиях, когда люди плутали по лесу, выходили и обнаруживали, что их часы отстают, но не верил в такое. Однако теперь попробуй не поверь своим глазам!

Сбоку — автобусная остановка и газетный киоск. Если там остались журналы — а их часто пакуют в целлофановые пакеты, в которых журнал может храниться очень долго — то можно узнать дату выпуска последнего из них. Кирсан подошел к киоску, посмотрел на первый попавшийся глянец — и его брови поползли вверх. Тысяча девятьсот восемьдесят шесть. Название — 'Работница'. Советский, мать его за ногу, журнал. Или, точнее, не мать, а редактора его за ногу.

Кирсан остановился, сосчитал до десяти, выровнял дыхание. Анализ новых данных приносит странные результаты. Если он отправлен в прошлое — пардон, но прошлое таким не было. А здесь — город, жизнь которого прервалась в прошлом веке. Хотя даже в этом случае журнал из тысяча девятьсот восемьдесят шестого и тачка из две тысячи десятого требуют объяснения. Нестыковочка.

Опять же, вариантов всего два. Первый — по Роберту Шекли. Прошое — мертво. Оно есть, но мертвое. Неживое остается, людей нет — все сходится. И это полностью объясняет отсутствие любых человеческих останков. Второй вариант — перемещение не во времени, а в параллельный мир. Где история пошла по-другому.

Внезапно тишину нарушил очень тихий звук. Шаркающие шаги за спиной. Кирсан быстро обернулся, вскидывая автомат. Никого не видать, но шаги слышны все лучше. Человек идет посреди дороги в том же направлении, что раньше шел разведчик, но медленнее, если бы Кирсан не остановился у киоска — встреча бы не состоялась.

Помня о том, что здесь стрельба без причины и предупреждения в порядке вещей, он шагнул за киоск и замер. В густом тумане и сумраке идущий по проезжей части человек замечен куда лучше, чем выглядывающий из-за киоска — значит, тактическое преимущество за Кирсаном.

В тумане появилась неясная фигура, по мере приближения приобретающая четкость. С каждым шагом высокий, тощий человек в рваной одежде, бредущий с поникшей головой и опущенными руками, подходил все ближе. Должно быть, еще один несчастный. В руках ничего нет — можно и окликнуть.

Кирсан еще раз оглянулся вокруг — нет ли поблизости кого третьего — и шагнул из-за киоска, держа автомат дулом вниз:

— Эй, приятель, помощь нужна?

Тощий замер, словно натолкнулся на преграду, рывком поднял голову и с двадцати метров впился взглядом в разведчика. Одну короткую секунду потрясенный Кирсан с ужасом рассматривал остекленевшие глаза, свисающую лохмотьями синюшную кожу, дыру вместо носа и обнажившуюся кость возле правого виска, а затем человек — человек ли? — издал клокочущий горловой стон, лязгнул зубами, вытянул вперед руки со скрюченными пальцами и деревянной походкой полуокоченевшего трупа бросился вперед.

Кирсан окаменел — но только на одно мгновение. Рефлексы взяли верх над леденящим страхом, разбираться, откуда тут взялся зомби, можно будет попозже, а пока — либо драться, либо бежать. Он вскинул оружие и нажал на спуск, выбрав первое.

Шестнадцатиграммовая пуля, способная пробить бронежилет второго класса и обладающая отличным останавливающим действием, с характерным звуком вошла в тело. Тощий дернулся от удара — но и только. Дыра в легком, а возможно — и в сердце — его не впечатлила, кинетическая энергия пули лишь незначительно замедлила приближение.

Волосы на голове зашевелились, страх уже не сковывал липкими объятиями, а буквально вползал под кожу. Кирсан принялся судорожно дергать спусковой крючок, всаживая в неубиваемого кадавра пулю за пулей — все без толку. Удача ему улыбнулась: восьмой или девятый выстрел перебил мертвецу бедренную кость, и тот рухнул на потрескавшийся асфальт. На его желание дотянуться до живой плоти это, впрочем, не повлияло.

Кирсан сглотнул, пяťясь прочь. Зомби, тяжело ползущий к нему, теперь уже не представлял опасности. Но стоило в голове мелькнуть первой посторонней мысли — как, черт возьми, такое могло случиться?! — сбоку послышались новые шаги. Еще один зомби, шаркая по тротуару, появился из тумана со стороны автобусной остановки, узрел разведчика и заковылял к нему, протягивая руки.

Влип. Нет, он с первых же минут, с которых себя помнит, знал, что дело дрянь, но чтоб настолько... Однако первый шок уже прошел, а реакция на смертельный страх еще не наступила. Зомби? Ладно же. О том, как с ними бороться, знает любой, кто читает книги и смотрит фильмы соответствующего жанра. Кирсан поймал дергающуюся голову на мушку и выстрелил.

Пуля вошла в глаз и вышла через затылок, однако мертвец — неуклюжий толстяк в ветровке — падать мешком костей и плоти даже не собирался. Он дернулся конвульсивно, начал трястись, замедлив свое приближение — но остался на ногах. Пуля в голову — классическое средство против оживших мертвецов в любом фильме — на деле оказалась неэффективной.

Кирсан повернулся и со всех ног бросился наутек по дороге. Почти сразу же ему навстречу попался новый зомби, но разведчик легко его обошел и столкнулся еще с одним, точнее — с одной, невысокой женской фигурой, выглядевшей так, словно ее целый день крутили в пустой бетономешалке. Не задумываясь, Кирсан на бегу ударил зомбятку прикладом, сбив с ног и отправив прямиком в грудку ржавчины, некогда бывшей микроавтобусом, и побежал дальше. Стрелять бесполезно или почти бесполезно, одна надежда теперь — на собственные ноги.

Кошмарный город обступал его со всех сторон, туман обволакивал, словно покойнический саван, могильная тишина сводила с ума. Только звук шагов, собственное тяжелое дыхание — и все.

Кирсан пробежал пару кварталов и остановился, чтобы перевести дух и собраться с

мыслями. Он посреди мертвого города, населенного ходячими кадаврами. Еще недавно такое можно было только по телику увидеть, в ужастиках. Теперь Кирсан сам стал персонажем третьесортного фильма о зомби, просто зашибись, что тут еще сказать. Что делать? Хороший вопрос. В принципе, нет ничего странного в том, чтобы, став персонажем нереальной книжной или телевизионной истории, начать руководствоваться соответствующей логикой. Отлично. Что там делали герои в таких случаях? Искали других выживших. Логично же.

В эту довольно-таки рациональную череду мыслей подмешивалась одна не очень рациональная. Откуда, черт возьми, на прилавке киоска взялся журнал из прошлого тысячелетия и прошлой, советской, эпохи? И что это вообще за город? Питер?

Да, зацепка. Питер. Кирсан жил в Питере, но сейчас он не мог узнать его. Архитектура странная, хрущевки перемешаны с домами, отдаленно напоминающими их, но другими. Не Питер, можно держать пари.

Разведчик двинулся по улице, чутко прислушиваясь и оглядываясь, и внезапно ему показалось, что в воздухе запахло гарью. А если быть точнее — сгоревшими топливом и плотью. Кирсан миновал перекресток и принялся. Вроде бы справа тянет. Знакомый 'букет' — такую вонь обычно испускает танк, сгоревший вместе с экипажем несколько часов или пару десятков часов назад. Еще одна строчка в собственной биографии заполнена: значит, бывать на войне приходилось.

Пройдя метров двадцать на запах, он заметил впереди нечто массивное и темное. По мере того, как он подходил ближе, в тумане все отчетливей проступали серые борта и квадратная башня. Кирсан остановился, словно вкопанный, не в силах поверить собственным глазам: перед ним, заехав одной гусней на тротуар, стоял 'Тигр'. Тот самый кампфпанцерваген шестой серии 'Тигр', собственной, так сказать, персоной.

Ему захотелось засмеяться — громко и безумно. Ситуация стала совершенно тупиковой, потому что если журнал 'Работница' тысяча девятьсот восемьдесят шестого года на прилавке, теоретически, оказаться еще может, то танк 'Тигр' — нет. Ибо 'Тигр', находящийся в бронетанковом музее в Кубинке, двигаться не может, а единственный оставшийся на ходу экземпляр — в бовингтонском музее, в Англии. Допустить же, что сам Кирсан находится в Англии, нельзя: все журналы в том киоске были на русском языке.

Танк, видимо, стоял тут не десятки часов, а несколько дней: уже ничего не дымится, но отвратительный запах горелой человечины остался. Подойдя ближе, Кирсан увидел и наполовину высунувшегося из башенного люка танкиста, обугленного, но точно в немецкой форме, и несколько очень характерных пробоин в борту. Картина событий ожила в его воображении.

Вот танк ползет со скоростью двадцать-тридцать километров в час по улице. Вот в борт ему прилетают кумулятивные гранаты из РПГ-7, броня пробита, кумулятивные струи поджигают двигатель и поражают сидящих спереди водителя и радиста. 'Тигр' вспыхивает, словно свеча, из башни пытается выбраться командир, но почему-то застревает в люке, подписывая приговор заряжающему и наводчику, если те еще были живы в тот момент. Танк выезжает на тротуар и останавливается.

Два вопроса в связи с этим. Если Кирсан внезапно очутился в Англии, если там пошло дело плохо настолько, что даже музейный экспонат в дело пустили — ладно, это еще теоретически возможно. Киоск с русскоязычными журналами в Великобритании — опять же, теоретически возможен. Там ведь тоже есть диаспора. Применение советских

гранатометов — ничего фантастического, недаром аббревиатура 'РПГ' известна всему миру. Но вот танкисты в немецкой форме?! Безусловно, во многих музеях можно разжиться аутентичным или даже оригинальным немецким мундиром. Но человек, отправляющийся на войну, одевать музейную форму не станет. Не до того ему будет.

Хотя... Кирсан снова чуть не засмеялся. Забавно же, он, как последний дурак, стоит посреди улицы в затянутом туманом мертвом городе и на полном серьезе пытается совместить анахронический советский журнал, музейный экспонат из Британии и танкистов в немецкой форме. При том что вся эта бредовая нелепица — сущий пустяк на фоне оживших мертвецов.

Словно по волшебству, из-за танка появились кадавры: две девочки лет десяти. Одна с куклой в руке, вторая со школьным ранцем. Кирсан развернулся и дал деру, ступая по мостовой как можно тише. Добежать до перекрестка, осмотреться, и... Черта с два. На перекрестке кадавров штук двадцать, и откуда же взялись только. Смотрят в сторону, идут в сторону... Замереть, чтобы ни звука не издать, и тихонечко задним ходом обратно в туман...

Фокус не удался, и отнюдь не по вине фокусника. Вся толпа синхронно и слаженно повернула головы точь-в-точь туда, где чуть дышал Кирсан, десятки глаз сошлись на нем, словно стволы зениток на попавшем в смертоносную хватку прожектора ночном бомбардировщике. Доля секунды — и вот все мертвецы с протяжными стонами ковыляют, протягивая руки, к нему.

Несколько утомительных минут гонки, все как в песне. Идет охота на волков, идет охота! И в роли волка — он, Кирсан. Словно серый волк в лабиринте красных флажков мечется. Только в песне Высоцкого волку достало жажды жизни, чтобы вырваться за флажки. А тут вместо натянутых флажком — серые стены зданий. Как бы ни хотел Кирсан жить — руками не взмахнешь, не взлетишь. Точнее, взмахнуть-то можно...

Вместо егерей и загонщиков — зомби. Много их, десятка два или даже три. И они умудряются отыскивать свою жертву в этом густом зловещем тумане, идут за Кирсаном, словно 'стингер' — за теплом двигателя. Как? Хороший вопрос. В каком-то фильме о восставших мертвецах кадавры обладали способностью чутать живых за несколько километров. Если и тут так же — дела очень плохи. Загонят. Рано или поздно, но загонят. Преимущество живого — в скорости и ловкости. У мертвых — в неустанности и сверхъестественном чутье. Пока что кадаврам его не схватить, но стоит выбиться из сил...

Думай, разведчик думай! Кирсан выходил из разных передраг — и теперь выйдет. Выход есть — осталось найти его. Стрелять... бесполезно. Точнее, не то чтоб бесполезно, по ногам можно стрелять, но это временная мера. Восемь запасных магазинов в разгрузке да пара пачек патронов в вещмешке — не разгуляешься. Кончатся патроны рано или поздно, и тогда он останется перед той же проблемой, что и сейчас, только уже без боеприпасов.

Как убить то, что и так мертво? Никак, пуля в голову не сработала. Расчленил. Топор бы пожарный... но тяжел он, окаянный. Мясницкий нож — короткий, да и не отхватить им голову с одного маха. Меч или сабля — музей найти надо, это раз, во-вторых — опять же нужна сноровка. Мечом расчленять не так просто, как в фильмах показывают, сабля и вовсе для этого не предназначена. Вот катану бы, да хорошего мастера работу... Где ж только ее взять? Такое не в каждом музее отыщешь, притом что и музеев вокруг не наблюдается...

Кирсан споткнулся и чуть не упал. Устал он, и крепко, вечно бегать не получится. Нужно укрытие, где его не достанут. В памяти сразу всплыл 'Тигр'. Там бы не достали. Но разведчик очень сомневался, что смог бы отдохнуть и выспаться в смердящем горелой

плотью укрытии, не говоря уже о том, что надо было бы выставить из танка трупы, которые, теоретически, тоже могли бы ожить. Дома? Идея дохлая, они могут кишеть мертвецами. Машина? Фургон? Да вся техника, которую видел Кирсан, превратилась в труху, откуда фургону взяться? Кроме танка, конечно. Впрочем — даже если бы он спрятался в танке, зомби собрались бы вокруг — и финита. Западня. Необходимо укрытие, из которого потом еще и выбраться можно будет.

Слева из тумана показалась пара бредущих с вытянутыми руками фигур. Окружают. Хуже всего, что бежать, в общем-то, бесполезно: кадавры, видимо, везде. Но остановиться и дать себя растерзать — тоже не вариант.

Кирсан побежал направо, но навстречу ему выплыл распухший, посиневший толстяк с одним выпавшим глазом. Отлично. Зомби сзади, зомби слева, зомби справа. Бежать туда, куда гонят? Бессмысленно, там можно наткнуться только на новых кадавров...

В этот момент позади толстяка в тумане нарисовался еще один силуэт, но не с деревянной шаркающей походкой. Размазанный взмах чем-то длинным, глухой удар, хруст коленной чашечки и грузно падающее тело.

— Не стой столбом, — окликнул неизвестный, — если не хочешь близко знакомиться со своими покойничками — двигай следом!

Кирсан не стал просить себя дважды. Кто это такой и откуда тут взялся — вопрос десятой очередности: несоизмеримо важнее, что новое лицо живое, настроено дружелюбно и знает, что делать. Он обогнул мертвеца, пытающегося ухватить его за ногу, и побежал за незнакомцем.

Тот — плотный коренастый тип под метр восемьдесят, в камуфляже, с небольшим ранцем и помповым дробовиком за спиной и с метровым обрезком отполированной трубы в руках — неспешной трусцой пробежал квартал, свернул за угол и побежал через дорогу. Навстречу попался зомби, но он лишь незначительно изменил направление и разминулсЯ с кадавром буквально в полутора метрах. Мертвец не сделал ни малейшей попытки напасть, двигаясь прямо на бегущего позади разведчика, и Кирсан с удивлением понял, что целью является именно он.

Крепыш же, миновав мертвеца, остановился и размашистым ударом сзади сломал ему коленный сустав.

— Стрелять, если что, неэффективно, — предупредил он Кирсана, — проще сбить прикладом с ног. Они медленные.

— Заметил уже, — пропыхтел тот.

— Нам сюда, — указал незнакомец.

На другой стороне возвышалась обветшалая автозаправка: маленькое помещение с кассой и магазинчиком, все окна которого заколочены досками, и огромный навес, прикрывающий заправочные колонки и служащий крышей магазинчику. К навесу этому была приставлена деревянная лестница — к ней-то новый знакомый и направлялся.

Кирсан полез наверх следом и собрался уже втащить за собой лестницу, но крепыш махнул рукой:

— Не парься. Наверх зомби не залезут. Двухмерные они.

— Не понял?

— Для них не существует высоты. Мертвецы не умеют смотреть вверх.

Кирсан устало опустилсЯ на просмоленную крышу:

— Бешеный денек выдался. Как тебя зовут-то?

Собеседник сбросил рюкзак и сел на него.

— Игнат Штормовой, если полностью. Но меня мало кто по имени знает, большинство по прозвищу — Святой.

Святой

Кирсан криво улыбнулся:

— Да уж, появился ты и вправду, словно манна небесная. Внезапно и вовремя. А меня Кирсаном зовут. Фамилии, правда, не помню.

— Первый день, значит. Выпишись — вспомнишь. Тут это нормальное явление.

Он рассмотрел собеседника внимательней. Широкое круглое лицо, борода, жизнерадостное выражение глаз, небольшой животик, усталая одышка — и что-то еще в облике. Коварное и хитрое.

— Так это, я хотел спросить — год нынче какой? Что за город? И как я тут оказался? Если ты знаешь, конечно.

Игнат снял с пояса флягу и отхлебнул, не спеша завинтил и только потом, словно нехотя, сказал:

— Года не знаю — тут это ни к чему. Город — на самом деле не город, но зовут его — так и зовут. Город. А оказался ты тут точно так же, как и я, и все остальные. Но это ты сам понять должен. Скажу — все равно не поверишь.

Кирсан настаивать не стал, тем более что у него имелись и более насущные вопросы.

— Много выживших?

Святой широко улыбнулся, словно ему анекдот рассказали:

— Забавная формулировка вопроса. Жаль, фишку пока только я понимаю. Достаточно, строго говоря.

— Слушай, а как ты делаешь, что зомби на тебя не нападал? Он точно на меня шел, на тебя ноль внимания.

Собеседник ухмыльнулся — и в этой ухмылке было что-то зловещее.

— А ты, стало быть, мертвяка в лицо не узнал? Впрочем, неудивительно, если за тобой их с полсотни бегают — можешь их и не знать. Ты кто по профессии? Киллер — вряд ли, у них память на лица. Наемник?

— Разведчик я. И судя по автомату — русский. 'Вал' состоит на вооружении российского спецназа и армии.

— Многовато мертвяков для разведчика.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Кирсан, — какое отношение профессия имеет к?..

— Прямое, разведчик, прямое, — жизнерадостно улыбнулся Святой, — ты думаешь, как я тебя отыскал? Зомби меня на тебя и вывели. О... Слышишь? Идут сюда, хромают, несчастные. Скоро они все соберутся тут внизу, примерно под тем местом, где ты сейчас сидишь. Видишь ли, мой друг, это твои зомби. Твои мертвецы.

Кирсан сохранил невозмутимое лицо, хотя ему стало крепко не по себе. По всей видимости, его угораздило оказаться в компании сумасшедшего, теперь надо держать ухо востро.

— О чем ты говоришь? — как можно спокойней спросил Кирсан.

Святой вздохнул:

— Долго объяснять — и неинтересно. Вся соль в том, чтобы ты сам догадался. Запоминай главнейшие вещи. Ты находишься в месте, где привычные тебе правила и методы

не работают. Тут все иначе. Будешь действовать по старинке — сдохнешь в муках. На самом деле, ты все равно сдохнешь в муках — просто чуток подольше протянешь, если будешь думать головой. Второе правило — все, что не является живым человеком — твой враг. Третье правило: живой человек, говорящий на непонятном тебе языке — твой враг. Если ты собеседника понимаешь — он тоже может оказаться врагом, само собой.

Кирсан открыл было рот, но собеседник его прервал:

— Нет-нет, не надо меня ни о чем спрашивать. Все в свое время сам поймешь. Объяснять действительно слишком долго, что и как. Да и не прикольно. Есть хочешь?

Сразу вспомнились невкусные, липкие бисквиты и затхлая вода.

— Да я... ел недавно. Не то чтоб сыт, но и аппетита нет.

— Если что — вон, гляди, — сказал Святой и указал на лист шифера: — под ним дыра и спуск в магазинчик. Там можно найти чего пожевать. Консервы там, сгущенка, разное такое.

— Уболтал, — согласился Кирсан, подумав, что перебить паршивый привкус во рту сладкой сгущенкой будет в самый раз, отодвинул шифер и полез внутрь.

Внутри, правда, царил почти что тьма. Он достал зажигалку и, подсвечивая, отыскал кассу, возле которой на специальном лотке лежали шоколадные батончики. Выбрал один, не глядя, распечатал, откусил... сразу же захотелось выплюнуть. Все равно что подслащенного пластилина полон рот набрал. Что за дерьмо. Кирсан положил надкушенный батончик на прилавок, пару раз споткнувшись, нашел полки с консервами и взял себе пакетик сгущенного молока.

Выбравшись наверх, он с сомнением осмотрел трофей. Две тысячи одиннадцатый год изготовления. Получается... сколько получается-то? Ведь даты он не знает, а сукин сын Святой говорить не хочет. Ладно же! Вот чему-чему, а вести допросы Кирсан, как профессиональный разведчик, умеет.

— Это, Игнат... А давно вся вот эта хрень приключилась? А то как-то странно получается, тут год указан — две тысячи одиннадцать. До четырнадцатого только три года.

— Можешь есть смело.

— Хм... Я как-то не уверен. Батончик попробовал съесть — он гаже, чем мои бисквиты. В связи с чем у меня два закономерных вопроса: сколько лет должен пролежать шоколад, чтоб так испоганиться? И второй — как так вышло, что тут полно жратвы, если армагеддец случился не меньше трех лет назад?

Святой ухмыльнулся — широко и искренне:

— Почему я люблю военных — так это потому, что у них в голове одна извилина, да и ту фуражка надавила. Еще больше я люблю разведчиков: они точно так же тупы, как и все остальные, но считают себя умнее других. Я, конечно, понимаю, что тебе хочется все же дату узнать и ты пускаешь в ход свои шпионские штучки — потому для тебя, тупицы, так и быть, повторю. Я не знаю, какой нынче год. Последняя известная мне дата — две тысячи двенадцатый.

Кирсан сжал челюсти — но лишь на миг, профессиональный разведчик всегда контролирует себя и никогда не пойдет на поводу у собственной вспыльчивости. Новый знакомый не слишком-то вежлив, но парень рискованный, надо отдать должное. Вот так нахально, в глаза высказывает собеседнику — военному, человеку больше, выше и сильнее себя — крайне нелицеприятные вещи и при этом не дрожит за свое лицо и печень. С другой стороны, и Кирсану ссориться с ним очень не с руки: единственный проводник и информатор в этом бедламе. А провести воспитательно-рукоприкладное мероприятие

можно будет и позже, если не образумится.

— И давно он был, две тысячи двенадцатый? Ну примерно?

— Лет пятьдесят назад, как по мне. Полегчало?

Кирсан сел на просмоленную крышу, скрестил ноги и спрятал лицо в руках. Пятьдесят лет. Это значит — его родителей и жены уже нет. Жена... Лиля. Вспомнил. Лиля... Ее уж точно нет. Святой, казалось, понимал, о чем он сейчас думает, и тоже молчал.

— Значит, с две тысячи четырнадцатого прошло примерно сорок восемь лет, — сказал Кирсан несколько минут спустя, — я понятия не имею, где провел это время и почему не постарел. В киоске журнал за восемьдесят шестой год прошлого века, на улице подбитый 'тигр'. Хотя единственный экземпляр, который еще оставался на ходу — в Англии. Ты точно ничего не хочешь объяснить?

Игнат лениво наблюдал за мертвецами, медленно бредущими к заправке:

— А что тебе объяснять? Ты сам уже нашел кучу нестыковок. Делай выводы.

— Анахронизм на анахронизме, словно времена перемешались! Эксперимент со временем пошел наперекосяк? Кто ты вообще такой?!

— Я? Я писатель. Фантаст. И — я такая же жертва, как и ты.

Кирсан мысленно сосчитал до десяти. Если он не врет — две жертвы это потенциальные союзники. Непонятно только, почему из Святого так трудно вытащить информацию.

— Слушай, Игнат... Должен быть способ выбраться отсюда. Мы с тобой не лампочки, а это место — не рот. И если попали сюда как-то — то и выпутаемся как-то. Ты сказал, что знаешь, как мы сюда попали...

— ... И я знаю, что отсюда нет выхода. Смирись, разведчик. Мы оба попали. Просто ты пока еще не знаешь, насколько крепко.

— Так скажи мне, а не темни!

Улыбка Игната стала еще искреннее.

— Так неинтересно, приятель. Как ты думаешь, за каким лешим я тебя отыскал? Для чего я ошиваюсь в столь вредных для здоровья местах и отслеживаю чудаков, за которыми бегают толпы зомби? Ответ простой — потехи ради. Тут вообще с увеселениями очень туго — каждый развлекается, как может. Я вот ищу новичков и наблюдаю, как они постигают ситуювину. Меня забавляет процесс, а особенно — тот момент, когда до них, наконец, доходит. И военные в этом плане — лакомый кусок. Они соображают медленно, удовольствие растягивается.

— Ты садист, что ли? — возмутился Кирсан.

— В десяточку. Это одна из причин, почему я здесь. Ладно, так и быть, дам подсказку. Никакого конца света не было. Никаких экспериментов со временем не было. И перемешивания времен не было. Потому что если бы дело было в манипуляциях со временем — это не объясняет, откуда зомби взялись. И ты, как разведчик, мог бы и сам догадаться.

Кирсан внезапно подумал, что в городе не видел ни единой вывески, ни единого знака, ни одной таблички с названием улицы на домах. Он, конечно, не очень-то и смотрел, но разведчик особо обучен такие детали запоминать. И вот сейчас не может вспомнить ничего подобного — значит, не видел. Но способ узнать местонахождение все-таки есть. Заставить Святого подыграть — раз плюнуть.

— Ладно, раз ты хочешь развлечения — развлекаю тебя. Давай поиграем в казаки-разбойники, я казак, ты пойманный разбойник. Я задам тебе пару простых вопросов, а ты

честно ответишь, да или нет.

Игнат с неподдельным интересом выслушал это предложение и устроился на рюкзаке поудобнее.

— Договорились. Задавай.

— Мы в Великобритании?

— Нет.

— Где-то в районе Кубинки?

— Нет.

— США или Франция?

'Разбойник' ухмыльнулся:

— Это уже третий вопрос, хотя ты говорил о паре. Но ладно. Нет.

Кирсан тоже ухмыльнулся:

— Ты солгал, отвечая на один из этих трех вопросов.

— Ну-ну. И почему же ты так решил?

— Панцеркампфваген 'Тигр' — единственное, за что я могу зацепиться. Один такой стоит, подбитый, менее чем в километре отсюда. Единственный 'тигр' на ходу сохранился в Бовингтоне. Еще три в хорошем состоянии, которые можно отреставрировать — Кубинка, Сомюр во Франции и Абердинский полигон. И если ты сказал правду, что никаких пердимоноклей со временем не было — мы можем находиться только неподалеку от одного из этих четырех мест. 'Тигры' ведь своим ходом неважнецки ходили.

— Дай угадаю. Твой расчет базируется на том, что на всей Земле осталось лишь четыре таких танка, пригодных к восстановлению.

— Именно. Я не прав?

Игнат выдержал зловещую паузу:

— Да нет, все верно. Только разговор отложим на потом — а сейчас делаем ноги.

— Прямо под нами толпа мертвецов. Ты спецом дожидался, пока они все тут соберутся?

— Сарказм неуместен. Да, я именно этого и дожидался. Ты сам разве не понял, что бегать, когда к тебе прут со всех сторон, не очень весело? Стой тут. Я перетащу лестницу и приставлю с другой стороны, спущусь первым. По моей команде ты должен как можно быстрее перебежать к спуску и слезть до того, как мертвяки проковыляют эти пятнадцать метров. И после этого мы оставим всю толпу позади.

— А в городе других нету, что ли? — удивился Кирсан.

— Есть. Но в нашем случае самая большая проблема — эти.

***

Игнат не ошибся: несколько встреченных кадавров проявили к двоим живым людям минимальный интерес: их вялые попытки схватить пробежавшего мимо Святого не шли ни в какое сравнение с деревянной, но целеустремленной походкой тех, которые остались позади.

— Главное — держись от них подальше. С десяти шагов они тебя уже не видят. Или просто игнорируют.

— Не могу понять — почему?

— Потому что они не твои.

— А чьи?

— Я почем знаю? — удивился Игнат.

— Если тяпнут — стану таким же?

Святой покачал головой:

— Байки. А вот заражение — считай что обеспечено.

— А ты вообще что пишешь-то? — сменил тему Кирсан.

— Писал. Фантастику, фэнтези.

— Наверное, мне не попадались твои книги. Имя кажется незнакомым.

Тот только хмыкнул:

— Что имя не знакомо — не значит, что не читал. 'Долина смертных теней' или 'Скользкий сквозь ночь', к примеру, я написал. Ну и некоторые другие вещи.

Разведчик чуть задумался, потом сказал:

— 'Скользкого' читал обе книги, и 'Долину' тоже. Но только имя там было другое. Вроде бы на 'Пе' начиналась фамилия или как-то так.

— Верно, — кивнул Игнат, — просто имя на обложке еще ничего не доказывает. Я одно время литературным негром подрабатывал. Ты разве не заметил, что первая и вторая книги дилогии разительно отличаются? Та бездарь, которая на 'Пе', только первую книжку кое-как написала — и это ему потолок. Все остальные 'типа его книги' за него писал я — он сам такое ни в жисть бы не смог. Бездарь — и этим все сказано... О! Гляди-ка!

Кирсан проследил за направлением указательного пальца и заметил кадавра, ковыляющего примерно в том же направлении, что и они.

— Куда это он?

— Добычу учуял. Сейчас поглядим, куда он нас приведет. Точнее — к кому.

Оглядываясь по сторонам, они двинулись следом. Кирсан одновременно присматривался к своему попутчику, подмечая его поведение и реакции. Не дергается, не нервничает — либо нервы железные, либо уже бывалый и знает, что к чему. Головой крутит без усталости, напомнив знаменитое изречение пилотов второй мировой. 'Летчики, которые не вертят головой постоянно — мертвые летчики. Просто некоторые из них об этом еще не знают'. Тут, правда, не небо, но зомби в условиях густого тумана не менее смертоносны, чем вражеские истребители, атакующие со стороны солнца.

Кирсан также отметил, что Игнат, хоть и повесил свой помповик на ремне так, чтобы схватить быстро, но в руках держит самодельную битку. Стало быть, кадавры тут опаснее всего, но и другие угрозы в наличии.

Одновременно он изучил и мертвяка, за которым шел. Со спины многого не увидишь, но лохмотья на нем раньше были пиджаком, одна нога не обута, на другой — остроконечная туфля с пряжкой, вроде как из модных. Сам покойник, невысокий и лысый, уродливо раздулся, но и при жизни явно худобой не отличался. На пальце тускло поблескивает золотая печатка.

Кирсан бесшумно скользил в тумане следом за Игнатом, Святой, к слову, за звуковой маскировкой следил не то чтоб очень. Видать, как рыба в воде себя тут чувствует. Кадавры, мимо которых они идут, практически безучастны, изредка, когда он наступал на что-то хрустящее, один повернет голову, уставится на звук остекленевшими глазами и заторможенно смотрит, хотя две тени в тумане уже прошли мимо. Мертвецы не очень-то и опасны, получается, осталось только выяснить все, что связано с теми зомби, про которых Святой сказал 'они твои'. А еще стоит разобраться, куда он намылился. Очень логично, что в лагерь выживших, так бы сделал герой фильма. Вот только фильмы — они обычно коррелируют с объективной реальностью зрителя, а это место, мягко говоря, и со здравым смыслом-то не коррелирует, что уж говорить...

Он еще раз перемешал в голове кусочки паззла, пытаясь сложить из всего этого бреда вменяемую картинку. Как сказал один умный человек, любой вопрос имеет свой ответ, любая проблема — решение, независимо от того, знаем ли мы эти ответы и решения. В этом странном месте все перемешано в дикий коктейль, но возможно, что так сделано умышленно.

Кирсан вспомнил один рассказ о группе актеров-статистов, застигнутых ядерной войной в метро, в тот момент, когда они ехали на съемки. После нескольких дней страданий и борьбы за выживание они все-таки выбрались на поверхность и обнаружили, что мир в полном порядке, а ядерная война была обманом. Их снимали на скрытые камеры, получив в результате до предела реалистичный фильм о людях в экстремальной ситуации. В финале главный герой рассказа, у которого еще оставалось два патрона, застрелил режиссера. Сейчас Кирсан тоже готов застрелить того, кто устроил ему тут реалити-шоу с амнезией. Осталось только понять, где искать таинственного 'режиссера'.

Мертвец, за которым они шли, свернул направо в переулок. Словно по 'джи-пи-эс' идет, зараза. Игнат предостерегающе поднял руку и осторожно выглянул.

— Там магазин продуктовый. Видимо, жертва покойничка там. Идем следом, только тихо: она вполне может быть вооружена. Нам под шальную пулю ни к чему вылезать.

Кадавр, не мудрствуя лукаво, налег на дверь — она оказалась не заперта — и вошел внутрь. Кирсан тронул Святого за рукав:

— А те, от которых мы убежали, сейчас точно так же идут следом за нами?

— Примерно так, — шепнул тот в ответ, — но не столь энергично. Они чем ближе к цели — тем резвее стано...

Его слова прервал пронзительный женский визг:

— Не подходи ко мне!!

Хлестнул выстрел, затем второй. 'Макар', судя по звуку. Потом — грохот чего-то падающего, снова визг и выстрел. Игнат взялся за дробовик и рванул внутрь, Кирсан побежал следом, отметив, что писатель этот как-то слишком правильно все делает для писателя. Может быть, не как спецназовец, но не хуже обученного солдата. Хотя, конечно, в такой среде все просто. Либо ты становишься спецом, либо... слабые выживают только в условиях цивилизации. Приспосабливайся или сдохни — закон эволюции, и его пока никто не отменил.

Святой, пригибаясь, побежал между стеллажами с товаром, Кирсан не стал отставать, но и вперед не полез. В конце концов, местный как бы должен лучше тут разбираться, что к чему. А тот выглянул, затем высунулся и грохнул из дробовика, передернул затвор и выстрелил еще раз, целясь куда-то вдоль пола. Контрольный, видимо. В ответ — новая порция визга и очередной выстрел.

— Хватит стрелять, дура! — заорал Игнат, — тут люди живые!

— Он... умер? — спросила дрожащим голосом невидимая женщина.

— Он вообще-то давно был мертвый — с тех самых пор, как ты его убила. Теперь уже его бояться нечего.

— А ты кто?

— Тебе не все равно? Тут нельзя оставаться. Времени на разговоры нет, идешь или остаешься?

— Иду, — Кирсан отчетливо услышал, как она вытирает рукавом слезы с лица.

Он вышел из-за угла вместе со Святым. За короткую секунду Кирсан успел рассмотреть,

что это молодая, спортивного сложения женщина, и к тому же хорошо выглядящая, модельной внешности. Одета в обычную одежду. Краем сознания разведчик успел подумать, что тут почему-то прилично выглядящие дамы оказываются с оружием, когда женщина его увидела. Наметанный взгляд уловил, как в испуге раскрываются шире ее глаза.

Взлетающий вверх ствол пистолета, предостерегающий окрик Святого — и он уходит с линии огня, прыгнув за стеллажи. Как и тогда в лесу, выбора у Кирсана не было. Как и тогда в лесу, он опередил ее лишь на долю секунды.

Тяжелые бронебойные пули опрокинули 'спортсменку' назад, когда ее палец уже нажал на спуск, пистолетная пуля ушла в потолок. Женщину отбросило на холодильный автомат с напитками, и она сползла по нему на пол, пачкая прозрачное стекло красным.

Кирсан застыл, глядя, как ее грудь поднимается все реже, и попытался проснуться. Это безумие. Это какая-то чертовщина. Один вопрос в голове — почему? Он держал автомат стволом вниз, вел себя спокойно, и вдруг... Одновременно внутренний голос невольно заметил, что пули 'вала', шестнадцатиграммовые девятимиллиметровые сверхбронебойные особой конструкции, пробивающие бронежилет второго класса, снова оказались не на высоте: вторая жертва, как и первая, еще дышит после нескольких смертельных ран.

Он выматерился — длинно и витиевато. А что еще оставалось делать?

— Нет, ну ты видел, а? — задал риторический вопрос Святому, который как раз поднимался с пола, — она меня только заметила, и сразу же пришить решила!

— Видел, — согласился тот, подошел к женщине и, убедившись, что ей уже не помочь, выстрелил в область сердца из дробовика.

Та дернулась в последний раз и затихла.

— Что тут происходит, а? Тут что, все девки взбесились?!

— Все? — приподнял бровь Игнат, вытирая с лица мелкие брызги.

Кирсан рассказал о происшествии в лесу и добавил:

— Ну там-то еще все понятно было, устала она, промокла, замерзла, человеку в отчаянном положении проще пойти на убийство... Но вот эта почему? Я ни единой дурной мысли не имел... Идиотизм. И обе такие живучие оказались... Получили по несколько пуль и сразу в ящик не сыграли...

Святой достал из кармана три патрона и дозарядил дробовик, потом веско сказал:

— Запомни еще одно правило. Легких смертей тут нет. А что до бешенства — дело, надо думать, в тебе. Ты, случаем, жену или там подружку не грохнул?

— Чего-о-о?! — выпучил глаза Кирсан, — что за бред ты несешь?! Я не психопат, как некоторые тут!

— Как некоторые тут? — ухмыльнулся Игнат, — это некорректная формулировка. Ты такой же, как все остальные. Так что лапшу мне на уши не вешай. А насчет жену грохнуть — ну это я наугад сказал. Тебя дважды пытались убить женщины. Оба раза ты их убил. И как я вижу — переживаешь по этому поводу. Совесть мучит, да? Неспроста это.

— Ты достал со своими намеками!

— Да я не намекаю, а прямо спрашиваю. Если не жену или подружку, то, может, чью-то жену? Или любую другую женщину, которую, наверное, не хотел убивать? Случайно получилось, или как? Или, может, она была неизлечимо больна?

Кирсан молча взирал на своего визави. Попал, сука. Выстрелил в небо — попал в луну. Такой грустный эпизод в его карьере разведчика действительно был, когда Кирсан, волоча на себе раненого напарника, пытался выбраться из-под Цхинвала. Вокруг — толпы

озверевших не то грузинских солдат, не то осетинских ополченцев, черт их разберет. В воздухе запах крови, кордита и человеческой ненависти. Проскочили бы незаметно — но угораздило напороться на местную, гражданская она была или нет — этого Кирсан не разглядел в темноте. Но что прижатый к губам палец на нее не подействовал — понял сразу. Крикнула бы — те, озверевшие, вряд ли стали бы разбираться, враги им эти двое русских, или нет. И тогда, под Цхинвалом, он стрелял в человека третий и последний раз в жизни... до сегодняшнего дня. Тогда, как и теперь, выбора Кирсан не имел. Точнее, выбор был: на одной чаше весов — две жизни, его и Степашки, на второй — одна, той женщины. Математика простая.

— Ты угадал, отчасти, мне когда-то действительно пришлось стрелять в женщину, — мрачно согласился он, — я только не понимаю, как все это, черт возьми, взаимосвязано?

— Люблю я вашего брата с одной извилиной. Вы так потрясающе тупы, — ухмыльнулся Святой, — что я прямо умиляюсь. Включи мозги, наконец, не лишай меня удовольствия видеть на твоём лице осознание ужасной догадки. Ты стрелял в женщину, не имея выбора, и сожалеешь об этом, так? Теперь история повторяется дважды — ты не хочешь делать этого, но ничего не можешь поделать. Ты думаешь, это совпадение? Забавный ты человек. Загадочный. За тобой ходят мертвяки толпой, какую редко тут встретишь, штук с полсотни, в том числе женщины и дети, и ты мне тут рассказываешь, что тебе всего лишь однажды пришлось стрелять в женщину? Зачем врать? Тут, фигурально выражаясь, все свои.

Кирсан гневно засопел:

— Я тут почему-то своих пока не встретил! Только пару ненормальных баб и одного ненормального садиста, который несет любой бред, кроме вменяемых ответов!

Святой расхохотался, весело, искренне, от души, затем сказал:

— Ненормальные, говоришь? Норма определяется большинством. Хороших людей тут нет. Только сволочи. Такие же, как ты и я.

На язык попросилась пара слов без падежей, но еще до того, как Кирсан подавил вспышку злости, цилиндрический предмет, в котором глаз специалиста сразу же узнал светошумовую гранату 'Факел-С', разбил окно и влетел внутрь. Разведчик еще успел отвернуться и закрыть глаза, но зажать руками уши времени не хватило. Вспышка, грохот, звон в голове.

Он откатился куда-то под прилавок, борясь с кругами и резью в глазах и шумом в ушах, на ощупь схватил автомат, болтавшийся на боку. Только что он растратил шесть или семь патронов, осталось еще тринадцать как минимум... Бесполезно, все бесполезно, потому что они застигнуты врасплох. Кирсан почти ничего не видит и совсем ничего не слышит. Сейчас полезут в окна, вопрос только, со слезоточивым газом или без. Кто такие? Местные силовики? Вряд ли. В таком разрушенном месте цивилизации нет — и силовиков нет. Каждый сам за себя. Но если пошла вначале нелетальная граната — значит, пытаются взять живыми?

Кирсан еще прокручивал в голове варианты действий — продавать жизнь подороже или сдаться без сопротивления, надеясь на то, что все это недоразумение удастся позже разрулить словами, когда сбоку к его ногам упал здоровенный тип с всклокоченной бородой и в кольчуге. Посреди груди — здоровая дыра, вроде таких, которые проделывают в теле дробовики двенадцатого калибра при выстреле в упор. Стало быть, Святой пошел ва-банк, попутно спалив мост и за Кирсаном.

Зал начал тонуть в клубах дыма. Не 'черемуха', обычная дымовая граната. Надо

выбираться отсюда, если получится, хотя вряд ли... Прямо перед собой Кирсан увидел человеческий силуэт с огромной палицей в руках и выстрелил короткой очередью, шагнул в сторону, пропуская падающее тело, и в следующий момент возле уха просвистела другая палица: сзади тоже враг.

От очередного удара он закрылся оружием, получил удар в живот ногой и снова оказался на полу. Здоровенный детина в бронежилете поверх кольчуги, нависая над ним, размахнулся дубинкой опять и выбил автомат. Кирсан схватился за нож, но удары посыпались уже с двух сторон. Десять секунд спустя ему подбили глаз, вышибли дух и скрутили. Последняя попытка отчаянного сопротивления ничего не дала: противников, один из которых оказался в крылатом шлеме, было уже четверо, и все — как на подбор здоровяки.

Когда Кирсана рывком поставили на ноги и поволокли к дверям, слух немного вернулся к нему, словно специально для того, чтобы разведчик едва-едва разобрал хриплый голос Святого:

— Держите колечко, гады...

Уши снова заложило, и оглушающая граната показалась сущим пустяком по сравнению с ударной волной боевой лимонки. Барабанные перепонки выдержали каким-то чудом, видимо, Святой подорвался где-то за стеллажами. Однако детину справа осколками убило наповал, Кирсан рухнул на пол на его труп, теперь его держал только один человек, тоже изрядно оглушенный, что с теми двумя позади — неизвестно. Разведчик не стал ничего предпринимать, прекрасно понимая, что теперь уже у него шансов нет. Даже если вырваться, выскочить на улицу, и там не окажется никакого оцепления — избитый, оглушенный и безоружный, он все равно долго не протянет.

Валяться долго ему не дали — снова бесцеремонно подхватили и потащили наружу. Да, снаружи были и другие люди с оружием — но уже без кольчуг, зато в бронеках и со стволами. На некоторых — военная форма, порой странная, другие в штатском. Затем Кирсан оказался перед двумя военными, к которым его приволокли 'кольчужники'. Резь в глазах пошла на убыль, и он хорошо рассмотрел обоих. Один из них — немецкий офицер-танкист гитлеровской армии в чине вроде бы майора, белобрысый, худой, без головного убора и с автоматом Калашникова на боку. А вот второй оказался офицером российской армии с погонами капитана, с широким, волевым лицом. В руках он держал специальную снайперскую винтовку 'винторез' — стало быть, спецназ.

Оба офицера переглянулись и перебросились парой слов. Кирсан бегло говорил по-немецки — но немца понять не смог. И что гораздо хуже — русского он тоже не понял, хотя тот говорил определенно по-русски.

Тут сзади подошел еще один бородач и протянул офицерам дробовик Святого и автомат Кирсана. Капитан взглянул на автомат и как-то грустно вздохнул.

— Капитан, что ты творишь, я же свой! — прохрипел разведчик, но тот в ответ только бросил короткую непонятную команду, и в голове Кирсана разорвалась бомба.

Концлагерь

Залитое солнцем, слепящее отраженными от мокрого асфальта лучами, затянутое туманом шоссе. По обе стороны — несущиеся навстречу деревья лесопосадки. Он поворачивает голову и встречается взглядом с Лилей. Он мог бы любоваться ее глазами вечно — но водителю нельзя отвлекаться от дороги. Перед машиной — влажное после дождя шоссе, утренний туман, и восходящее солнце впереди. И бульдозер.

Волосы встают на голове, кровь застывает в жилах. Откуда он взялся тут, едущий

навстречу по их полосе, уже неважно, потому что сверкающий бульдозерный нож оставляет им жить меньше одной секунды. Он так близко, машина едет слишком быстро — не отвернуть. Удара не избежать. Смерти не миновать... но может быть, только кому-то одному. Если резко повернуть руль — автомобиль врежется не лбом, а лишь одной стороной лба. Кто-то один неминуемо погибнет, но другой окажется в стороне от оси удара и, может быть, выживет. Руки крутят руль вправо: у Лили будет шанс. Пусть маленький — но шанс. В самый последний миг Кирсан вглядывается в блестящую сталь бульдозерного ножа, словно в глаза своего смертельного врага...

Сознание вернулось медленно и неохотно. Он открыл глаза и некоторое время смотрел в грязный потолок одним глазом, вспоминая, что с ним произошло раньше. Больше всего его сейчас беспокоила собственная голова: он не понимал слов ни немца, ни россиянина, хотя знал оба языка. Если поврежден участок мозга, отвечающий за понимание речи — дело совсем дрянь, но при таких травмах человек также лишается способности и говорить, а свои слова Кирсан и выговорил, и понял. Что-то тут не то.

Он осторожно коснулся лица и головы, пытаясь оценить повреждения, и обнаружил, что кто-то наложил ему повязку.

— Очнулся?

Кирсан с трудом принял сидячее положение и заметил в нескольких шагах от себя высокого худого человека, небритого, в потрепанном сером кителе, расстегнутом на груди.

— Вроде того... А ты кто? — спросил он, тяжело ворочая распухшим языком.

— Я Макс. Пить хочешь?

— Ага...

Назвавшийся Максом протянул ему пластиковую бутылку, полную на две трети. Вода оказалась такой же затхлой на вкус, как и та, что была в его фляге.

Кирсан огляделся, пытаясь сориентироваться. Длинное помещение вроде коровника, тридцать метров на десять или около того. Да что там вроде — это же и есть коровник, только переоборудованный под содержание пленников. Загоны разделены решетками, внутри каждой камеры — грязные, оборванные люди с безучастными лицами, преимущественно мужчины. В дальнем от Кирсана конце помещения — несколько женщин в паре отдельных камер.

По проходу, предназначенному для сельхозработников и доярок, ходят туда-назад два мрачных типа, попавших сюда не иначе, как из Голливуда. Немецкий солдат с ранцевым огнеметом и американец в относительно современной военной форме с пулеметом. Посреди прохода — длинный ряд из заколоченных ящиков.

Разведчик вернул сокамернику бутылку:

— Спасибо. Меня звать Кирсаном. Или Кир, если покороче. Макс, ты можешь объяснить мне, что здесь происходит?

— Ты тут недавно, значит, и ничего не понимаешь?

— Увы. Из всех живых и мертвых, которых успел встретить, мне попался только один относительно вменяемый тип, который на поверку оказался садистом и толком ничего мне рассказать не успел. Не захотел. А потом мы попали в засаду к вот этим, меня схватили, а он погиб. Подорвался на своей гранате.

— Такой вечно улыбающийся толстяк с бородкой?

— Точно, он.

— Это Святой. Я его знаю.

Кирсан подумал, что сказать 'я его знаю' о покойнике как-то неуместно, но промолчал. Макс явно не убивается по нему — значит, невелика потеря.

— Так ты можешь мне объяснить, что за чертовщина тут происходит?! Американцы, гитлеровские солдаты, какие-то деревенщины в кольчугах... Постой. Это же на тебе немецкая форма? Только выцветшая...

Макс невесело улыбнулся:

— Не выцветшая — тут одежда не успевает выцветать. Петлицы и погоны я спорол — цвет остался. Это эсэсовская форма.

Кирсан посмотрел на него с осуждением:

— И за каким чертом ты в нее вырядился?

— Не надо поминать черта, — медленно сказал Макс, — тут не принято поминать ни его, ни бога. Ты же и правда ничего не понимаешь... Жаль, нет Святого. Он любит читать новичкам лекции — аж тащится от этого.

— Ну Святой уже на том свете, — вздохнул Кирсан, — а ты мне тоже не хочешь ничего говорить. Везет на общительных знакомых, что тут еще сказать... ты хотя бы знаешь, зачем нас сюда притащили?

— Знаю.

— Скажешь?

— Не могу.

— Святой подорвался, чтобы не дать живым. Все настолько плохо?

Макс покачал головой.

— Как тебе сказать... и да и нет, но это как кому. Меня вот устраивает все почти. Сухо. Тепло, что редкость, хоть и душновато. Кормят. Поят. Периодически меняют 'ватерклозет', — он указал кивком на ведро в углу камеры и добавил: — и клопов нет, а к вони привыкнешь. Так что радуйся, ты и так имеешь больше, чем заслуживаешь.

Кирсан тяжело вздохнул и ощупал повязку на голове:

— Ты наложил?

— Я. Из куса твоей рубашки.

— Спасибо. Только я вот что хотел сказать... Макс, мы вроде бы даже не были знакомы до этого, кто ты такой, чтобы судить, чего я заслуживаю, а чего нет?

Тот усмехнулся, еще тоскливей, чем раньше:

— Мы хоть и не знакомы, но я знаю, кто я и чего заслуживаю. Этого достаточно, чтобы понять, чего заслуживаешь ты. Примерно того же, что и я.

Разведчик устало лег обратно на нары.

— Да вы все тут головой двинутые. Святой тоже что-то в таком духе нес. Мол, мы все тут сволочи...

— Он прав.

— Он ничего обо мне не знал!

— Достаточно того, что ты тут. Послушай, я не хочу ничего тебе рассказывать. Не могу. Сил нету. Пройдет немного времени, и ты, может быть, сам все поймешь. А может и не поймешь. Тебе же лучше будет.

Кирсан ничего не ответил. Голова саднит, и желания спорить с идиотом, напавшим эсэсовскую форму, нет никакого. Хотя... он уже успел заметить, как Макс затравленно вжимает голову в плечи каждый раз, когда немец-огнеметчик, недобро поглядывая на него, проходит мимо.

— Да уж, странное место... Безумное, скорее. Девки здесь все бешеные, так и стараются меня убить... Толпа зомби едва не загнала — Святой выручил. А потом эти вот схватили... Послушай, Макс. Может, мне крикнуть тому парню с огнеметом? Я пару слов по-немецки знаю, может быть, он согласится хоть что-то объяснить, раз ты не хочешь?

— Он ничего тебе не объяснит. Он тебя просто не поймет.

— Форма-то на нем немецкая.

Макс растянулся на нарах, забросив ногу на ногу и положив руки под голову.

— И что с того, что немецкая? На мне тоже немецкая, ну и?

— Я сейчас свихнусь. Я что, попал в реалити-шоу с участием неонацистов, нарядившихся в фашистскую форму?!

— Часто слышу это слово — реалити-шоу. Правда, так толком мне никто и не объяснил, что это. Но, в общем, не ты один об этом думаешь. Кирсан, ты лучше поспи. К некоторым иногда возвращается немного памяти в кошмарах.

— Я как раз видел такой кошмар. В нем мы с женой едем на машине и врезаемся в бульдозер...

— Мне очень жаль. Только это... отстань со своими расспросами, ладно?

— Нет, не ладно! Я убегал от толпы зомби, попал в компанию придурков, наряженных гитлеровцами и викингами, меня посадили в камеру с кретином, напялившим эсэсовскую форму... Я собираюсь отсюда выбраться! Мне ответы нужны, Макс, ты понимаешь, ответы, а не тот бред, что ты несешь!

— Это и есть викинги. Кирсан, пойми одну вещь. Отсюда нельзя выбраться.

— О. Видишь, ты уже начал отвечать. Продолжай, только, пожалуйста, без сказок и бреда, ладно? Тебя устраивает сидеть в концлагере и дожидаться неизвестно чего, но меня — нет. Я должен выбраться отсюда и найти свою жену.

— Ты ее любишь?

— Очень.

— Не найдешь. Даже если она здесь, ты больше никогда с ней не встретишься. Думаю, оно и к лучшему, у тебя в душе останется хоть что-то прекрасное.

Кирсан гневно засопел.

— А ты не каркай. Скажи, Макс, тебе самому разве не хочется выбраться отсюда? Ты предпочитаешь сидеть в клетке?

— Мы все в клетке. И ты, и я, и тот, что с огнеметом. И те викинги тоже. Выхода нет. Надежды нет.

— Ты хочешь сказать, те бугаи в кольчугах — викинги? Настоящие?

— Да.

— Хм. Я на улице видел подбитый 'тигр'. Объясни мне, как тут оказались викинги и танк времен Великой Отечественной? Это гигантский розыгрыш, другого объяснения не вижу.

— Великой Отечественной? Все не привыкну, как войну называете. Для меня она была войной за тысячелетний рейх...

— Хорош уже ломать комедию, придурок, — процедил сквозь зубы Кирсан, — и давай без дебильных шуточек про войну. У меня, как-никак, дед воевал, и я не потерплю...

— Я не придурок, — мрачно, но с достоинством возразил Макс. — Унтерштурмфюрер Максимилиан Вогель, Ваффен-СС восточного фронта, к твоим услугам.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем Кирсан сказал:

— Это не смешно. Совсем не смешно.

— Да, donnerwetter, я полностью с тобой согласен: ничего смешного тут нет, — мстительно прищурился Макс. — А сейчас ты еще и плакать будешь, русский недочеловек. Я перевязал тебе голову — в благодарность ты оскорбляешь меня уже не первый раз. Ладно же. Бог свидетель, я не хотел говорить, но ты меня заставил. Бог свидетель, что в этот раз в муках, которые я причиню, нет моей вины. Ответы хочешь получить? Яволь. Кто все эти люди, ты спросил? Они те, за кого ты их принимаешь. Те в кольчугах — викинги. Вон тот с огнеметом — немецкий солдат, а тот — американец. Что еще тебе угодно знать?

— И как мы все тут собрались из разных времен? — с сарказмом поинтересовался Кирсан, — уж не машиной ли времени приехали?

— Единственным естественным способом мы тут собрались. Ты спрашивал, откуда я знаю, чего ты заслуживаешь? Это просто. Ты там упоминал о толпе мертвых? Это все твои мертвые. Которых ты убил.

— Стоп-стоп-стоп!

— О, уже стоп? Ты хотел ответов, а как я начал отвечать — так сразу стоп? Нет уж. Жену хочешь найти? Не найдешь. Молись, чтобы не найти, хоть твоих молитв здесь никто и не услышит. Выбраться — не выберешься. Хочешь знать, где ты? Я скажу тебе. Есть только одно место, где могут встретиться убийцы из разных времен. Где внук русского солдата, воевавшего в сорок четвертом, может встретиться с немецким солдатом, воевавшим в том же сорок четвертом против его деда? Еще не догадался?

— От сорок четвертого до две тысячи четырнадцатого семьдесят лет, а ты выглядишь на тридцать, — спокойно возразил Кирсан.

Макс кивнул, и в его глазах появилась безысходность:

— Мне было двадцать восемь. Вот уже целую вечность мне двадцать восемь. И всегда останется двадцать восемь. Мертвые не стареют. Кошмар, который тебе снился — это были последние мгновения твоей жизни. Ты хотел знать? Теперь знаешь. Добро пожаловать в Ад.

Кирсан устало закрыл единственный зрячий глаз.

— Ты свихнулся. В твоей байке слишком много нестыковок. Начнем с того, что ты очень гладко говоришь по-русски...

— Я вообще не говорю по-русски. Две фразы, которые я выучил у сослуживцев — 'Матка, давай яйца, млеко, сало — шнелль!' и 'Рус, сдавайся'. Я говорю по-немецки, но ты слышишь русский. Точно так же, как и мне кажется, что ты говоришь по-немецки с баварским акцентом.

— Классная сказка. Я бы такое на трезвую голову не придумал.

Макс вздохнул, лег на нары и отвернулся к решетке:

— Ты хотел ответы — ты их получил. Еще и доказывать тебе что-то — уволь. Сам ищи доказательства и опровержения.

— Ладно-ладно, — поспешно согласился Кирсан, — мы в аду, только скажи, а где черти-то? Котлы с кипящей смолой? Мне двинули в глаз — и он заплыл, разбили голову — потекла кровь. Мертвые — это те, в том городе. Вот они были мертвее некуда — им мозги вышибаешь, а они и дальше двигаются. А я как Ленин, живет всех живых.

— Вот и я тоже думал, что ад — это непременно кипящая смола и костры, — снова вздохнул Макс, — а еще думал — что я туда не попаду. Видишь ли, ты почти угадал. Мертвому нельзя причинить страдания. Нельзя наказать за сделанные при жизни грехи. Как варить грешника в смоле, если он — бесплотен? Здесь, в аду, мы живем снова, если это

можно назвать жизнью. Еда... она здесь... никакая. Шнапс не пьянит. Скука — это лишь первая мука для нас. Удовольствий нет, только страдания. 'Вопрос номер один'... мне не хочется. Никому не хочется. У нас отняли все возможные развлечения. Все, ради чего мы жили. И это еще только начало.

Он сел на постели, подпер руками голову и спрятал лицо в ладонях. Кирсан молча смотрел на него, ожидая продолжения, и минуту спустя Макса прорвало:

— Ты спросил — где черти? Самообслуживание, мой друг, самообслуживание. Посмотри на меня. Я с сорокового года по сорок третий служил в концентрационном лагере. Истреблял жидов, унтерменшей, мужеложцев — с сожалением, но без сомнений. Фюрер сказал — 'так надо', Максимилиан Вогель ответил 'Яволь!'. Я верил в то, что так действительно надо. Я выполнял свой долг перед германским народом. Верил ученым, которые говорили, что унтерменши устроены примитивно и от боли страдают меньше арийцев. Верил пасторам, которые говорили, что германцы — избранный народ, а унтерменши — полуживотные без души. Вначале расстреливал сам, потом руководил расстрельной командой. Быстро продвигался по служебной лестнице: солдаты и офицеры, мои сослуживцы, не выдерживали, кадры менялись, как шляпки модницы. Через восемь месяцев я остался в своей части единственным из первоначального состава. 'С нами Бог', было написано на моем ремне, когда я еще в вермахте служил. И я думал, что это действительно так. То, что я делал — это было ужасно, но так было надо — и я держался. Железным Максом прозвали меня за стойкость и железные нервы. К сорок третьему году весь состав моего взвода сменился полностью еще раз — одни попадали в госпиталь с нервными расстройствами, кто умнее — писал рапорты и переводился всеми правдами и неправдами. Пили все. Кто пил сильно — их меняли. Кто не очень — спускалось на тормозах. Все прекрасно понимали, какая у нас работа...

Кирсан слушал исповедь человека, назвавшегося эсэсовцем, и в его голове боролись две мысли. Голос разума твердил, что все это — понарошку. Пусть жуткий, непонятный эксперимент, пусть бесчеловечное шоу — но понарошку. Человек, сидящий перед ним на нарах, либо псих, либо актер. Нацист из далекого сорок четвертого года? Нет. Немыслимо. Невозможно.

И в то же время от услышанного кровь холодела. Душа уходила в пятки от исповеди фашистского палача, принимая рассказ за чистую монету и не желая понимать, что все это — розыгрыш, больше похожий на страшный сон.

— ... И я тоже понемногу начал пить — мои железные нервы стали сдавать, — продолжал между тем Макс. — Понемногу — рюмку шнапса до, рюмку после... Потом — пару рюмок. А потом однажды я пришел в себя в карцере и узнал от охранника, что в пьяном виде отправил в госпиталь вначале дежурного гауптмана, а потом своего непосредственного командира... Думал — расстреляют. Не расстреляли, к сожалению. Учли 'заслуги'. Но я попал на восточный фронт — там для меня тоже нашлась работа по специальности. Железный Макс, не знающий сомнений, везде был нужен. Партизаны тут, партизаны там... Неуловимые, словно призраки. Мы выжигали в отместку деревни и села. Карательные отряды не сидели без дела, в общем. Так закончился сорок третий, начался сорок четвертый. Тогда уже было понятно, что дело швах, но я, наивный, так и не поумнел. Верил Геббельсу, что вот-вот будет чудо-оружие, опрокидывал стакан шнапса за фюрера и тысячетный рейх и шел воплощать в жизнь тактику выжженной земли... А потом все закончилось. Однажды весной посреди ночи взревели на дворе русские танки... Я выскочил, полуголый, на улицу, и

оказался с автоматом прямо перед одним из них. Собственно, это последнее, что помню. А потом я попал сюда. И понял, что бог вовсе не был с нами — он был против нас. Против того, что мы делали.

Вот ты, Кирсан, спросил, где черти. А зачем они тут, если есть такие, как я? Мы обречены до скончания времен поступать тут друг с другом так, как при жизни поступали с другими.

Разведчик удержал эмоции в кулаке. Хотелось как следует зарядить этому клоуну в щи, чтобы знал, что за некоторые шутки в зубах бывают промежутки, но он не стал этого делать. Вопрос первостепенной важности — выцепить в бреде псевдо-эсэсовца крупницы истины и по ним восстановить реальную картину происходящего. А для этого надо заставить его отвечать на тщательно подобранные каверзные вопросы.

— Ладно, Макс... так значит, ты тут уже семьдесят лет, и за это время не постарел? Ты уж определись — мы живые или мертвые.

Тот устало покачал головой:

— Это сложно назвать жизнью. Видишь ли, для меня прошло гораздо больше времени. В мире живых проходит год — здесь двадцать или больше. Стареем ли мы здесь или нет — неизвестно, потому что лишь единицы умудряются протянуть тут год, не умерев ни разу. Когда ты погибнешь — снова окажешься где-то на болоте. Забудешь все, что с тобой произошло, забудешь все, что знал, забудешь, где находишься. Собственно, не исключено, что вот сейчас ты проживаешь сотый или тысячный цикл смерти и возрождения. Каждый новый цикл ты начинаешь в одном и том же состоянии, пытаешься понять, где ты, ищешь выход, цепляешься за жизнь до последнего — и гибнешь в муках, чтобы начать все это снова, и снова, и снова, и снова. И так до скончания времен, или, как считают оптимисты, пока твое наказание не истечет.

— А этому есть какие-то доказательства?

— Сколько угодно. Ты можешь написать письмо сам себе и оставить у почтальона. И если в следующий раз ты возродишься в этом же месте, что весьма вероятно, то сможешь забрать свое письмо. Или, к примеру, может так случиться, что сюда приволокут Святого и посадят в соседнюю камеру.

Кирсан покачал головой:

— Игнат подорвался на своей гранате, когда его схватили. Ты хочешь сказать — он сейчас снова жив?

— Скорее всего, да. На возрождение обычно уходит совсем немного времени — и вот узник готов снова страдать. Когда ты на протяжении одного своего цикла видишь несколько смертей одного и того же человека — ну, тут уж сложно не поверить.

Гладко звучит, надо признать. Но у сумасшедших частенько все звучит гладко, если книги не врут. Поймать бы сукина сына на противоречии...

— Кто такой почтальон?

— Человек, хранящий письма людей самим себе. Как правило, почтальонами становятся 'помнящие' — те, память которых не стирается при смерти.

— Как так?

— Вот так. Иногда некоторым дается такая сомнительная привилегия, зачастую — чтобы усилить их страдания.

В этот момент двери коровника открылись. Внутри вошли двое парней в кожаных куртках и с автоматами, за ними — четверо оборванцев в ярко-красных жилетках дорожного

рабочего и с тележками. Следом — еще двое автоматчиков, толкающих пару тележек для мороженого, и невысокая худощавая женщина лет двадцати семи в юбке и сером однобортном кителе с заплатками на рукавах, подозрительно знакомого покроя.

— Кормежка, — сообщил Макс, — не вздумай рыпнуться, делай, как я. Иначе шлепнут без предупреждения. И заговаривать не пытайся. Бесполезно.

Он взял из угла ведро, источающее вонь фекалий, поставил его у самой решетки, после чего сел на нары у самой стены, положив руки на колени. Кирсан последовал его примеру.

Процессия шла вдоль камер, выполняя одну и ту же процедуру. Конвоир отпирал дверь, один из рабочих-оборванцев забирал отхожее ведро, вместо него ставил пустое, затем женщина доставала из тележки для мороженого печенье, консервы, запечатанные йогурты и прочую снедь, а также бутылки с водой и старые газеты, ставила на столик у самой двери, после чего конвоир запирает дверь и весь этот вертеп шел к следующей камере.

Когда очередь дошла до Кирсана с Максом, разведчик попытался нащупать хоть какой-то контакт с кем либо, но автоматчики сверлили его злыми взглядами, оборванцы не поднимали глаз вообще, а женщина, лишь посмотрев на Кирсана, отвернула от него опечаленно-безучастное лицо.

— Первая представительница прекрасного пола, которая не попыталась меня убить, — заметил он, когда конвой удалился на достаточное расстояние, — может быть, ты все же расскажешь мне, кто они такие, почему с ними нельзя говорить, и зачем они нас сюда посадили?

Макс протянул руку, взял пачку галет, распечатал и принялся жевать, всем своим видом демонстрируя полное нежелание говорить во время еды. Кирсан взял пластиковый стаканчик с йогуртом, попытался поесть, но его едва не стошнило: словно полон рот жидкого мыла набрал.

— Дерьмо какое-то, — вздохнул он.

— Привыкнешь, — обнадежил его Макс, — если успеешь. Мне в этом плане полегче — я помнящий. Привык давным-давно. А настоящий вкус печенья уже начинаю забывать.

— И еда вся тут такая?

— Почти.

Кирсан дождался, пока сокамерник поест, и спросил:

— Что ты собираешься делать дальше?

— Ничего. Нет смысла что-то делать. Я, как это назвал Святой, просто мотаю свой срок. Ты пока еще не понимаешь — но когда ты сидишь в клетке, которая находится в большой клетке — выбираться бесполезно. Выбраться из меньшей — значит все равно остаться в клетке. Выхода нет. Остается только отбывать заключение.

— Вечность?

— Угу.

— Веселый ты парень, умеешь обнадежить. Так почему нельзя говорить с нашими тюремщиками?

— Можно. Просто бесполезно. Помнишь, чем закончилась постройка вавилонской башни? Тут та же история. Ты понимаешь одних, даже если они говорят на чужом языке, и не понимаешь других, несмотря на то что это твои соотечественники. Ты слышишь слова, знаешь, что это слова твоего родного языка — но не понимаешь. Мы разделены на два лагеря, между которыми не может быть понимания.

— Зачем?

— Где нельзя договориться — дело заканчивается войной. Это край убийц, и все тут устроено так, чтобы убийства не прекращались. Мы обречены пожинать то, что сеяли, из рук друг друга. Высшая мера справедливости. Апофеоз божественной мудрости. И грешники страдают, и на угле и смоле экономия.

— Шутник, мать твою.

— Вряд ли. Последний раз я шутил очень давно. Сотни лет и тысячи смертей назад.

По коровнику пронесся короткий крик ужаса и боли.

— Что это? — вздрогнул Кирсан.

— Кошмар кому-то приснился, — зевнул Макс, — привыкай. Кошмар наяву и во сне. До конца времен.

***

Сон не принес Кирсану никакого облегчения: ему снились дорога и бульдозер на встрече. Пробуждение ничего не изменило: из одного кошмара в другой, как и обещал Вогель.

Изменений тоже никаких не произошло. Никто не пришел куда-то кого-то вести, никакого шума, никаких движух. Кирсан попытался понять, как вырваться из этого узилища, но уяснил только то, что за окном действительно не происходит смены дня и ночи, а в их импровизированной тюрьме меняются только охранники. И все. Уборка экскрементов и раздача еды — с интервалом примерно в десять часов, и лица одни и те же. Вначале были опасения, что впереди расправа в отместку за убитого придурка в кольчуге, но к пятой раздаче еды Кирсан понял: никому нет до него дела. Заперли в клетке, кормят, убирают дерьмо.

Он не оставлял надежды догадаться, что за чертовщина творится, но кусочки мозаики оказалось невозможно сложить вместе. Какая бы картинка ни получилась — все равно найдется хоть одна деталь, которая не только останется лишней, но и сломает выстроенную гипотезу.

Реалити-шоу или скрытая съемка? Да, эпический обман множества людей может иметь место. В том рассказе обманули десятки актеров, едущих в метро на съемку. Тут Кирсан встретил около полусотни людей: Святой, группа захвата, Макс, узники коровника, охранники и уборщики. Две женщины — видимо, такие же жертвы. Святой — наверняка 'их' человек, и гранатой он себя не подрывал, все это был трюк. Макс, получается, тоже подставной.

Эта версия могла бы объяснить и танк, и покинутый город — киношники и не такие декорации строят — и журналы прошлого века, и все остальные события, кроме зомби. Вариант с актерами отпадает: пардон, когда пули выносят половину мозгов так, что в голове становится виден просвет, то любой актер откинёт копыта. И потом, а где камеры-то?

Версия номер два — зомби-апокалипсис, что само по себе уже фантастика — напрочь убивалась непониманием русского и немецкого языков группы захвата. Плюс к этому странный город без единой таблички или знака, но с журналами прошлого века и танком прошлой войны.

Эксперименты со временем в любом виде — опять же, а зомби откуда? Если допустить одновременно две невозможные вещи — хроно-пердимонкль и зомби-армагеддец — тогда это объясняет все... Кроме казуса с языками. Все оказалось слишком сложно, единственный способ разгадать загадку — заставить Макса сказать правду, при условии, что он ее знает. Легче сказать, чем сделать: Кирсан основательно избит и только-только начинает видеть

двумя глазами, а немец — если он, конечно, немец — тип здоровый. Поневоле вспомнилось, что в СС поначалу принимали только людей высокого роста с идеальным здоровьем.

Было, впрочем, и еще одно. Макс, если он действительно был 'их' человеком, слишком уж хорошо играл. Можно сочинить гладкую легенду, можно научиться убедительно говорить и использовать язык тела для максимального эффекта — но вот такой загнанный, потухший взгляд может быть только у действительно затравленного, потерявшего надежду человека. Или у актера от Бога.

Кроме того, для подсадного, который должен определенным образом обрабатывать свою жертву, Макс вел себя слишком пассивно. Он не стремился начинать разговор, на расспросы отвечал крайне неохотно и в те моменты, когда Кирсан не пытался его разговорить, вел предельно растительный образ жизни: есть, спать, лежать на нарах, глядя в потолок или с закрытыми глазами.

После пятой кормежки произошло событие, нарушившее размеренный ход событий: приволокли нового узника, тощего типа в грязном пиджаке и с некогда модным галстуком, и заперли в клетке аккуратно напротив. Тот вел себя довольно шумно, картавым голосом угрожая судом, полицией и своими связями. Охранники — а это были очередной немец-огнеметчик, коих Кирсан в лицо запомнил троих, и бритоголовый крепыш с раскосыми глазами, подозрительно напоминавший то ли бойца триады, то ли японского якудзу — вначале игнорировали крикуна, затем немец стал проявлять признаки раздражения и узкоглазому пришлось его успокоить, а потом терпение лопнуло и у него. 'Якудза' махнул рукой, мол, делай с ним, что хочешь. Немец снял свой огнемет, открыл дверь в камеру.

— Что вы собигаетесь делать?! Не смейте ко мне пгикасаться! Я буду жалова... — тут массивная спина немца заслонила узника от Кирсана, послышался короткий звук удара и характерный хруст.

Несчастный еще попытался возмутиться, что ему сломали нос, но в ответ на каждую гневную фразу или призыв о помощи следовал удар. После четвертого раза до него, наконец, дошло: в споре слова, не подкрепленного силой, и кулака последний выигрывает всухую. Немец постоял над сжавшимся в углу узником несколько секунд, убедился, что тот все понял и заткнулся, и вышел из камеры, заперев дверь и оставив окровавленного человека на полу. Минуту спустя он вернулся и бросил ему через прутья решетки какую-то ветошь — вытереть лицо.

— На этом охраннике форма времен войны, — заметил будто невзначай Кирсан, хотя внутри у него все клокотало от бессильного бешенства.

— И? — равнодушно отозвался Макс, не проявивший ни малейшего интереса к происходящему.

— Как-то оно странно, когда солдат Рейха проявляет сочувствие к еврею, впрочем, перед тем им же избитому.

— Он тоже способен раскаиваться. А что избил — так не за то, что жид, а за то, что шумел. И кстати. Когда принесут еду — скажи жиду то же самое, что я тебе сказал. Сидеть в углу, руки на коленях, не пытаться заговаривать.

— Сам-то почему не скажешь?

Макс перевернулся на другой бок, не открывая глаз, и пробормотал:

— Не хочу привлекать внимание того парня с огнеметом. Знаю, что ты подумал — но если он решит меня сжечь сквозь прутья решетки, достанется и тебе. Эти шуковины очень любят разбрызгивать пламя во все стороны от первоначальной цели.

— Тут уже кого-то сжигали?

— Нет. Просто пользовался таким же.

Кирсана покорило, но он снова промолчал. Пока не поймет, в какую игру играет Макс — будет подыгрывать. Пусть засранец думает, что впереди на шаг... до поры до времени.

— А почему ты решил, что он непременно тебя сожжет, а не побьет?

— Все русские такие занудные? — проворчал тот, — отстань, а?

Кирсан ухмыльнулся:

— Не повезло тебе с сокамерником, да?

— При чем тут везение? Здесь не бывает случайностей. Полно свободных клеток — но ты в этой. Тебя посадили в клетку к человеку, которого ты ненавидишь. Это часть наказания для нас обоих.

Охранники, прогуливаясь вдоль клеток, иногда перебрасывались парой слов, и Кирсан лишний раз убедился в том, что оба говорят на разных языках. И если по словам азиата на слух можно было судить лишь о том, что язык азиатский — отличать на слух китайский, корейский и японский Кирсан не умел — то немец определенно говорил по-немецки. Все, и интонации, и общее отрывистое звучание, характерное для немецкого, было очень знакомым. Но вот слова... Это напоминало ситуацию, когда человек, знающий иностранный язык лишь по учебнику, но не имеющий разговорной практики, слушает песню на этом языке и не понимает ни слова. И ведь знаешь, что, положим, песня на английском, по которому у тебя 'отлично' — а не разобрать и все тут. Вроде бы словарный запас есть — а из уст певца льется поток звуков, в котором ненаметанное ухо ни одного слова узнать не может.

Потом пошла уборка-кормежка. Кирсан сразу же предупредил узника напротив, чтобы тот сидел тихо и пытался делать глупости.

— Хвала всевышнему, — сдавленно прошептал в ответ тот, — что я встретил тут хоть одного иудея... Что за ужасы здесь происходят?!

— Я не иудей, я русский, — устало вздохнул Кирсан, предчувствуя дальнейшее развитие диалога.

— Но вы так хорошо говорите на идиш... Что я принял вас...

— Да я на многих языках говорю, — ответил он.

Макс, лежа на нарах спиной к нему, негромко хмыкнул:

— Выкрутился, рус...

— Русские — очень находчивый и умный народ, — небрежно ответил Кирсан.

В этот раз он снова попытался нащупать хотя бы возможность контакта, но оборванцы-уборщики на него взгляд не поднимали, а женщина старательно отводила глаза, стараясь не смотреть ни на кого из заключенных.

— Я не спец по формам — но ее китель кажется знакомым, — заметил Кирсан, когда процессия проследовала к дальним камерам.

— Кригсхельфериннен СС, — пояснил Макс, — женские специальные подразделения. Надзирательницы в женских бараках концлагерей.

— Знаешь, что мне в голову пришло? Если это ад — тут должно быть тесновато. Где миллиарды умерших грешников? Вместо этого я встретил не так уж и много людей, и куда ни кинь — сплошные нацисты. Солдаты с огнеметами на страже, эсэсовец в камере, надзирательница на кормежке... Чем ты это объяснишь?

— За объяснениями — к богу или дьяволу, — отрезал Вогель, распечатывая упаковку печенья, съел одну галету и добавил: — но если ты немного подумаешь, то вспомнишь, что я раньше говорил. Тут не бывает случайностей.

Так прошло еще некоторое время, в котором можно было ориентироваться только по кормежкам. Снаружи — вечные и неизменные сумерки. К радости Кирсана, еврей из камеры напротив хорошо играл в шахматы, они разыграли несколько партий по памяти, но развлечения хватило ненадолго: оппонент оказался слишком силен. Тогда к делу подключился Макс: выяснилось, что у обоих примерно одинаковый разряд по шахматам.

— Ты, главное, не брякни ему, что я немец, — предупредил он, — а то жид откажется со мной играть... если поверит, конечно.

— Забавные тут вещи происходят. Чистокровный ариец играет в шахматы с ненавистным евреем.

— Ненавистным? Ты знаешь, с моей семьей по соседству жили два жида со своими семьями. Один булочник, второй молочник. Приличные люди, я дружил с сыном булочника в детстве. Я их много в газовых камерах после уморил. Фюрер сказал — так надо. Они недолюди, их надо ненавидеть... Я так и делал, и не задумывался, почему я это делаю? Что ж, потом у меня было много-много веков на то, чтобы понять, что никаких причин ненавидеть жидов, ничего плохого мне не сделавших, у меня не было. Вот только понять это и то, что заповедь 'не убий' распространяется и на унтерменшей тоже, я смог лишь после того, как оказался в аду. Но исправить уже ничего нельзя — остается смиренно принять последствия своих поступков. Смиренно — потому что ничего другого не остается.

Налет

Больше всего Кирсану осточертела скука. Есть, спать, видеть один и тот же кошмар: залитая солнцем дорога и бульдозерный нож. К пятнадцатой кормежке он уже был готов грызть прутья или броситься с кулаками на охрану, но понимал, что номер не пройдет: у голых рук нет шансов против пары автоматов. Он должен как-то выбраться, если не хочет сойти с ума.

— И давно ты тут сидишь? — спросил он сокамерника, когда их клетку снова заперли.

— Кормежек сто.

— Уму не приложу, как ты тут еще не свихнулся. Это получается около тысячи часов. Так почему нас тут держат?

Макс кивнул в сторону ящиков, расставленных по всей длине прохода.

— Из-за них.

— Что внутри? Блин, да что ж мне приходится каждое слово из тебя вытягивать.

— Еда внутри. И выпивка. Видишь ли, все здесь подвержено тлену и разложению. Все портится, гниет, ржавеет — и очень-очень быстро. Но дело в том, что каждый человек распространяет вокруг себя ауру, которая этому разложению препятствует. В местах, где людей много, все иначе. Если ты построишь себе землянку где-нибудь — ты можешь жить в ней долго. Но стоит тебе отлучиться на несколько часов — и она обвалится, вся утварь сгниет и придет в негодность. Потому люди, которые пытаются как-то тут устроиться, вынуждены собираться большими группами. Вот как эти, которые нас здесь заперли.

— А при чем тут еда?

— Если ты будешь очень долго — месяцы или больше — носить при себе, скажем, плитку шоколада — она станет нормальной. Как в мире живых, понимаешь? Вкусной. Такая еда — единственное, что имеет ценность. То же самое — водка, пиво, шнапс. Они

становятся нормальными. Пьянят. Нет ничего дороже, чем возможность напиться и ненадолго забыть, что ты в аду.

Кирсан понимающе кивнул.

— И нас тут держат, чтобы мы своим присутствием превращали вот эту мерзость в нормальную пищу.

— Именно.

— Почему они сами этого не делают?

— У любой группы, обосновавшейся где-либо, масса проблем и занятий. Сам все поймешь, когда выберешься отсюда и к кому-то примкнешь. А нас сюда посадили, потому что другой пользы с нас нет все равно. И мы не будем претендовать на часть превращенной еды, когда дойдет до дележа.

— Вот же сволочизм... Прямо рабовладение.

— Взгляни на это с другой стороны. За то время, которое ты провел за решеткой в тепле, сухости и умеренной вони, на иллюзорной свободе, можно было бы умереть в муках несколько раз. Поят, кормят...

— Дерьмом несъедобным.

— Привыкай. На свободе ли, в клетке ли — еда-то везде одна и та же. Мне за века здесь удалось поесть вкусно... может, раз двадцать. Не считая всякого по мелочам. Так-то я предпочитаю водку. Или спирт. Врезал стакан — и тебя уже не тревожит, что ты в бесконечном заточении. На короткое время забываешь о беспросветной тоске и безысходности.

— А еда откуда берется?

— Из городов. Там в магазинах ее много.

— Ну а в магазинах откуда берется?

— Из ниоткуда. Сегодня отправилась команда мародеров, вычистила все до крошки — вскоре снова полки полны. Бери, сколько хочешь.

В этот момент снаружи донеслись крики, топот ног, отрывистые команды и бряцанье оружия. Некоторые узники встревожились, но большинство осталось равнодушным.

— Что происходит? — громким шепотом спросил шахматист из противоположной камеры.

— Нападение, — прокомментировал Макс.

Несколько минут издали доносились только отдельные выстрелы, но затем началось форменное светопреставление, которое Кирсан, будучи разведчиком, однажды уже видел. Война везде одинакова. Вопли, крики, стрельба из множества — не меньше пары сотен — стволов. А затем сквозь все это прорвался дьявольский вой хора множества глоток.

Макс сразу же стряхнул с себя флегматичность и бросился к зарешеченному оконцу, пытаясь увидеть хоть что-то. Охранники — на этот раз американец с огнеметом и байкерской наружности громила с дробовиком — забеспокоились теперь уже всерьез.

— Что это? Демоны?!

— Хуже... Людоеды.

— ?!!

— Единственная пища в этом мире, которая всегда имеет вкус — человеческая плоть, — мрачно прокомментировал Вогель.

— Твою ж мать! Слушай, сейчас или никогда. Решетка тут не очень прочная, если мы налетим плечом одновременно — выбьем!

— Ты забываешь про охрану.

— Внезапность — наше преимущество. Они отвлекутся — и тогда...

— Нет. Тут огнеметчик. Извини, но я пас.

Кирсан заиграл желваками:

— Ах, я же забыл, ты привык быть с другого конца огнемета, эсэсовское дерьмо.

Вставай, мать твою, огнеметчика я возьму на себя, а ты отбери у второго дробовик и...

Макс покачал головой:

— Огнеметчик выглядит крупнее и сильнее тебя. Ты не справишься. Если он помнящий

— у тебя шансы и вовсе нулевые

— Вот же размазня... Я продержу его достаточно долго, чтобы ты смог отнять дробовик, и тогда...

— Ты ничего не понимаешь, русский. Я беспомощен в присутствии огнеметчика. Дробовик мне не поможет — его заклинит. А ты сам не справишься. Давай просто посидим и посмотрим, что будет.

— Почему ты решил, что обязательно заклинит?!

— Я не решил, я знаю, — вздохнул Макс, — видишь ли, когда я попал на восточный фронт, то много работал в карательных командах. Мы не раз загоняли людей в какое-нибудь здание и поджигали его. Так эффективнее и проще, понимаешь? И вот теперь я пожинаю, что посеял. За тобой гонятся мертвецы — твои грехи не так тяжки, как мои. За свою жестокость я обречен гибнуть так же, как мои жертвы — в огне. Каждый раз, когда у моего врага огнемет, я бессилен что-либо поделать. У меня клинит оружие, я не могу спрятаться, не могу убежать. Нет случайностей — это система. Индивидуальный подход. Я настолько же незащищен, как были незащитны мои жертвы. У меня прозвище здесь — Горелый. За все мое время тут я сгорал заживо куда больше раз, чем число всех моих жертв — тысячи смертей в огне. Потому — нет. Я буду сидеть в клетке. Убьют людоеды — ну и ладно, не впервой же. Когда сгоришь заживо множество раз — поймешь, что смерть от клинка или пули — милосердие.

Кирсан попытался уговорить немца, но тот уперся. И пойдя пойми, псих он или притворяется.

Стрельба вскоре стала громче, вой и крики — ближе. Бой происходил совсем рядом, судя по звуку, и дела обороняющихся, видимо, пошли плохо.словно в подтверждение этого, дверь распахнулась, и в нее ввалилась целая толпа уродов, настолько живописных, словно все они только что сбежали из гримерной какого-то фильма ужасов. Тощие, исполосованные шрамами, с безумными глазами, в руках они сжимали оружие, преимущественно холодное — мечи, топоры и дубинки. Охранник-байкер лишь один раз успел выстрелить из дробовика, как на него посыпался град ударов.

Пламя вырвалось из раструба огнемета с шипением и ревом, и целая группа нападающих, добивавших байкера, в одно мгновение превратились в живые факелы. Душераздирающие крики заполнили помещение, разом перекрыв шум стрельбы снаружи. Огнеметчик повел раструбом слева направо, поливая огнем тех, кто не попал под первую струю. В ответ прогремели выстрелы, и Кирсан увидел, что на гимнастике охранника появилось темное пятно. Тот все же выстрелил в третий раз, но сквозь огненную стену прыгнули новые людоеды.

— Сейчас или никогда, Макс! — завопил разведчик, — поднимай свою задницу! Огнеметчику не до тебя!

Немец неожиданно послушался. Вдвоем они налетели, разогнавшись, насколько это можно было сделать в маленькой камере, на дверь, и петли, сделанные не особо качественно, не выдержали. Узники покатались по полу и оказались чуть позади нескольких дикарей, уже сваливших охранника на пол.

Кирсан прополз два шага вперед, схватил топор, зажатый в руке горящего трупа, за рукоять у клинка и вырвал из мертвых пальцев. Перехватил оружие поудобней и поискал глазами, кого бы первого охреначить.

Сквозь стену пламени и дыма прыгнул еще один тип с охотничьей винтовкой в руке, Кирсан сразу же ударил его по ноге, подрубив сухожилия и мышцы, и свалил на пол. Тот завопил, пронзительно и отчаянно, привлекая внимание других, но разведчик схватил левой рукой за ствол винтовки, не позволяя навести оружие на себя, а правой ударил снова. Лезвие топора легко прорубило ребра, крик оборвался.

Схватить винтовку, перевернуть затвор на всякий случай... Еще двое появляются из огня и дыма, с безумными глазами и оскаленными зубами. Кирсан уложил одного из них наповал выстрелом в упор, но перезарядить оружие не успел. В самый последний момент он сумел заблокировать свирепый удар мечом винтовкой, клинок расколол деревянное ложе и лязгнул по стволу. Попытка контратаки ничего не дала: казалось, враг предвидел боковой удар прикладом и мастерски от него уклонился, а в следующий миг Кирсан оказался прижат к полу. Безумец не стал орудовать мечом в ближнем бою, а отбросил его и схватился за винтовку, пытаясь придавить ею разведчика к полу и задушить. Кирсан забросил правую ногу так, чтобы зажать голову противника в коленном суставе и сбросить с себя, но тот избежал и этого приема.

Хуже всего было то, что людоед — кстати, человек вполне европейской наружности в совершенно неподходящем к ситуации пиджаке — находился сверху и был сильнее, и потому Кирсан, придавленный еще и его весом, не мог отпустить винтовку, которую с трудом удерживал в сантиметре от своей шеи. Все известные ему приемы, направленные на сбрасывание врага, перестали работать, словно противник не только умел им противодействовать, но еще и знал наперед, какой из них Кирсан попытается применить в следующий момент.

А затем положение стало совсем безнадежным, когда рядом возник еще один людоед и замахнулся палицей. Внезапно раздался выстрел, затем еще один. Оба врага свалились замертво, получив по пуле в голову.

— Вовремя, — выдохнул Кирсан, увидев позади себя Макса с кольт сорок пятого калибра в одной руке и окровавленным мечом в другой.

Те несколько головорезов, добивавших огнеметчика, уже умерли, и можно было только догадываться, как немец умудрился перебить их всех.

— И ты еще о смирении говорил, — тяжело дыша, заметил Кирсан, — а на деле — волк в овечьей шкуре.

— Не буди лихо, пока оно тихо, — пожал плечами Макс, — так у вас говорится? Хотим унести ноги — надо спешить.

В это время от оцепенения очнулись узники. Крики 'выпустите меня' неслись со всех сторон. Ключи, где же ключи? Если у байкера — то он валяется среди кучи еще горящих тел и сам неотличим от них. Но если у американца... Кирсан бросился к трупам огнеметчика.

Ключи действительно были там.

— Прикрой меня, мы не можем их тут оставить! — крикнул он Максиму и принялся

отпирать двери, выпуская заключенных.

Так прошли минуты, может быть, три, а может, всего лишь полминуты — казалось, что ключи нарочно попадают все время не те. Тем не менее, восьмерых удалось освободить, когда в помещение ворвалась целая толпа воющих человекообразных демонов.

Понимая, что всех спасти не удастся, Кирсан бросил связку ключей сквозь прутья решетки тому узнику, которого как раз пытался выпустить, и побежал прочь, на ходу передергивая затвор. Коровник, к счастью, оказался типично советской постройки, с двумя входами на торцах. Макс, прикрывая его, дважды выстрелил из пистолета, а затем оба они бросились наружу. У самой двери Кирсан остановился, обернулся, чтобы выстрелить — и остолбенел.

Узники, все те восемь человек, кого он успел выпустить, никуда не побежали. Они были там, у ящиков, вскрывали их, ломая ногти, доставали оттуда пакеты и бутылки и даже не ели, а буквально пожирали их содержимое с жадностью, которую не у всякого умирающего от голода увидишь. И бегущие к ним людоеды никого не испугали. Узников перебили в считанные секунды, но в память Кирсана прочно врезался пригвожденный к полу человек, из последних сил тянущий дрожащие пальцы к плитке шоколада.

Тут Макс буквально потащил его прочь. Они оказались посреди небольшой площади, очень похожей на площадь в каком-нибудь колхозе, с той разницей, что в колхозах обычно такие сражения не кипели. На относительно небольшом пространстве, огороженном зданиями и кое-как построенными стенами, отчаянно дрались с применением холодного и огнестрельного оружия человек, по меньшей мере, двести, а из окон зданий хлестали пламя и свинец. Длинные очереди пистолетов-пулеметов и автоматов всех моделей, марок и калибров слились в один сплошной непрекращающийся треск, ругань обороняющихся, непонятная, но все же членораздельная, перемешалась с завыванием атакующих.

Кирсан и Макс нырнули за то, что осталось от комбайна. Гора ржавого металла — но хоть какое-то укрытие. И вовремя: откуда-то из-за зданий гулко грохнула пушка. Осколочно-фугасный снаряд попал в стену коровника, пробил ее и взорвался внутри.

— Смотри, мы проберемся вон за тем знанием, — указал Макс, — а потом через ту калитку. А там, возможно, будет совершенно неохраняемая стена или другое укрепление.

— Мы можем срезать, если не побежим до калитки, а просто перемахнем через...

— Найн. Я никуда ни через что не перемахну.

Тут Кирсан обратил внимание, что китель Макса застегнут на все пуговицы, а из-под него выпирают различные угловатые предметы: пока он выпускал из клеток заключенных, немец дорвался до ящиков первым и напихал за пазуху драгоценных продуктов. Сукин сын. Расчетливый и хладнокровный сукин сын.

В этот момент крики и выстрелы прозвучали совсем рядом. Кирсан выглянул из-за укрытия и увидел небольшую группу солдат в мундирах разных армий и с разношерстным вооружением, спешивших к коровнику. Навстречу им вывалилась целая орава обезумевших людоедов. По спине побежали мурашки, когда стало видно лица, уже перемазанные кровью.

С обеих сторон ударили автоматы, но у каннибалов стволов оказалось меньше. Несмотря на это, они бросились вперед с неистовством берсерков, завывая и потрясая оружием. Кирсан вскинул винтовку, поймал на мушку одну из ужасных физиономий и нажал на крючок. Пуля, рассчитанная на кабана или что побольше, пробила череп навывлет и попала еще в кого-то.

На звук выстрела сбоку обернулся один из солдат, и Кирсан узнал того самого

российского офицера. Долю секунды они пытались прочесть в глазах друг друга мысли, которыми им не дано было обменяться словесно, а затем офицер отвернулся, поднял автомат и продолжил стрелять в нападающих безумцев. Еще раз рывнула пушка, разорвав в клочья несколько тел, и тут со стороны нападающих пронеслась огненная стрела. Рванул взрыв.

— 'Тигру' капут, — прокомментировал Макс, — надо уходить.

Они, пригнувшись, двинулись за здание.

— Как ты узнал, что это был 'тигр'? — спросил Кирсан.

— Я что, на слух не отличу 'кампфвагенканоне тридцать шесть' от любой другой пушки?

— Ах ну да...

Внутри здания, за которым они прятались, раздался взрыв, выбивший все стекла, которые еще не вылетели. Беглецы как раз добрались до калитки, когда из задней двери, шатаясь, выскочила женская фигура, споткнулась на ступеньках и растянулась на земле. Макс, вскинувший было пистолет, увидел, что она не вооружена, и не стал стрелять. Кирсан шагнул ближе, протягивая руку, но немец бросил:

— Оставь ее. Она при любом раскладе обречена, а нам не нужны лишние проблемы.

Женщина подняла голову на звук непонятной речи и разведчик сразу же ее узнал. Там самая, раздававшая еду. И она его тоже узнала — и, сидя на земле, в ужасе попыталась отползти прочь. Ах да, ведь еще Святой говорил, что все, чья речь непонятна — враги. Но Кирсану плевать, кто и что там говорил. Он не будет играть по чужим правилам.

Разведчик схватил ее за руку и поволок за собой. Женщина сопротивлялась недолго, быстро сдалась и покорно следовала за ним, пошатываясь на бегу. Видно, взрывом основательно оглушило.

Предсказание Макса сбылось в точности: за калиткой простиралось открытое пространство, чуть дальше — грубое подобие крепостной стены в полтора человеческих роста, никем не охраняемое: как только на поселение напали с другой стороны, часовые отправились отражать атаку.

Трое беглецов покинули периметр, никем не замеченные, пробежали триста метров до ближайших деревьев и вскоре затерялись среди покореженных, безжизненных черных стволов. В этот момент позади рвануло так, что куски кирпичей и пыль будут с неба два дня сыпаться.

— Кажется, склад боеприпасов взорвали, — сказал, тяжело дыша, Кирсан.

— Я бы держал пари, что это то здание, где мы с тобой сидели. Видимо, не удержались...

— На кой черт коровник-то?..

— Черта не поминай. А коровник — чтобы драгоценная пища не досталась врагу. Так все делают, — пояснил Макс и достал из-за пазухи пачку печенья.

Спасенная Кирсаном женщина по-прежнему безучастно шла следом, не пытаясь вырвать ладонь из его руки и не поднимая глаз. Разведчик окинул ее быстрым взглядом: одета так себе, хорошо хоть на ногах высокие сапожки, а не туфли. Туфли в болоте — вещь неподходящая. Он уже собрался было спросить Макса, куда идти и что дальше делать, когда немец, хрустнув печеньем, внезапно замер, как вкопанный, и выплюнул изо рта еду, а затем с силой швырнул початую пачку в болото под ноги.

— Что-то не так?

— Доннерветтер! — выругался Макс и поспешно сунул руку за пазуху.

Достал чипсы, распечатал, откусил — и снова в гнев выплюнул откушенное, бросив

следом упаковку.

— Интересно, почему я слышу это ругательство, как оно звучит, без перевода на русский? — Кирсан попытался разрядить обстановку, видя, как у товарища по несчастью начинают раздуваться крылья носа, а лицо медленно перекашивается, но неудачно.

Макс доставал из-за пазухи пакеты и упаковки один за одним, пробовал содержимое — и отправлял в жижу под ногами. Кирсан из сопутствовавших этому процессу ругательств понял, что немцу крупно не повезло: из многих ящиков с припасами он вскрыл наполненный недавно, содержимое которого не успело стать нормальным, и все его сокровища оказались таким же дерьмом, как и остальная пища в этом мире. Попытка напомнить, что беглецы находятся посреди гиблого болота и неизвестно, когда они найдут город, ничего не дала: Макс с лицом, на котором отражалась вся мировая скорбь, бросал еду в болото пачка за пачкой, а женщина то и дело вздрагивала.

Но вот немец извлек последнее, что у него оставалось. Бутылка какого-то вина, с этикеткой, написанной по-французски. Он воткнул меч, который до того нес под мышкой, в почву и, мрачный, словно Сократ, которому поднесли кубок с ядом, стал распечатывать бутылку.

— У меня хреновое предчувствие, — заметил Кирсан, — ты, это, будь готов морально, что и вино окажется помоями, и не ори. Ты ее пугаешь, — кивнул он в сторону женщины.

Макс поднес горлышко к губам, вздохнул, словно это и вправду был яд, и отхлебнул. В следующий момент он свирепым взмахом разбил бутылку о ствол дерева, у которого стоял, и завопил не своим голосом так, что, должно быть, услышали все в радиусе километра.

— Доннерветтер!! Гевиттер!!!

Далее следовала череда общеупотребительных слов, являющихся ругательствами на любом языке, и 'дерьмо' среди них было наиболее безобидным. Женщина только съежилась, даже без понимания догадываясь, что Макс, обманувшийся в самых радужных надеждах, в диком бешенстве.

Хреново. В этих болотах нежелательные встречи — дело обычное, а у Железного Макса, чьи нервы вынесли массовые казни, самая натуральная истерика с битьем посуды. Надо что-то делать, пока к ним не сбежались людоеды и прочие недружелюбные личности.

Он шагнул к немцу и залепил ему звонкую оплеуху. Тот мгновенно заткнулся, медленно повернул голову к Кирсану и засопел, сверля его глазами, в которых читалось что угодно, кроме благодарности.

— Лучше стало? — поинтересовался разведчик.

— Да, — зловеще ответил Макс, — а вот тебе сейчас станет хуже.

Первый удар в печень Кирсан отвел в сторону, под второй — в желудок — подставил предплечье, но в следующий миг у него из глаз посыпались искры, мир резко ушел куда-то вниз, негромко хлопнула жижа.

— Ах ты нацистская сволочь, — процедил он, — ну ладно, сам напросился.

— Да-да, — согласился немец, — вставай, унтерменьш. Преподам тебе урок.

Он шагнул назад, давая разведчику подняться на ноги, и поднял руки в несколько непривычной боксерской стойке, выдававшей школу тридцатых годов.

Кирсан прикинул расклад. Немец чуть выше и плотнее, оно и понятно, кого попало в СС не брали. Он, Кирсан, быстрее — и куда лучше тренирован. Подготовка высококлассного разведчика не идет ни в какое сравнение с обычным армейским рукопашным боем с более чем полувекковой техникой. А первый успех Макса — в неожиданности, ну и принцип

третьего удара тоже никто не отменял. Давно доказано, как в армейских рукопашных школах, так и в мировых чемпионатах боев без правил, что при пассивной защите без контратаки зачастую удастся заблокировать только первые два удара в серии. Но теперь Кирсан не будет защищаться — он выбьет из гребаного эсэсовца все дерьмо.

Два шага навстречу, быстрый взмах ногой с дальней дистанции, мелькнувший кулак — и снова искры в глазах. Лежа в болоте, разведчик понял, что Вогель шестым чутьем предвидел удар и потому с легкостью провел контратаку. Сволочь.

Подняться, принять стойку с подсаживанием, чтобы рост немца работал против него. Взмах, защита, взмах, защита, взмах, и... В этот момент Макс достал его ударом под настолько немислимим углом, что Кирсану захотелось сказать 'невозможно!' или еще какую-нибудь тупую киношную фразу.

Бой на смерть между двумя высокклассными специалистами боевых искусств — по-настоящему боевых, а не бокса или там самбо — длится максимум несколько секунд, и это знает любой, хоть немного смыслящий в этих самых искусствах. Однако бой между ними же, но без смертельных приемов, может длиться дольше. И тот факт, что Кирсан в бою не на смерть умудряется простоять на ногах всего ничего, недвусмысленно намекал: за плечами у Макса есть что-то посерьезнее бокса и армейской рукопашки тридцатых годов прошлого века.

В третий раз Кирсан стал действовать иначе. Противник мастерски ловит его контратакой каждый раз — отлично, у палки два конца. Пусть Макс бьет первый, а он подловит его в это момент, проведет свою контратаку... Затем разведчик в четвертый раз оказался в болоте, ошеломленный и растерянный. Гребаный эсэсовец шестым чувством угадывал не только атаки, но и предвидел, как противник будет контратаковать, за долю секунды до начала этой самой контратаки.

— Вот теперь мне стало совсем хорошо, как злость выместил, — сказал Макс, тяжело дыша, чуть наклонился и протянул руку, предлагая помочь подняться: — а тебе урок. Не надейся на свою современную рукопашную подготовку, когда дерешься с помнящим. Против помнящего, умершего за много лет до тебя, шансов нет.

— Привычка — вторая натура, да? — съязвил Кирсан, принимая руку, и ощупал языком изнутри припухшую щеку, — как привык бить беззащитных...

— А ты чего ждал? Что можешь ударить по лицу Макса Вогеля, и тебе за это ничего не будет? И потом, ты ведь упрямый, на слово не веришь. Пришлось объяснить доходчиво. Встреться ты со мной при жизни — может, и побил бы. Но ты несколько лет тренировался по методикам будущего — а я полторы тысячи лет дрался со всеми подряд, в том числе с твоими коллегами-современниками. Не ты первый убербоец, неожиданно побитый анахронизмом.

Кирсан в очередной раз подавил гнев. В конце концов, эту взбучку он заслужил уже хотя бы за свою тупость: в то, что это место действительно ад, где умершие перерождаются бесконечно, он не верил до сих пор, но мог бы учесть, что Макс расправился с несколькими людоедами, когда у самого Кирсана возникла проблема всего с одним.

— Говнюк ты, все же. Вывалил меня в грязи, а погода и так промозглая.

— Ерунда, — махнул рукой немец, — тут километр какой-то до города. Там можно разжиться костром и одеждой.

Разведчик вздохнул, поднял из болота винтовку, прочистил затвор и заодно сосчитал патроны — их осталось всего два. У Макса патронов максимум три: пистолет семизарядный,

стрелял он четырежды.

— Думаешь, за нами будет погоня? — спросил Кирсан, беря свою подопечную, которая во время драки так и не решилась убежать, за руку.

— Нет. Людоеды нажрут до отвала и останутся там, пока мясо не закончится. Если мы очень поспешим, то вернемся в наш лагерь и сможем собрать людей для упреждающего удара.

— Наш — в смысле немецкий?

— Нет. Я имею в виду всех людей, которые понимают друг друга. Все просто — есть мы и они. Ну и людоеды.

Немец не ошибся: вскоре он действительно вывел их к городу.

Обитель теней

Город показался Кирсану еще более разрушенным и покинутым, чем во время первого визита. Жесткая, колючая трава до колена, пробившись сквозь асфальт, росла настолько густо, что дороги уже и не видать. Часть зданий обвалилась, остальные дышали на ладан. Машины превратились в еще более жалкое зрелище. У самого города лежали насквозь проржавевшие обломки американского бомбардировщика 'Летающая крепость'.

— Очень кстати, — обрадовался Макс, — если до нас тут никого не было — может, разживемся оружием. Только держи свою подружку подальше от самолета — не хватало только, чтобы она наложила руки на какой-нибудь ствол.

На месте крушения уже побывали предприимчивые мародеры: крупнокалиберные пулеметы были сняты, все, что имело ценность, забрали, но в сплющенной средней кабине Макс нашел прах, оставшийся от радиста, и извлек из кучи полусгнившего тряпья трофей, который предыдущие изыскатели прощелкали: кожаную кобуру с автоматическим кольцом и запасным магазином. Пистолет радиста он отдал Кирсану, а магазин вставил в свой.

Проходя мимо кабины, разведчик заглянул внутрь. От тел членов экипажа остался лишь прах. Униформа сгнила, обшивка самолета вот-вот рассыплется — но кольцо оказалось в идеальном состоянии.

— Здесь всегда так, тлен и гниение в десятки раз быстрее, чем в мире живых, — развеял его недоумение Макс. — Тела обращаются в прах в течение нескольких часов, иногда чуть дольше. Вещи, одежда, приходят в негодность не так быстро, но все равно быстро. А оружие... это единственное, что совершенно неподвластно разрушению. Твоя винтовка от окунания в болото даже не поржавеет.

— Почему так?

— А ты сам не догадался? Чтобы мы не остались без наших орудий и ни на миг не прекратили убивать друг друга, — хмыкнул немец и сменил тему: — ты мне лучше объясни, за каким лешим подружку за собой потащил и что с ней делать собрался. Ты вообще заметил хотя бы, что не испытываешь никакого желания?

— Заметил. Да ты мне это еще раньше сказал.

— Ну и зачем тогда она тебе сдалась?

— А что я должен был делать?! — возмутился Кирсан, — оставить ее там погибать? Спас, потому что мог!

Они шли по улице, разрушенной, заросшей, заваленной мусором, под пристальным вниманием зияющих глазниц окон.

— Ничему не учишься, русский, хоть и рассказывал мне байки, какая вы умная нация. Ты уже узников спасал — не чувствуешь себя после этого дураком? Само слово 'спасение'

здесь не имеет смысла. Спасть невозможно — и незачем. Правда, ты сам поймешь это только при условии, что станешь помнящим. Или получишь письмо от самого себя из прошлого твоего цикла. Большинство находящихся тут, как помнящих, так и непомнящих, понимает, что это ад. И что смерть — всего лишь относительно короткий момент боли и муки. А потом начнется очередной цикл, который закончится очередной смертью.

Кирсан в ответ ничего не сказал, и Вогель поспешил его утешить:

— Но ты можешь радоваться. Те, кого ты успел выпустить, были тебе очень благодарны за это. Сильнее, чем если бы ты спас их от кто знает какой по счету смерти.

В этот момент сверху донесся гул.

— Хм... Самолет? Еще один?

— Самолеты тут появляются только попарно, — уточнил Макс.

Они вынырнули из тяжелых, свинцовых туч внезапно: 'Фантом' с опознавательными знаками военно-воздушных сил США, оставляющий за собой дымный шлейф, и маленький на фоне американца, проворный МиГ-17. Сквозь рев двигателей стук пушек не прорывался, но трассеры снарядов отчетливо выделялись в темном небе.

Два самолета пронеслись прямо над невольными зрителями в сторону центра города на высоте менее пятисот метров. Трассеры тянутся от истребителя с красными звездами к американскому, у 'Фантома' отлетает левый стабилизатор, из корпуса хлещет пламя. Острый глаз разведчика с трудом, но все же заметил маленькую точку кресла с пристегнутым к нему человеком: американский летчик катапультировался из горящего самолета. 'Фантом' рухнул где-то в городе, взметнув к небу пламя и грохот. МиГ стремительно унесся вдаль, в туман, несколько секунд спустя белая пелена озарилась вспышкой. Еще через десять секунд докатилось слабеющее эхо взрыва.

— Так и знал, что врежется, — прокомментировал Макс.

— Врежется? Вспышка была на высоте метров триста, если не больше.

— Там в центре стоят два очень высоких здания — сто с лишним этажей. Не первый самолет, который в них врезался. В центре вообще много высоких зданий. Таким, как я, эти города — хоть какое-то развлечение. Можно посмотреть, каким стал мир после нас.

Кирсан продолжал всматриваться в небо.

— Не вижу парашюта, — сказал он, — высоты должно было бы хватить, у американцев во время войны во Вьетнаме были системы, позволявшие катапультироваться с высоты в шестьдесят пять метров.

— Не смотри, — ответил ему Вогель, направляясь по улице, — не увидишь. Это как у меня. Против огнеметчика мое оружие всегда дает осечку, чтобы я не смог избежать своего наказания. У тех парней, в самолетах, с парашютами происходит то же самое. За все время, что я тут, я видел под сотню падений самолетов, но парашютов — чтоб не соврать, может, пять или шесть.

— То есть, ты хочешь сказать, что некая сила вмешивается в естественный ход событий и клинит оружие и парашюты?

Немец хмыкнул:

— Вовсе нет. Если летчик, предположим, бомбил мирное население — то регулярное сбивание с последующим отказом парашюта и есть естественный для него ход событий. Зачастую по характеру наказаний можно догадаться, что человек в жизни сделал плохого.

— А откуда тут берутся самолеты и топливо?

— Из ниоткуда. Появляются вместе с летчиком, когда у того начинается новый цикл. Я,

положим, начинаю каждый цикл с МП-40 в руках — с тем, чем нагрешил больше всего. Логично, что летчики появляются в своих самолетах. О, смотри. Вон на витрине манекены стоят — может быть, обзаведемся сухой одеждой и топливом. Еще бы спички найти.

Им повезло: большой универсальный магазин с продуктами и хозяйственными товарами на первом этаже и одеждой на втором попался уже через два квартала. Кирсан первым делом отыскал отдел с зажигалками и, перепробовав с полсотни, нашел две рабочие. Затем набрал кучу съестного, предоставив часть груза нести своей подопечной, заглянул в отдел с овощами — но обнаружил там только гниль.

Тут женщина принялась теребить его за рукав, привлекая внимание к неясным теням снаружи. Так и есть, мертвецы, и прут прямо на них.

— Сваливать надо, кадавры приперлись, — негромко крикнул он Максу.

— Поднимаемся наверх. Там они нас не найдут.

На втором этаже они обнаружили старое кострище, пару уже разломанных на дрова трухлявых стульев и приготовленную для блокирования дверей мебель. Забаррикадировавшись шкафом и диваном, Кирсан почувствовал себя спокойней. Он вручил женщине спички и указал на кострище, а сам отправился искать себе новую одежду.

Большинство товара на втором этаже пришло в полнейшую негодность, ткань сгнила подчистую, но пару более-менее пригодных шерстяных рубашек, свитер, штаны, новую обувь и куртку для себя, пальто для немки, а также белье и несколько вещей на тряпки Кирсан все же нашел. Свою одежду, мокрую и грязную, он снял, вымылся в минеральной воде, принесенной с первого этажа — благо человеку для полного мытья достаточно всего нескольких литров — вытерся насухо тряпками и оделся.

Вернувшись к уже разведенному костру, разведчик обнаружил, что немец исчез, а дверь на первый этаж приоткрыта. Макс, впрочем, вскоре вернулся с двумя упаковками минералки и ящиком абсента.

— Ты мне хорошую мысль подал, — сказал он, — я тоже помоюсь как следует.

— А абсент тебе зачем, если он не пьянит?

— Зато горит. У нас на двоих меньше двадцати патронов, а путь к лагерю неблизкий.

Тут можно встретить и кого похуже мертвецов с людоедами.

— Например?

Макс направился за стеллажи, прихватив с собой минералку, и бросил, не оборачиваясь:

— А ты думаешь, города эти кто строит?

— И?

— Строители — так их называют. Еще их зовут джиннами, демонами, чертями, тенями — пожалуй, наиболее верно последнее, потому что это определенно не черти, на демонов не похожи, желаний не исполняют. Представь себе тень, которая обрела объем — абсолютно черная, только глаза светятся.

Из-за стеллажа послышался звук льющейся воды, Макс принялся под нос бубнить себе песенку, в которой Кирсан с удивлением узнал 'Der 'Warjag'. Еще больше его удивило то, что он слышал немецкую речь. Стало быть, ругательства и песни не переводятся, а слышатся, как есть. Мысль о том, что слова немецкого языка мистическим образом слышатся ему как русские, уже не казалась чем-то невозможным. Во всяком случае, ничуть не фантастичнее, чем ожившие мертвецы или невесть откуда взявшиеся 'тигры', Б-17, 'Фантомы' и МиГи.

Поев и согревшись, уставшие беглецы улеглись спать на полу, поскольку пригодной мебели не нашли. Постелили тряпья, которое поцелее, укрылись таким же, благо кожаная и

шерстяная одежда пострадала мало.

— Ты, главное, винтовку и пистолет держи так, чтобы нельзя было у тебя их вытащить — она ведь может попытаться нас перебить, — предупредил Макс.

— С чего бы вдруг? — насторожился Кирсан. — Мы же ничего дурного ей не сделали, напротив, жизнь спасли.

— Спаси-то спасли, вопрос, который она себе сейчас задает — зачем? У человека, которого ты не понимаешь, только два применения. Рабство и мясо. Есть мы ее не станем, но попробуй ей это скажи.

— Должен быть способ. Надо найти бумагу и карандаш, и...

— Эх, русский, русский, умный и находчивый ты наш, — грустно вздохнул Макс, — беда твоя в том, что всех остальных дураками считаешь. Такая идея пришла в головы миллионам до тебя и придет еще кто знает скольким миллионам после. И уж конечно, тот, кто всем тут заправляет, этого не предусмотрел, ну а как же! Буквы она не разберет. Рисунки рисовать будешь — не поймет. Все, что остается — это примитивные жесты. Палец к губам, поднятые руки — это всем понятно. Что посложнее — никак.

Отдых прошел без событий. Кирсан проснулся, как обычно, в состоянии человека, которого мучили не только свои кошмары, но и чужие: немка тихо всхлипывала во сне, Макс твердил что-то о танках, причем по-немецки. Слова, сказанные во сне, стало быть, тоже не переводятся, переводится лишь то, что человек осознанно пытается сообщить.

Наутро — хотя какое, к едрене фене, утро, все те же мрачные сумерки снаружи — все трое подкрепились мерзким печеньем и гадким шоколадом и запили затхлой водой. Еда гаже некуда — но питательность никуда не делать.

— Надо спуститься вниз, поискать чего-то нового, — предложил Кирсан, — на печеньках и шоколаде далеко не уедешь, нам ведь нужны витамины, жиры, белки?

— Конечно, нужны, — согласился Макс, — именно потому с ними проблемы. Свежего тут ничего нет. Просто нет — сгнило вчистую. Из консервов — про мясо и рыбу забудь. Вероятность подхватить ботулизм или, если повезет, пищевое отравление попроще весьма велика. Соки давно забродили, чай — труха. С правильным здоровым питанием тут большой напряг, так что я не советую тебе жить дольше, чем шесть-восемь месяцев. Даже те ловкачи, которые умудряются уберечься от насильственной смерти, живут год-полтора и умирают в муках. Нельзя обмануть систему. Давай, умный русский, угадай, какая именно категория местного населения живет дольше всех?

— Откуда я могу это знать? — пожал плечами Кирсан.

В глазах немца появилась насмешка:

— Ты же говорил, что вы все умные и сообразительные. Тебе от меня уже известно все необходимое, чтобы логически вычислить, кто в аду живет дольше всех между смертями. И еще маленькая подсказка: ты должен хорошо знать историю Германии.

Разведчик принялся прокручивать в голове все диалоги с Максом: было бы здорово поставить немца на место, не кулаком — так умом. История Германии — значит, до сорок четвертого года. Дольше всех живут ловкачи, которые доживают до кончины от неправильного питания... До мучительной кончины. Это может быть кто угодно, достаточно везучий, но, исходя из слов собеседника, есть отдельная категория, которая чаще умудряется настолько долго протянуть... Так. Вчера — ну или точнее, до сна, не существует 'вчера' там, где не бывает смены дня и ночи — он упоминал, что по уготованной участи узника можно определить, чем тот нагрешил... Умереть в муках от неправильного питания... Есть. Эврика!

— Рискну предположить, что это медперсонал немецких психиатрических лечебниц и других заведений, где неполноценных пациентов убивали неправильным питанием типа безжирной диеты.

Макс удивленно приподнял брови:

— Браво. Не думал, что догадаешься.

— Знай наших, — небрежно бросил в ответ разведчик.

Несколько часов они потратили на изготовление бутылок с зажигательной смесью из абсента и поясов для ношения своего импровизированного оружия. Немка все это время спала: блуждания по болотам вымотали ее, непривычную к суровым солдатским будням, сверх всякой меры, так что дополнительный отдых пришелся как нельзя более кстати.

— А как строители строят города? — поинтересовался между делом Кирсан.

Макс задумался, заталкивая в горлышко бутылки тряпичный фитиль, потом сказал:

— Представь себе, как здание приходит в упадок, начинает разваливаться, затем от него остается лишь груда обломков, а в конце все это уходит в болото. Если бы ты снял этот процесс на кинематограф, а затем прокрутил ленту в обратном направлении — то имел бы примерное представление. Правда, увидеть этот процесс и остаться в живых очень трудно: строительство окутывает очень густой туман, чтобы видеть, надо находиться прямо на месте. Беда в том, что сам туман стройки ядовит, без противогаза там долго не протянуть, от силы три-четыре часа. Вторая проблема — сами строители.

Тени поднимают город из праха и болота, затем он стоит некоторое время — несколько лет по местному исчислению — а затем законы ада берут свое, происходит обратный процесс упадка, тления, разрушения. В самом конце в городе вновь появляются Тени, чтобы ускорить последний этап — и горе тому случайному мародеру, которому не повезет им попасться. Этот город вскоре тоже исчезнет — есть шансы напороться на его строителей.

— Что они делают?

— Мало кто знает это. Те, которые погибают в объятиях Теней — возрождаются без памяти, забывают все напрочь, даже если они были помнящими. Существует мнение, что они портят наши души, превращают в демонов. Люди, принявшие смерть от Тени хотя бы пару раз, обычно становятся изгоями на десятки лет. Говорят, в людоедов и прочих 'внештатных сотрудников' ада превращаются тоже вследствие порчи. Хотя с людоедами как раз все намного проще и прозаичней.

— Поиск хоть какого-то удовольствия?

— Точно.

— Убитый людоед становится при перерождении снова нормальным?

Макс медленно покачал головой:

— В том-то и дело, что нет. Все людоеды — помнящие, им нельзя устроить то, что Святой называет 'обнулением'. То же самое касается и других нездоровых личностей... Каннибалы, маньяки, шизофреники — они тут уже не заключенные, скорее сотрудники, помогающие наказывать остальных добровольно, с радостью. Те людоеды, которые напали на селение, где нас держали — это орда, которая кочует между островами и вырезает всех остальных.

— Острова?

— Так условно называют места, заселенные людьми, вроде этого, где мы с тобой. На нашем острове — три крупных города, в двух из которых живут люди, несколько городов поменьше, а также мелкие села. Особо отчаянные умудряются отстроить поселения прямо в

болоте. А вокруг всего этого — обширные пустоши, которые невозможно пересечь. Тут это болото, в других местах — ледяные просторы, безводные пустыни и так далее. Собственно, вот и ответ на твой вопрос, почему здесь так мало людей, если это ад. Пределов сего мира не знает никто, и таких 'островов' может быть как угодно много.

Кирсан обдумал услышанное.

— А откуда известно про другие места, если пустошь нельзя пересечь?

— Если ты дойдешь до некоторой границы 'острова', двигаясь от центра на условный север — попадешь на противоположную, южную сторону границы и, продолжая двигаться по прямой, опять выйдешь к нашему острову. Но есть некоторые люди, их называют болотоходцами. Они способны при определенной доле везения перебраться с острова на остров. Говорят, такое под силу лишь тому, у кого в душе — теневая порча. Так вот, орды каннибалов обычно кочуют по островам благодаря проводникам-болотоходцам, питаюсь по пути слабейшими из своего числа.

— Хм. Если разбить орду — людоеды возродятся там же, где были убиты?

Вогель покачал головой:

— Нет. Каждый появится в своем, так сказать, порту приписки. И при первом же случае примкнет к новой орде. Каждая орда состоит из выходцев с разных островов, их объединяет только жажда крови и мяса.

— Получается, тут Тени заправляют вместо чертей?

— Не думаю. У них нет власти за пределами ими же созданных городов, и то, они присутствуют в них только во время стройки и в самом конце. Святой называет их субподрядчиками. А присматривает за ними Наблюдатель.

— Вот оно как, — с интересом сказал Кирсан, — а можно поподробней с этого места?

Немец усмехнулся:

— Да не вопрос. Те, которые его видели, говорят, что это тип с костлявыми руками, в капюшоне, под которым чернота и не видно лица, и сутане типа монашеской, под которой нет ног. Он так и висит над землей. Самое примечательное — при нем есть Гроссбух, в котором можно прочесть все про свои грехи.

— Чем дальше, тем интересней. И как заполучить этот... Гроссбух? Украсть?

— Зачем украсть. Он дает почитать всем желающим, которые сумеют до него добраться. Наблюдатель безобиден, в отличие от Теней, но, к сожалению, не отличается общительностью. Он здесь вроде инспектора, следит, чтобы тут все происходило согласно плану. Чей это план, кто тут главный — Наблюдатель не скажет.

Когда работы по приготовлению оружия были завершены, Макс сказал:

— Значит, делаем так. На первом этаже зомби по меньшей мере сорок, я их видел, когда ходил за водой. Может, больше. Прямо сейчас все они прямо под нами, точнее, под тобой и твоей подружкой, которые из них чьи — сами уже разбирайтесь. Я спущусь осторожно вниз, чтобы не привлекать их внимания, осмотрюсь и подам сигнал — свистну. Вы должны будете быстро добежать до лестничной клетки и спуститься. Я, если что, прикрою. После этого делаем ноги и не останавливаемся, пока не доберемся до нашего поселка, впрочем, главное — выбраться за город, там мертвяки за нами не погонятся.

— Ты уверен?

— Разумеется. Мертвецы никогда не встречаются за пределами городов.

Кирсан чуть подумал. Город ведь не тот, где их с Игнатом подстерегла засада.

— Постой, Макс. Меня схватили не здесь, в другом городе, не таком заброшенном, как

этот. И зомби, которые за мной гонялись, были там. Получается, в каждом городе есть кадавры, которым я чем-то не угодил?

— Станный ты парень. Я ведь уже говорил тебе — это мертвецы, умершие от твоих рук. В какой бы город ты не входил — они уже там и ждут тебя.

Разведчик покачал головой:

— Не может такого быть. Это какая-то ошибка.

— Буди свою подружку, — сказал Макс повернулся и пошел к лестнице, отодвинул баррикаду, затем обернулся: — я тебе секрет открою. Все так говорят поначалу — что это ошибка. Что они не должны были попасть в ад. Я и сам так думал. Но — нет никаких ошибок. Увы и ах — тот, кто выносит нам приговоры, всеведущ и непогрешим.

***

Все получилось по плану: они выбрались из здания, опередив мертвецов на десять метров, и принялись увеличивать разрыв. Макс сказал, что дорогу знает, главное — пересечь город теней, ни с кем не повстречавшись, а потом лес и болота, благо, подходящей одеждой разжились. Двенадцать километров до следующего, нормального города, где Кирсан повстречал Святого, а там уже и аванпост, и до поселка рукой подать.

Что было не очень хорошо — кадавры оказались резковаты на ноги, они, шатаясь и хромя, гнались следом, и чтобы не дать себя догнать, приходилось шагать энергично.

Кирсан оглянулся через плечо. Что ж их так дохрена-то? Всеведущ и непогрешим, да? На его, Кирсана Ладынцева, руках — оппа, вот и фамилия внезапно сама собой вспомнилась — нет столько крови.

Впереди внезапно показалась человеческая фигура, за нею еще две. Сгорбившиеся, ссутулившиеся люди в лохмотьях наподобие монашеских сутан медленно шли навстречу по улице. Оружия вроде нет, но у того, что в центре — жердь с поперечиной типа креста. Инквизиция, что ли? Макс не стал сбавлять шаг, разведчик шел рядом, на всякий случай закрыв собой немку, которую вел за руку, большим пальцем взвел курок пистолета. Он уже собрался было предупредить монахов, но передумал: шаркающая походка покойников сквозь туман слышна очень хорошо, они и так знают.

Вблизи троица произвела очень тягостное впечатление. Безучастные, посеревшие лица, губы, беззвучно шевелящиеся в молитве или причитании, погасшие глаза. Двое дрожат, но тот, что в центре, производит впечатление непоколебимости.

— Там целая толпа сзади, — бросил им Макс, проходя мимо.

Кирсан, разминувшись, обернулся. Все трое медленно шли навстречу выплывающим из тумана зомби, и разведчик расслышал слова псалма.

— И когда пойду я долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...

— Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня, — подхватили молитву двое других, и затем три голоса окрепли, звуча как один: — Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих...

Разведчик окликнул Макса:

— Мы разве не поможем им?

— Мы не можем им помочь. Никто не может.

— Но они же собираются...

— Они собираются сделать не то, что ты подумал.

Кирсан оглянулся снова как раз тот момент, когда трое странных монахов бросились вперед, в самую гущу шагающих мертвецов, сбив нескольких с ног. В следующий момент вся

толпа набросилась на них, похоронив под грудой разлагающихся тел. Послышались душераздирающие крики боли. Немка подавленно всхлипнула.

— Шире шаг! — прикрикнул Макс, — мертвяки не будут заняты вечно!

— Пресвятой боже, — выдохнул Кирсан, — какого хрена тут происходит?! Они сами ломанулись прямо в толпу!

— Страдальцы. Самая распространенная тут религия, если можно так это назвать... Они верят, что каждому отмерено определенное количество страданий в наказание за грехи, и смысла оттягивать неизбежное нет. Чем быстрее изопьешь свою чашу до дна, отмучишься, сколько положено, тем быстрее станешь свободен... — немец остановился, оглянулся назад, где уже стихли звуки борьбы и крики, и в его глазах вновь появились бесконечные тоска и отчаяние: — завидую им. У них хотя бы осталась вера. Они коротают вечность в страданиях, куда больших, чем другие, но с надеждой в сердце...

Они поспешили дальше, пытаясь использовать фору во времени, которую дали им страдальцы, по максимуму, и Кирсана все время мучила мысль, что вокруг него происходит что-то страшное, зловещее, и к тому же совершенно не поддающееся логическому толкованию. Он думал так минут сорок, пока приближался к центру города.

— Долго еще?

— Нет. Минуем центр, и там лес уже близко. Город не круглый, скорее полукруг. Дойдем до убербашен — останется всего пара километров.

— Убербашни?

— Да, башни, самые высокие, которые только могут быть. Выше, чем я мог бы себе представить, если бы не увидел сам. А вот и они, кстати.

Кирсан посмотрел туда, куда указал Вогель, и ему внезапно стало дурно. Город надежно укрыт туманом, но два сверхвысотных здания вырывались из него и уходили ввысь. В нескольких километрах от затерянной в разрушенном городе группы возвышались башни-близнецы всемирного торгового центра. Целые.

Точнее, не совсем целые: в нескольких местах зияли проломы стен, из которых торчали хвосты самолетов. Разбившийся не так давно МиГ выделялся из их числа дымком, который все еще сочился.

Бред, бред, бред! Не может такого быть, твердил голос разуме в черепной коробке Кирсана, просто не может! Нью-Йорк? Невозможно, он стоит на побережье, болот там нет. В то же время другой голос, вкрадчивый и тихий, нашептывал, что если болота появиться могут, то океан исчезнуть — никак. И потом... Нью-Йорк — город небоскребов. Но этот уходящий в прах городок — ну так, областной центр от силы. И в нем происходят и другие вещи, невозможные, но все равно реальные.

Хуже всего, что правды у немца, если он немец, не выпытать: Макс наверняка рехнулся, как и те несчастные. И сам Кирсан тоже вскоре рехнется, если не найдет разгадку тому кошмару, в котором оказался. Вопрос только в том, как найти хотя бы кого-то, кто знает правду и при этом остался в своем уме.

Они пересекли центр и внезапно встретились с парой мертвецов, женщиной и девочкой лет двенадцати, вышедших наперерез. Обогнуть кадавров не составило труда, но зомби вновь напомнили Кирсану о его сомнениях.

— Макс, — позвал он, — так ты говоришь, что мертвые здесь преследуют тех, кто их убил?

— Да. Это одна из общераспространенных кар.

— Послушай, где логика? Мы попадаем в ад, если верить тебе на слово, живыми. А наши жертвы — в виде разлагающихся трупов. Где, мать ее, логика? Где разум?

— На самом деле, это всего лишь подделки. Дубликаты. Плохие люди попадают в ад, хорошие — куда-то еще. Когда ты убиваешь того, кто недостоин рая, то можешь встретить его снова здесь, чтобы сводить с ним счеты до конца времен и тем самым выполнять предназначение ада. А вместо тех твоих жертв, которые не заслужили кары, тебя преследуют их копии, безжизненные, бездушные и безмозглые. Вон та девочка, — кивнул он через плечо, — наверняка ничем не заслужила заключения в аду.

— А ты уверен, что это точно именно мои мертвецы, а не твои или ее? — кивнул разведчик на свою подопечную.

— Остановимся и посмотрим, на кого они набросятся?

— Это еще ничего не доказывает.

— Посмотри на ее ранец. В мое время таких не было.

Кирсан остановился и оглянулся на мертвецов, приближающихся деревянной походкой, отпустил руку немки, перехватил винтовку половчее.

— Подсоби-ка мне чуток... Убери даму... Хочу разобраться кое-в-чем.

Вогель пожал плечами:

— Яволь.

Когда зомби оказались на расстоянии удара, он точным ударом отсек зомбьячке голову, и тело грузно шлепнулось в пыль. Кирсан шагнул навстречу девочке, примериваясь для удара, но что-то внутри удержало его руку. Он вытянул винтовку вперед и сильно, но плавно толкнул ее прикладом. Маленькая зомбьячка шлепнулась на свой ранец, перевернулась на живот, чтобы подвести под себя руки с отваливающейся от костей плотью и встать, но в этот момент Кирсан придавил ее к асфальту, наступив на ранец ногой, и внимательно рассмотрел то, что находилось под его ботинком.

Да, тысяча проклятий, да. Когда-то это был цветастый школьный ранец со множеством карманов на молниях и изображением смешного пони. Таких ранцев не то что в сорок четвертом — даже в детстве Кирсана еще не было. Совершенно очевидно, что девочка не могла быть жертвой ни эсэсовца, ни кригсхельфериннен. Временная нестыковка в пятьдесят, а то и семьдесят лет.

Он сделал знак Вогелю двигать дальше, схватил немку за руку и повел за собой.

— Послушай, Макс, этого всего не может быть! — крикнул он на бегу, тяжело дыша. — Это ошибка! Все, что ты рассказал, разбивается об единственный факт: я не убивал всех этих людей, что гонятся за мной! Я клянусь богом, библией, честью, памятью моей матери — всем, чем угодно — я не убивал их! Я не мог этого сделать! Женщины, дети... как бы я смог?! Ты, эсэсовец, не поймешь, но я не мог такого сотворить! Просто не способен!!

Немец остановился, дождался, пока Кирсан поравняется, и встретился с ним глазами.

— Я верю тебе, — сказал он негромко, — точнее, верю, что ты говоришь то, что считаешь правдой. Я видел, ты даже это мертвое тельце ударить не смог, но... Видишь ли, есть еще один момент. Ты говорил, что тебе снится, как ты врезаешься в бульдозер... Вспомни, ты сам каким был в этот момент? Твои руки на руле, или, может быть, твое лицо в зеркале обзора... Какие они были? Как сейчас или... старше?

— К чему ты клонишь, я не понимаю!

— Мы попадаем сюда не обязательно такими, какими умерли. Знаешь, кого я встретил тут однажды? Фюрера. Только я узнал его лишь после того, как он представился.

Понимаешь... ему было двадцать два года.

— Это как? — насторожился Кирсан.

— Вот так. Ему было двадцать два, и он искренне недоумевал, почему предыдущий встреченный им человек зарядил в лицо молодому художнику, как только тот, следуя хорошим манерам, представился.

— И... что ты ему сказал?

— А что я мог ему сказать? Адольф, ты мой фюрер, по чьему приказу я, твой верный солдат без сомнения и упрека, лично расстрелял и сжег несколько сотен несчастных из миллионов, умерщвленных согласно твоей воле? Или я должен был забить его до смерти за то, что, будучи им обманут, натворил чудовищных вещей и попал в ад?

— Хм... Второй вариант звучит довольно-таки логично и справедливо.

Лицо Макса исказила гримаса гнева, да так, что немка поежилась, и разведчик почувствовал, как задрожала ее ладошка.

— А, ну тогда тебе прямая дорога в когарту божьих палачей, слепых и бездумных ублюдков, — процедил Вогель.

— Это говорит эсэсовец из айнзатц-команды?

— Именно! Будь чужим орудием, а с меня хватит, я им уже был, слепым и безмозглым. Пусть слишком поздно, но я прозрел и все понял. Я заслужил все, что мне уготовано, от начала и до конца — но теперь я жертва, палачом я уже был и больше не буду. Во всем должен быть баланс. Вот это — справедливо. А вымещать злобу за свою умственную слепоту и душевную глухоту на том, кто все равно не поймет, за что — уволь. И без меня найдется, кому заставить его страдать. Так что... Посоветовал я ему состричь усы и никогда не называться своим именем, вот и все. Но, подозреваю, что мой совет мало чем поможет: фюрер, скорее всего, не помнящий.

Кирсан примирительно махнул рукой:

— Ладно, но какое отношение это имеет ко мне?

— Простое. Если бы я сказал молодому художнику Адольфу, что тридцать лет спустя он убьет миллионы и ввергнет мир в пучину войны, а Германию — в кошмарную разруху, что бы он мне ответил? Что я идиот, что я несу чушь. Это тебе ничего не напоминает?

— Бред. Ты хочешь сказать, что я на самом деле погиб не в тридцать, а позднее, убив десятки человек, в том числе женщин и детей, а сюда попал в состоянии до своего преступления и теперь искренне считаю, что все это ошибка? Ну ведь бред же.

Вогель покачал головой:

— Не думаю. Видишь ли, многие люди, дожившие до старости, попадают сюда молодыми. Я раньше недоумевал, почему так, но только встреча с фюрером открыла мне глаза.

— Какой смысл наказывать человека, который не знает, за что?! Не твои ли слова?

— Мои, но я ведь здесь не главный. Наш тюремщик и палач, видимо, считает, что так правильно.

— Ну и где тут, черт возьми, справедливость?!

— Вот как раз в этом. Если вдуматься, женщины и дети, которых ты убил, тоже не знали, за что. Каждый получает, что заслужил. Я обречен сгорать заживо, потому что жег заживо других. Ты убил невиновных — а теперь думаешь, что сам невиновен и страдаешь без причины. Это воздаяние.

— Ты свихнулся, — сплюнул в сердцах Кирсан.

— Думай так, если тебе от этого станет легче.

В это время до них долетел отдаленный рокот со стороны башен-близнецов: верхушка одного из них начала осыпаться, складываться, словно карточный домик. Беглецы остановились и умолкли, зачарованно наблюдая за сценой разрушения титанического масштаба.

Верх башни начал разрушаться примерно на уровне пятнадцатого сверху этажа, куда врезались сразу два небольших самолета с разных сторон. Обломки стен падали наружу, перекрытия обваливались одно за другим, весь этот вес ложился на перекрытие ниже — и картина повторялась. Со стороны казалось, словно все это происходит на огромном экране, на котором злобный киномеханик прокручивает ленту строительства в обратном направлении: здание уменьшалось на глазах. Самолеты, застрявшие в нем, оказались свободны и один за другим выпадали наружу, чтобы пролететь несколько сотен метров, наращивая скорость, и с грохотом разбиться вдребезги у подножия, или наоборот, проваливались внутрь, увеличивая своим весом ту массу, что, словно снежный ком, неслась вниз, разрушая все новые перекрытия и увеличиваясь все больше и больше.

Чем ниже становилась башня, тем быстрее происходил процесс разрушения. Вот, наконец, надкололась вертикально одна из стен, отошла и рухнула в сторону, похоронив несколько обычных домов под собой, а сам небоскреб, лишившись несущей стены, рассыпался с ужасающей быстротой, подняв столб пыли высотой в несколько сотен метров.

— Потрясающе, — пробормотал Макс.

Кирсан ничего на это не ответил, но про себя подумал, что тому, кто сумел выстроить копию всемирного торгового центра в этом бредовом месте, все же не хватило ума придумать какую-то иную кончину, нежели та, что произошла в реальности.

— Надо уносить ноги, а то что-то мы застоялись, — сказал он наконец.

— Это точно.

Но уйти по-тихому им не удалось. Беглецы, двигаясь по направлению от центра, пересекли город по прямой, широкой улице и уже почти добрались до окраины, когда немка что-то испуганно воскликнула и указала пальцем в сторону.

— Доннерветтер! — сдавленно произнес Макс, — готовь зажигалку! Бегом марш! Пробиваться будем с боем, по-хорошему нас не отпустят!

Кирсан и его подопечная со всех ног побежали за немцем, а слева и справа к ним уже неслись, невероятно быстро перебирая ногами, абсолютно черные безмолвные и беззвучные фигуры, отдаленно напоминающие долговязых 'зеленых человечков'.

Быстро бегут, сволочи, ох и быстро же! Километров тридцать в час, не меньше! Тени стремительно сократили расстояние, охватив беглецов полукругом, словно волчья стая, и теперь разведчик хорошо видел огоньки глаз, яркие, словно маленькие лампочки, светящиеся на черном фоне и оттого кажущиеся еще более яркими.

Макс на бегу чиркнул зажигалкой, обернулся и с размаху разбил бутылку с горючей смесью об асфальт. Марочный абсент вспыхнул, растекаясь огненными ручейками, и Кирсан, работая ногами во весь дух, краем глаза заметил, как шарахнулись от пламени Тени. Боятся огня твари, значит, словно настоящая тень — света. Отлично.

Не снижая темпа, он передал винтовку женщине, а сам схватился за бутылки. Существа уже совсем близко, не бегут — скользят, гротескные пародии на гуманоида, на полусогнутых, с грацией охотящегося хищника. Все ближе и ближе, до них остаются считанные метры. В воздухе — липкий страх и жуткая тишина, только топот подошв по

растрескавшемся асфальту, тяжелое дыхание да бешеный стук сердец.

Одна Тень кинулась наперерез Макс, но тот взмахнул мечом, отгоняя тварь. Кирсан выстрелил из пистолета в другую с пяти шагов, он не смог бы промахнуться. Существо лишь дернулось, не замедлив бега, не взыв, никак не показав, что ему больно.

— Бесполезно! — прокричал немец, — только огонь! Сто метров осталось!

С этими словами он швырнул бутылку об асфальт в пяти шагах от себя, под ноги одной из тварей. Та в одно мгновение оказалась в центре огненной лужи, попыталась спастись, но языки пламени взметнулись вверх, буквально разорвали черное тело, словно тьма, из которой оно состояло, было всего лишь подкрашенным воздухом. Тень просто растаяла в огне, то, что от него осталось, унесли ввысь жидкие клубы дыма.

Кирсан, засмотревшись, лишь в самый последний момент заметил выброшенную в его сторону длинную, худую лапу с серпообразными когтями, но реакция выручила: отделался лишь царапинами на куртке, доказательством, что слепленные из тени существа все же материальны. Воодушевленный успехом Макса, он швырнул две бутылки одну за другой, расчистив путь впереди от спешащей наперерез твари и отогнав настигающих сзади, но ни в кого не попал. В то же время лопнула еще одна бутылка со смесью: Вогель умудрился попасть еще раз, Тень, правда, сумела избежать гибели, но ее лапа испарилась, словно развеянная огнем, и существо бросилось прочь, потеряв всяческий интерес к охоте.

Хруст стекла, шипение пламени, топот ног, норвящее выскочить из груди сердце да внезапно обретшие плоть и объемность тени скользят слева и справа, настигая свою добычу. Стремительный, молниеносный прыжок — и Кирсан понял, что немцу капут: тварь цвета черной ночи повисла у него на спине.

Но эсэсовец, прошедший ужасы концлагерей, кошмар восточного фронта, а затем тысячелетнее заключение в аду, имел свои соображения на этот счет. Он разбил предпоследнюю бутылку в двух шагах перед собой, а затем, до того, как Тень успела что-либо сделать, буквально нырнул в огненную лужу, перекатившись так, что повисшее на спине существо оказалось внизу. В считанные мгновения он оказался свободен и вновь вскочил на ноги, выхватывая из-за пояса последнюю бутылку, а Тень — она просто исчезла, испарилась.

Однако ситуация стала почти безнадежной. 'Коктейлей Молотова' почти не осталось — три штуки всего на двоих, а до спасительной кромки леса — полсотни метров. Вот Макс швыряет последнюю бутылку, расчищая путь, они несутся во всю мочь, но уже понятно — не добегут.

Кирсан вырвал из бутылки, которую держал в руке, тряпичный фитиль и принялся на бегу поливать содержимым свои плечи, грудь и спину. Тени близко, совсем рядом. Он выхватил из рук у выбивающейся из сил немки винтовку и крикнул:

— Бегите! Я их задержу!

Остановился — резко, внезапно даже для быстрых теней — и крутанул вокруг себя оружием, держа его за дуло. Приклад со свистом врезался в голову ближайшей Тени и сбил с ног. Та кубарем покатилась в сторону. Беззвучно, без единого шороха, что невозможно для падающего тела, но все же они материальны, раз падают и имеют инерцию.

Мгновенно оказался в самом центре внимания — охотники решили, что лучше одна жертва наверняка, чем три — пятьдесят на пятьдесят. Ладно же, сволочи!

Кирсан побежал наискось, уводя тварей, чтобы у Макса и немки был шанс. Он хорошо видел, как одна Тень перегородила дорогу Вогелю, но тот, взмахнув мечом, бросился прямо

на врага с явным намерением раскроить напополам. А затем стало уже не до Макса: тварь, черней черного, встала на пути у него самого, а сзади уже настигают другие.

Он рванулся вперед, держа винтовку наперевес. Человек и тень неслись друг другу навстречу, сближаясь со скоростью в пятьдесят километров в час, и Кирсан подумал, что теперь знает, каково приходится летчику, идущему в лобовую атаку. В самую последнюю секунду разведчик выбросил вперед правую руку с зажатой в ней рукоятью, добавляя к скорости сближения еще и скорость удара. Приклад угодил Тени в грудь почти беззвучно, однако громадная кинетическая сила никуда не исчезла. Существо отброшено назад и сбито с ног, Кирсан прыгает через поверженного врага...

Не ушел. Не получилось. То ли за тело споткнулся, то ли Тень его таки зацепила за ногу — но он летит кувырком. Удар об асфальт разведчик смягчил — но черные силуэты со светящимися искорками глаз уже нависают над ним.

Зажигалка чиркнула, огонь заплясал на фитиле последнего коктейля, не разбившегося лишь чудом. Кому плоточек огненного пунша, сволочи?! Краем глаза, а может быть, шестым чувством профессионального разведчика Кирсан заметил опасность сбоку и успел отдернуть руку, но серповидные когти, не задев плоть, все же попали по бутылке, отбив и горлышко, и фитиль и расплескав содержимое. Вся стая бросилась вперед, готовясь схватить упавшую жертву, черные тени прыгнули вперед, выпуская когти и щупальца.

Кирсан снова чиркнул зажигалкой, заслоняя лицо рукой. Куртка, обильно политая абсентом, загорелась, не настолько сильно, чтобы обжарить своего хозяина в считанные секунды, но Теням и этого хватило. Никто не приземлился на разведчика: твари растаяли, унеслись к затянутому тучами небу еще в прыжке.

Он вскочил на ноги, ощущая кожей лица жар пламени. Тени вокруг него — штук, наверное, с десять, хотя считать точнее времени нет — держатся на почтительном расстоянии. Лес, где же чертов лес?! К счастью, Кирсан сразу же услышал голоса Макса и немки и ломанулся на звук, не разбирая дороги. Кожаная куртка горит плохо, но очень скоро либо огонь погаснет, либо он получит сильные ожоги. Ботинки стучат по асфальту, затем Кирсан зашлепал по воде и грязи, на ходу стягивая с себя обжигающую жаром одежду.

— Спасен! — крикнул Вогель.

Он оглянулся, вытирая глаза, слезящиеся от дыма. Кромка асфальта в десяти метрах и твари, жадно уставившиеся на него глазами-лампочками, но не способные ступить за черту. Курта зашипела, брошенная в воду, затем разведчик красноречиво показал Теням правую руку, согнутую в локте: выкусите, сволочи.

— А я уж думал, ты собрался из себя фламбэ сделать, — нервно ухмыльнулся Макс.

Кирсан тоже ухмыльнулся, тяжело дыша.

— Я люблю фламбэ. Едал лишь раз — но понравилось. А этим, — кивок за спину, — видимо, нет.

Немка не понимала ни слова, да ей, трясущейся от запоздалого мандража, скорее всего, безразлично, о чем шутят Макс и Кирсан, но она тоже пыталась улыбаться, вымученно, но с облегчением, искренне.

В результате самоподжога Ладынцев выпутался из передрыги практически невредимым, не считая ерундовых ожогов шеи, затылка и кистей рук. От шевелюры осталось черт знает что, но это уже и вовсе пустяк, равно как и запах горелых волос и слегка подпаленного шерстяного свитера. Теперь надо лишь поскорее выбраться из болота.

Лига негодяев

До города, того, где Кирсан был схвачен, они дошли без приключений и встреч.

— Будь начеку, — предупредил Вогель, — потому что мертвецы, твои и ее, уже ждут.

Так и случилось. На первом же перекрестке им повстречался толстяк, которого разведчик сразу узнал. Тот самый, которому он прострелил голову, ошибки никакой нет. Вот только голова у трупа почему-то целая.

— Все просто, — пояснил немец, когда они обогнули толстяка и углубились в каменные джунгли, — они тоже перерождаются. Иначе было бы слишком легко от них избавиться.

Крадучись, беглецы миновали несколько кварталов, попутно все же собрав за собой маленькую толпу в два десятка разлагающихся тел, и добрались до обширной площади.

Когда Макс подвел их к зданию, похожему на средних размеров двухэтажный супермаркет, их окликнули:

— Горелый, ты? Где тебя столько времени носило?

В окне второго этажа Кирсан увидел смуглого типа, то ли испанца, то ли мексиканца, с винтовкой в руках и камуфляжной экипировке.

— Да я цикл начал неудачно. Бегал от взвода огнеметчиков, как обычно, да на варваров напоролся. Скрутили — глазом моргнуть не успел. Вот и погостил у них.

— Совсем обнаглели. Надо собрать лигу и навестить то место, где тебя держали. А это кто с тобой?

— Да это сокамерник мой. Святой здесь?

Мексиканец ухмыльнулся.

— Да, развлекается. Мы тут совсем недавно сеньориту повстречали свеженькую... так что он в своем репертуаре. Сейчас я сброшу тебе лестницу.

Кирсан бросил взгляд внутрь. Из мрака, царившего на первом этаже, доносился характерный шум толпы покойников. Теперь понятно, почему вход в опорную точку только по приставной лестнице.

Макс повернулся к немке и выразительным жестом зажал себе рот ладонью, требуя молчать. Та поспешно кивнула.

Они взобрались на второй этаж и втащили лестницу обратно.

— Нам сюда, — указал Вогель.

Внутри царило типичное запустение и хаос, но в одной из комнат у самодельного очага сидели трое: Святой собственной персоной лицом к ним, в профиль — худой японец с тарелкой в руках и мечом за поясом. Упомянутая сеньорита, укутанная в одеяло, сидела на стульчике, вытянув ноги к огню, спиной к вошедшим. Мирная картина, совсем непохожая на ту, которая произвольно возникает в голове при словах 'мы тут сеньориту повстречали и развлекаемся'.

— ...Да нет, — услышал Кирсан обрывок фразы Игната, — это вовсе не конец света, но нормальной еды вы тут не найдете. А тот мертвяк — ваш муж, да? Что с ним случилось?

— Он умер, — всхлипнула женщина, и ее голос показался разведчику подозрительно знакомым, — водкой паленой отравился.

— У-у-у, скупердй-то какой, — наигранно покачал головой Святой, — пиджак хороший, на пальце голда — а дешевую водку жрал. Но я так гляжу, жену свою он придел и приукрасил, да? Сдается мне, жадным как раз не он был, а кто-то, кому брюликов в ушах показалось мало и захотелось сразу все и без старого толстого мужа в придачу.

— На что вы намекаете? — осторожно спросила та, и уже без всхлипывания в голосе.

— Ни на что, — хитро улыбнулся Святой, — так, мысли вслух. Глупости иногда в

голову лезут.

Итак, Игнат жив-здоров, и теперь остается всего два варианта. Либо Макс говорил правду и они все находятся на том свете, либо это дерьмо — большая постановка, обман, эксперимент — что угодно. Первое невозможно — следовательно, второе.

— Он намекает, что вы убили своего мужа, — сказал Кирсан, входя в комнату следом за Максом, — вообще, учтите, что наш добрый друг Игнат — просто садист.

Женщина обернулась, увидела разведчика, и ее глаза расширились от ужаса. Сам Кирсан же в одно мгновение остолбенел, парализованный увиденным. Женщина оказалась той самой 'спортсменкой', застреленной им перед пленением и добитой из дробовика Святым. Все-все-все могло быть инсценировкой, даже заряды у Игната могли быть небоевыми, но оружие у Кирсана — точно настоящее. Профессионального солдата не провести холостыми патронами, тот, кто знает, как пуля попадает в человеческое тело, не купится ни на какой фокус. 'Спортсменка' была мертва, вне всякого сомнения. Но теперь она перед ним. Снова. Живая.

И в этот раз, как и тогда, ее реакция — схватиться за оружие. Кирсан отрешенно смотрел, как черное дуло пистолета, словно в замедленной съемке, поднимается в его сторону. Выходит, все это — правда? Выходит, он действительно умер? Так много безумного случилось, того, что нельзя объяснить, того, чего не может быть... в мире живых. Но он, Кирсан Ладынцев, уже не там. Не среди живых. В каком-то другом месте, среди мертвецов. Теней, живущих вновь умерших людей. В месте, где все не так. В месте, которое, может быть, и не ад — но уж точно ничуть не лучше.

Хвататься за свой пистолет не стал: теперь уже все равно. Зачем? Сейчас он получит пулю и окажется где-то в болотах, забыв, что находится не на Земле, что Лилу уже никогда не увидит, что надежды больше нет... Что такое смерть, если умереть окончательно все равно не позволят?

Выстрела не последовало — Игнат ловко выхватил оружие из руки 'спортсменки'.

— А ну уймись! Что на тебя нашло?!

Та только испуганно переводила взгляд с одного на другого.

— Я... Я не знаю, что на меня нашло! Простите, я подумала, что он... Что вы опасны и хотите... — запинаясь, пробормотала она, — вы... выглядите страшно.

Кирсан промолчал, хотя фраза о том, что в прошлый раз он не обгорел и выглядел не страшно, но все равно подвергся нападению, просилась на язык. Ведь тогда придется объяснять все и про ту, первую встречу, и про результат, и про то, как такое возможно... В конце концов, может быть, Макс прав, что некоторым лучше не понимать, где они оказались.

— Тебе надо отдохнуть, пойдешь поспи. Тут совершенно безопасно, — сказал Игнат и повернулся к японцу: — Такехиса, отведи ее в спальню зал.

Затем он посмотрел на Кирсана и ухмыльнулся:

— Что-то тебя столбняк хватил. Должно быть, ты начинаешь догадываться...

— Я ему давно сказал, — вмешался Макс, — он просто не верит. А с этой девкой что не так?

— Да мы уже встречались. Она работает в паре с Кирсаном.

— Понятно.

— Что значит — работает? — встрепнулся разведчик.

— То и значит. Если ты еще не въехал в детали — ты кажешься женщинам опасным.

Они пытаются тебя убить, ты защищаешься и убиваешь их. Тебя наказывают муками совести, их — смертью. Шоу должно продолжаться. О, кто это с тобой? Познакомишь?

Кирсан буквально кожей почувствовал, как напряглась его подопечная.

— Обойдешься.

— Она из 'варваров', - сказал Макс, — Кирсан прихватил ее, когда мы сбежали из пункта номер три.

— Нахрена? И как вы вообще умудрились сбежать?

— Людоеды помогли.

Улыбка с лица Святого мгновенно исчезла, словно ее и не было.

— Вот дерьмо! И много?

— Варвары не удержались. Когда мы убегали, они как раз высадили свой склад еды, где мы раньше сидели, в воздух.

— Эрнандес! Такехиса! — закричал Святой, и те появились почти сразу.

— Что случилось?

— Людоеды. Такехиса, ты отправляешься в лагерь, подними всех, полная боевая готовность. И всех наших отправляй на четвертый аванпост. Эрнандес, ты идешь к высотникам через шестую заставу. Всех к оружию, наших на четвертый. Мы вернемся на базу, переправим женщин в болотный лагерь и двинемся на центр. Все, вперед!

— Ладно, — согласился испанец, японец лишь молча кивнул, и оба отправились собираться в путь.

— Макс, устрой варварку на отдых и возвращайся.

Кирсан молча сел у огня, подпер голову руками и уставился на пляшущие языки пламени в глубочайшей задумчивости. Что дальше делать? Черт его знает. Если принять за аксиому, что он находится в аду — то да, выбраться не светит. И все, что остается, это вести растительный образ жизни, заботясь только о том, чтобы в желудке не было пусто, и умирать пореже. И так цикл за циклом — до бесконечности. Веселая перспектива. А внутри все кипит и клоочет от бессилия.

Его взгляд случайно упал на массивный пожарный топор, лежащий у дальней стены, несколько мечей, бронежилеты, полицейские каски с забралом. Тут, похоже, что-то вроде заставы. Команды, отданные Святым двум другим, свидетельствуют, что люди все же как-то организованы. Человек — упорное существо. Даже угодив в ад, пытается как-то устроиться — и это, по всей видимости, против него же используется. Как жить, зачем устраиваться? Отнять у человека секс, возможность иметь семью, детей, лишить любых удовольствий — значит лишить его существование смысла. Зачем? Вопрос без ответа.

С другой стороны... может быть, разгадка зарыта где-то рядом. Ничего не бывает без причины, все имеет определенный смысл. Для чего истязать умершего в аду? Байка о наказании в загробном мире помогает держать людей в определенных рамках — не убий, не укради, молись, жертвуй на церковь и так далее, а то в смоле после смерти варить будут. Для чего сажают в тюрьму? Тут все рационально. Попытка перевоспитания, изоляция от общества, ну и чтобы другим неповадно было. Но ради всего святого и несвятого, для чего вообще нужен ад?! Посмертное узилище бессмысленно, ведь человек уже умер. Его поздно перевоспитывать, не надо изолировать, могила — лучшая изоляция. Наказание в аду по факту бесполезно, ведь живые о наказаниях для умерших ничего не знают: никто не возвращается, чтобы рассказать, что ад действительно есть и как там ужасно. Получается, наказание ради наказания? Ради мести? Да тот, кто все это устроил, еще хуже тех, кого

наказывает!

Из задумчивости его вывел Святой.

— Значит так, разведчик. Времени тебе на отдых всего ничего, да и то, не тебе, а дамам, они совсем на ногах не стоят. А потом надо будет двигать.

— Куда?

— Тебе не все равно, куда? У нас проблема в виде каннибалов, и не думай, что все позади — они не уйдут, пока не разорят все общины. Да, мы не можем умереть навсегда — но если тебя устраивает перспектива многоразового съедения — удачи и до свидания. Мы собираемся выбить орду отсюда, и ты либо с нами, либо сам по себе. Причем 'сам по себе' ты все равно останешься только до первой встречи с регулярными войсками, демократии тут нет, смекаешь?

Макс вернулся, предварительно уложив немку спать и спустив японца и мексиканца по лестнице, и сел у огня с котелком и несколькими пакетами лапши быстрого приготовления:

— На твою долю сварить?

— Она тоже на вкус будет, как дерьмо?

— Понятия не имею, — пожал плечами немец, — я никогда не хлебал дерьмо и не знаю, каково оно на вкус. Да, лапша тут такая же, как и все остальное. Но желудку горячий суп на пользу.

Кирсан кивнул и повернул голову к Святому:

— А 'мы' — это кто?

Игнат широко улыбнулся:

— Я назвал нас Лигой Негодяев, основателем и главой которой, собственно, являюсь. Мы тут единственная сила, не имеющая ни собственного поселка, ни большого числа, но с которой считаются все остальные. Нас не только уважают, но и понимают, что, хоть Лига и малочисленна, связаться с нею будет себе дороже.

Кирсан только усмехнулся.

— Писатель-фантаст основал лигу, построив таких товарищей, как эсэсовец, самурай или тот испанец с винтовкой, и командует ими? Забавно.

— Такехиса Юдзи — якудза, а не самурай. Эрнандес — киллер. Да, это может показаться странным, когда убийца-любитель руководит убийцами-профессионалами... — Святой подсел к огню, скрестив ноги, и продолжил: — точнее, это было бы странным в мире живых. Тут все иначе. Неважно, кем ты был при жизни — ранг живых ничего не значит для мертвых. Неважно, каковы твои навыки — всегда найдется кто-то круче тебя. Важно, какой ты. Мы находимся в краю проклятых и непрощенных. Мы все здесь убийцы — тут никого нельзя удивить длинным списком грехов. Но что ты скажешь, если узнаешь, что меня, простого писателя, боятся больше, чем любого другого?

— Вот как? Чем же ты заслужил такую репутацию?

— Настойчивостью. Я упоминал, что тут нет демократии и прав человека? Когда ты встречаешь людей из любой общины — а их тут шесть только с нашей стороны и у варваров не меньше — ты вступаешь в эту общину. Независимо от своего желания. И служишь только ей. Хорошо служишь — иногда тебе будет обламываться лакомство — единственное, что имеет ценность. Не хочешь — казнь особо мучительным способом. Кто не с нами — тот против нас. Каждый новичок или просто непомнящий — потенциальный рекрут. Не хочешь быть с кем-либо — тебя убивают в надежде, что ты вновь попадешься им и тебя удастся сделать своим.

— Да уж, — желчно заметил Кирсан, — шикарные тут порядки.

Игнат кивнул:

— Мне тоже не понравилось, я и взбунтовался. Взорвал факторию — более тонны ценнейшей еды превратилось в прах. Да, меня убили в очередной раз, но это уже фигня. Так я добился свободы — меня больше никто не рискнул вербовать — но стал изгоем. Потом я пробирался в поселки, откуда меня прогоняли или убивали, взрывал или сжигал фактории. Да, я умирал где-то раз триста, порой очень мучительно — но теперь у меня есть репутация. Я никогда не сдаюсь и всегда бью в самое уязвимое место. Меня боятся. Точнее, не совсем меня — боятся последствий, которые обязательно случатся рано или поздно, если меня обидеть. Когда большим трудом и терпением созданные лакомства и выпивка — стержень, на котором держится тут любое человеческое общество — взлетают на воздух... Любой задумается.

— Что такое фактория?

— Место, где превращается и складывается еда. Такое название тут в обиходе.

— Вроде того коровника, где мы с тобой сидели, — пояснил Макс.

Кирсан понимающе кивнул:

— И теперь ты собрал банду и обложил налогами всех остальных?

Святой сменил позу и поправил очки на носу.

— Нет. Ты изначально не понял смысл нашей лиги. Мы в некотором роде военная организация, но это второстепенно. Та фройляйн — она же немка, да? Так вот, Кир, ты видел ее глаза? Смотрел в них? Она мертва. Мы все тут в известной степени мертвы — но у нее умерла душа. Уснула. Такие же глаза у хищника в зоопарке. Он еще помнит свободу саванны, охотничий азарт преследования добычи и адреналин схватки за самку. Но потом его сажают в клетку, где можно только есть и спать. Есть и спать. Есть и спать. Иногда спариться, если привезут самку на случку. И все. И тогда его душа просто... умирает. Ты когда-нибудь смотрел в глаза тигру, который родился на свободе и попал в клетку взрослым? У него такие же глаза. И, может быть, и твои глаза станут, как у тигра или спасенной тобой фройляйн.

— К чему ты клонишь?

— Я не выношу общества таких людей. Да, я в аду. Но, если вдуматься, мне тут самое место. Здесь я получил все то, чего не имел при жизни. Здесь я, не побоюсь этого слова, живу так, как хотел бы жить. Здесь я стал авторитетным человеком, а не жалким винтиком многомиллиардного механизма. Здесь со мной считаются, потому что я могу любого заставить считаться со мной. Война, приключения, авантюры — все то, чего нет в мире живых. И здесь я не могу проиграть. Каждый проигрыш — всего лишь пауза перед новым раундом. Одно меня терзает — я столько книг уже сочинил в уме... Хотел бы ненадолго вернуться в мир живых и все это написать... И от пачки 'виагры', если что, тоже не отказался бы. Но увы. А лига... я собрал вокруг себя людей, в той или иной мере смилившихся с тем, кто мы все есть и где находимся. Таких, чья душа не в спячке. Кто пытается тут как-то дальше жить, но не превращается в растение. Вот и все. Наша военизированность — она нужна ровно настолько, чтобы оградить наши собственные интересы и обеспечить хоть каким-то развлечением.

— Тогда почему название такое?

— А как еще назвать ее? Лига Героев? Так героев тут нету. Лига негодяев в краю негодяев.

Кирсан обдумал сказанное.

— А ты сам что натворил при жизни? — спросил чуть погодя.

Игнат достал из кармана плитку шоколада и зашелестел оберткой.

— Как тебе сказать... Если пользоваться общепринятой терминологией, то я — серийный убийца. Одиннадцать жертв. Но сам я себя таковым не считаю — серий не было. Были отдельные люди, которых проще убить, чем терпеть их существование рядом с собой. Началось с соседа-грузина, по вечерам врубавшего музыку так, что было мне слышно через этаж, а уж как было тем, кто выше, ниже и рядом — страшно подумать. Короче, я решил, что такому эгоисту нет места среди людей. Достал.

Потом был сосед-блатарь, купивший квартиру меломана. Парковался у меня под окном и мешал спать по ночам завыванием сигнализации. Я ему на лобовое стекло кирпич уронил с балкона — думал, человек поймет, что не прав. Не понял. А убийство — это как секс. После первого раза все становится проще. Блатарь весь подъезд страшил братками и расправой за разбитое стекло — тут терпение мое и лопнуло. Не помогли ему братки, короче говоря. Потом один жилец, испугавшись, что в доме люди мрут, уехал, квартиру стал сдавать студентам-арабам. А те попались не то чтоб очень приятные личности. Я одному как-то намекнул, что он тут в гостях и свысока ни на кого смотреть не вправе, не говоря уже гяуром кого-то называть. Он друзьям рассказал. Смеялись. Не восприняли очкастого гяура всерьез. А зря, хотя понять этого никто из них не успел.

Дальше — охранник в супермаркете, принявший меня за вора, и начальник охраны, не посчитавший нужным даже извиняться. Был суд, судивший нечестно, и юрист супермаркета, сделавший меня едва ли не профессиональным вором сникерсов, который якобы умудрился утаить украденное даже при обыске нарядом полиции... Не получил я, словом, компенсации за моральный ущерб — хочешь что-то сделать, сделай сам. Разобрался со всеми троими: начальник, юрист магазинный и судья. Они слуги народа, в конце концов, а я — народ, негоже собаке на хозяина лаять. Под конец дописал в список владельца супермаркета, которому перед смертью детально разъяснил, что клиент всегда прав, даже если приходит к нему домой с топором.

А потом наш дом, из которого начали съезжать люди — шутка ли, пять трупов, дом проклят — присмотрела себе ресторанная компания. Решили, паторочи, замутить на первом этаже ресторацию. Большинство жильцов продало им квартиры, одна чета пенсионеров съезжать отказалась. Начали их прессовать... Я и вступился, тем более что ресторан в жилом доме — беда для жильцов. Грохнул вначале директора, потом второго директора, а потом сообразил, что рубить надо под корень, и отправил к праотцам обоих владельцев. Вот и все.

— И что дальше?

— В смысле — дальше?

— Тебя самого сюда кто отправил?

Святой приспустил очки, глядя на Ладынцева поверх них с подчеркнутым удивлением:

— Кого, меня-то? Шутить изволите, сударь? Да никто. Полез электропроводку чинить — и привет.

— Ты убил одиннадцать человек, и тебя не поймали? — удивился Кирсан.

Тот только фыркнул:

— Каким, нахрен, образом меня должны были поймать? Меня даже не заподозрили. Вот смотрите, относительно известный писатель, очкарик и толстяк, типичный книжный червь, интеллигент и джентльмен. Можно ли представить его наносящим члену преступной

группировки сорок семь ударов монтировкой? Меломан свалился с балкона, арабы-студенты отравились газом, шефа службы безопасности сбила машина, юрист упал на рельсы метро. Директора супермаркета убила братва, рестораторы умерли при криминальных разборках, владельцы рестораторов — жестоко убиты по неизвестным мотивам. Судью вывезли в лес и содрали кожу — разве мог такое сотворить толстяк в очках, интеллигент и джентльмен?

— Чего?! — не поверил своим ушам Кирсан.

— Ты про сдирание кожи? Так это не моя идея. У персов судьи не брали взятки, потому что судили, сидя в кресле, обитом кожей своего предшественника-взяточника. Я всецело за возвращение подобной практики, но понять меня сможет лишь тот, кто сам становился жертвой продажного судьи.

— Да ты и правда садист. Притом чудовищный.

— Это не моя вина, — ухмыльнулся Святой, — я родился таким. Мне нравилось мучить котят и щенков... Но я от природы был также и очень добрым. Жалко было зверушек — сдерживал себя. Боролся со своим отклонением изо всех сил. Мне нравился садизм в постели... Жалко было свою девушку. Я выкрутился, нашел любительницу БДСМ. И мне хорошо, и ей. Думал — справлюсь с психозом. Но так уж вышло, что жизнь меня столкнула лицом к лицу с людьми, для которых жалости я найти не сумел. А, ладно, кого я обманываю? Не захотел для них искать в себе жалость. Не раскаиваюсь ни в чем. Хорошее дело — это хорошее дело. Убийство плохого человека — это множество хороших дел, ибо я предотвратил все плохое, что они могли бы сделать. За мной ходят всего три мертвеца — меломан и два араба. Знаешь, что это значит? Остальные восемь жертв — где-то здесь же, в аду. Убийство сволочи — подвиг.

— Господь, видимо, считает иначе — да и не только он. Ведь ты же больной псих!

Игнат искренне засмеялся, Макс, помешивая макароны в котелке, его в этом поддержал.

— Вот что, дружище, — сказал, наконец, Святой, — мне глубоко насрать, что ты обо мне думаешь. Я может и больной, но за мной ходят три мертвеца. За тобой, вроде бы психически здоровым — полсотни. И кто тут чудовище? Ты один хуже, чем полтора десятка психов вроде меня, так что чья бы корова мычала. Усек?

Кирсан криво улыбнулся:

— Количество мертвецов ни о чем не говорит. Я убил троих — за мной ходит полсотни. Макс вот сотни истребил, если не врет — за ним ни одного.

— Ну, Макс у Сатаны, или кто тут заправляет всем, на особом счету — за ним огнеметчики ходят вместо зомби. А что до тебя... Понимаешь, иногда бывает так, что люди попадают сюда не такими, какими умерли, а моложе, и...

— Святой, не трать время, — махнул рукой Вогель, — я все это ему рассказывал. Он не верит. Не хочет верить.

Игнат хитро прищурился:

— Да я вижу. Он не хотел верить также и в то, что попал в ад. Верно, Кир? Но в тот момент, когда ты Анюту, девчонку эту, увидел, у тебя на лице было все написано. Теперь ты веришь. Я объясню тебе одну вещь. Каждого здесь наказывают специальными, индивидуально подобранными способами. Ты — убийца женщин и детей, убийца невиновных. Ты еще большее чудовище, нежели я. Но ты не всегда таким был, и чтобы наказать тебя как можно жестче, в ад тебя поместили таким, каким ты был раньше, когда у тебя еще была совесть, таким, какой ты еще можешь испытывать муки этой самой совести. Это точно так же, как Анюта и та, про которую ты рассказывал. Тебя поставили в ситуацию,

когда ты был вынужден убить — и твоя совесть сама делает работу за палача.

Кирсан почувствовал, что начинает закипать.

— Вот объясни мне, в чем тут приколы? Меня не мучит совесть из-за этих пятидесяти кадавров, потому что я знаю, что не убивал их! Я знаю, что я невиновен!! Ошибочка в твоих расчетах!

Святой усмехнулся — и теперь уже невесело.

— Ты говорил — я садист? Да, я люблю растягивать удовольствие, глядя, как новички медленно приходят к осознанию и пониманию... Ну так вот. Тот, кто нас сюда посадил, тоже так любит. Растягивать удовольствие. Рано или поздно ты поймешь одну вещь. Здесь не бывает ошибок. Здесь не бывает незаслуженных наказаний за то, чего ты никогда не делал. Но — вижу по твоим глазам. Ты мне не веришь. Что ж, у тебя есть последний вариант. Есть тут один тип мрачный — мы зовем его Наблюдателем...

— Мне Макс рассказал.

— Найди его. В его книге — полный список всех твоих грехов с первого до последнего. Даже если ты не помнишь — в книге все есть. Будешь знать наверняка.

Разведчик вздохнул.

— У меня сложилось впечатление, что этого товарища найти непросто и не факт, что он не выдумка. Его вообще видел хоть кто-то?

— Такехиса Юдзи, чтоб далеко не ходить. Он встречался с Наблюдателем лично. Можешь расспросить его, когда встретитесь.

— Что ж, значит, Наблюдатель, — кивнул разведчик, — у меня к нему пара вопросов. Если это действительно, в буквальном смысле тот самый ад, тогда я вообще не понимаю, почему тут оказался.

— Серьезно? — Святой буквально расцвел от счастья, — ладно, я дам подсказку. В десяти заповедях есть одна, маленькая такая заповедь, всего каких-то два слова и шесть букв. 'Не убий', может, слышал краем уха?

— Я прекрасно ее знаю, я все-таки христианин. Не самый ревностный, конечно, но как вернулся с войны — из армии уволился и пошел исповедоваться. Потому — я не могу находиться тут из-за убийств: они прощены.

Улыбка Святого стала шире:

— Это тебе бог лично сказал?

— Священникам даровано право прощать грехи от его имени, если ты не знал. А если же нет — где хотя бы страшный суд? Если я заслужил попасть в ад — ладно, но почему меня сюда сунули без суда?

Святой улыбался уже едва ли не от уха до уха, искренне и ехидно:

— Хм... Священники говорят, что бог дал священникам право прощать грехи... Знакомо. Шаманы у северных народов и у индейцев тоже говорят, что общаются с духами. Значит ли это, что они действительно общаются с духами? Послушай, дружище. Неужели ты до сих пор не обратил внимания, что этот ад — ничуть не христианский? Здесь есть викинги... Если ты пообщаешься с одним из них — а я постараюсь дать тебе такую возможность — то поймешь: он верит, что находится в валгалле. Викинги вообще не считают, что страдают здесь, и убеждены, что никакущая еда — это так и должно быть, чтобы они меньше предавались чревоугодию и больше — войне. Ты сам видел Такехису — он полагает, что находится в храме Ясукуни, японского бога войны. Такехиса не думает, что послан сюда страдать... хотя он и не в восторге от этого места. Я встречал тут индейцев,

летчиков-камикадзе, индусов... мусульман полным-полно. Особенно лакомый кусочек — шахиды. Вот они как раз очень быстро понимают, что попали на тот свет, и я каждый раз безумно веселюсь, когда они искренне недоумевают, мол, а где же обещанные за акт самопожертвования гурии и райские кушанья?

Так вот, Кир. Это место — ад ровно в том понимании, что здесь караются убийцы. И все. Независимо от своих верований и религиозных убеждений, сюда попадают все подряд. Неважно, кому ты молился — Одину ли, Аллаху ли, Христу, Иегове, Амагэрасу, Ясукуни, Шиве, Будде, солнцу — если ты совершил убийство, то оказываешься здесь. Как так получилось — я не знаю. Кто тут главный — я не знаю. Ты спросил — где суд? А зачем он? Тот, кто нас сюда засунул, всеведущ, ему не нужны следак, прокурор и адвокат, чтобы вынести решение.

— Дерьмо... Послушай, Игнат. Раз уж ты тут в курсах всего... Есть ли какой-то способ посмотреть, что происходит в мире живых? Я хочу узнать, что с моей женой. Выжила ли она в аварии...

— Вариантов всего три. Она умерла и в аду, она умерла и в раю, она выжила. Если второй или третий — значит, у нее все не так уж и плохо. Если первый... тебе тогда лучше не знать.

— Еда готова, — сообщил Макс.

***

После непродолжительного отдыха Кирсан, вооружившись выданным ему из запасника Лиги топором и напихав в карманы патронов к винтовке и пистолету, вместе с Максом, Святым и женщинами отправился в место, которое Игнат называл базой. База эта находилась в небольшом городке типа райцентра, попасть туда быстрее всего можно, пройдя через большой город.

— Тут Теней нет?

— Нет, и не скоро появятся. Период существования города — от двадцати до тридцати лет. А тут пока живут люди да мертвяки.

Другим вопросом, занимавшим Кирсана, стала планировка населенных пунктов. Три больших города, в том числе с небоскребами, несколько мелких да разные поселки колхозного типа — как-то оно слишком... скученно. Ответ разведчик получил у Святого.

— Города в реальном мире строятся, исходя из определенных принципов, случайностей, с оглядкой на рационализм, плотность населения и прочую хрень, которая вытекает из нужд людей. А здесь города строятся как антураж и источник оружия и еды, причем не людьми для себя, а Тенями для нас. Теням без разницы, что и где строить. Им скажут построить три Москвы рядышком — они построят. Здешний город — не место обитания человека, а арена для его наказания. А что некоторые тут живут... Человек такая тварь, живучая и настырная. Где хочешь поселиться. Высотники вон в здоровенном доме типа сталинской высотки поселились. Чем тебе не крепость? У подножия и на первом этаже мертвецов буквально тысячи — чтобы штурмовать, дивизию привести надо.

Самой большой проблемой стала Анюта: ее постоянные вопросы о том, что случилось, куда они идут и что дальше будет, довольно быстро надоели всем, даже Игнату.

— Мы идем в место, где тепло и безопасно, там тебя будут кормить и охранять, и работы будет мало, в основном, стирка и уборка. Но если ты сейчас же не заткнешься, я сломаю тебе ногу и брошу тут на съедение мертвецам, которые за нами следом шаркают. Усекла? Рот закрой и шевели булками молча!

Чуть позже им улыбнулась удача: ближе к центру навстречу попались двое из Лиги, один — дебелый бородатый парень в бронежилете и крылатом шлеме, второй — колоритный тип, одетый под ковбоя и зачем-то в маске.

— Как славно, что мы вас встретили, — сказал Святой после приветствий. — Значит так, берите наших спутниц и дуйте напрямик в болотный лагерь, передадите их на попечение Пастырю. Вот эта — варварка, но смирная, ее пусть посадят к другим. А потом всех там подымайте: на той стороне острова людоеды.

— Псякрев, — сплюнул 'ковбой'.

— Что?! — вытаращила глаза Анюта, услышавшая о напасти только сейчас.

— Рот закрой! Значит так, Ингвар, если она и вас достанет болтовней — можете ее убить. В лагере воеводу пинками заставьте шевелиться и пусть все выдвигаются на центр, дорогу им покажете. Бить орду оттуда будем. Вопросы?

— Псякрев, — еще раз ругнулся поляк в маске и сделал знак женщинам: — шевелитесь, паненки.

Кирсан на протяжении разговора молчал. Немку посадят за решетку точно так же, как его самого садили, приятного мало, но вариантов тоже нет. Будет сидеть в тепле, покуда организм не откажет из-за неправильного питания, дерьмовая перспектива, но если верить Святому, все остальные только хуже. На прощание он помахал ей вслед рукой, и та помахала в ответ.

Затем ковбой и Ингвар увели женщин туда, куда изначально собирался Игнат, а сам он резко изменил маршрут:

— Кучу времени сберегли. Двигаем напрямик к центральному лагерю.

— Кто такой Пастырь? — любопытствовал Кирсан.

— Священник, типа. Мошенник, плут, братоубийца, жулик и так далее. В бога уверовал только после смерти. Надо отдать ему должное, свой талант обманывать использует превосходно, способен кого угодно утешить и убедить, что все не так уж и плохо и господь когда-нибудь обязательно простит и выпустит... Только на Максе обломался.

— Железный Макс — дурак, — мрачно бросил немец, — и его обманули. Но не идиот — второй раз не обманут.

Троица, шагая бодро и временами используя себе на пользу заборы и другие препятствия, прилично обогнала преследующую их толпу мертвецов. Вскоре вдалеке замаячили выступающие над туманом звезды кремля.

— Нам туда, — указал Святой, — минуем кремль, дойдем до окраины — и там останется пройти километр по болоту, не больше. Это самый большой населенный пункт, центральный. Четыре тысячи населения. Больше — только в дальнем лагере варваров.

— Почему вы их варварами зовете?

— А почему римляне германцев варварами звали? Потому что не понимали их, им казалось, что германцы говорят 'вар-вар-вар'. Вот и мы их зовем так — ибо не понимаем.

Однако путешествие оказалось весьма богатым на встречи. Немец заметил в стороне, в скверике, полном мертвых, черных деревьев, какое-то движение и указал Игнату. Тот достал из рюкзака револьвер с оптическим прицелом и присмотрелся.

— Ха! — радостно возвестил он, — моя полоса везения продолжается. Это шахид. Ох и поразвлечемся же мы сейчас.

— Откуда ты знаешь, что он шахид?

— У него в штанах словно палка молочной колбасы засунута. Не он первый, кто

додумался перед самоподрывом себе член проволокой в пять слоев обмотать.

— Нафига?! — опешил разведчик.

Святой хохотнул:

— Ну а как же иначе? Шахиды — они ж собираются в рай через самоубийство попасть. А там гурии, семьсот семьдесят семь штук, обещанных им за самопожертвование в борьбе против неверных. Вот они и обматывают себе свои приборы проволокой, чтобы взрывом не оторвало и было чем с гуриями развлекаться. Знаю, что ты сейчас думаешь. Идиотизм, да? Неисповедимы пути слепого фанатика.

— Что ты собираешься делать? — подозрительно спросил Кирсан, — давай просто грохнем его во избежание проблем.

— Кому проблемы — а кому развлечение.

— Я не собираюсь терпеть ни присутствие террориста-самоубийцы, ни твоих гнусных издевательств, даже над этим несчастным ублюдком.

Игнат ухмыльнулся:

— Спорим, что будешь? Мы сейчас пойдем туда, и ты во всем будешь мне подыгрывать.

— Черта с два.

— Я знаю способ связаться с человеком в мире живых.

Кирсан несколько раз повторил эту фразу про себя, не в силах поверить в сказанное.

— Врешь! — воскликнул он наконец.

Святой покачал головой:

— Нет. Способ действительно есть, и я им пользовался. Ты не будешь мешать мне развлекаться. И тогда я открою тебе секрет.

Разведчик перевел взгляд на Макса:

— Это правда?!

— Правда, — подтвердил Вогель, — хотя способ сложный в исполнении, но он есть.

— И... ты тоже им пользовался?

Макс покачал головой:

— Мне уже не с кем связываться. Я умер семьдесят лет назад.

— Ладно, — сказал Кирсан, — я тебе подыграю... садист паршивый.

— Тогда вперед.

Он вышел на аллею, ведущую к тому месту, где затаилась человеческая фигура, и помахал рукой:

— Аллах Акбар, брат!

Из-за покосившегося ларька выглянул невысокий человек кавказской наружности, с длинным носом и черной бородой, одетый в пуховик и спортивные штаны. Его лицо выражало облегчение и радость.

— Аллах Акбар, — воскликнул он, — а ты кто? Вы все кто такие?!

— Что значит — кто?! Мы правоверные воины Аллаха, пришли тебя встречать. Поздравляю тебя со славной смертью... Ведь твоя смерть была славной, не так ли?

Шахид растерянно умолк, открыл рот, чтобы что-то сказать, затем закрыл, чуть подумал и, наконец, пробормотал:

— Я не помню... Послушай, брат, — обратился он к Игнату, верно определив, что он тут главный, — а что это за страшное место? Тут все ужасно, все разрушено, за мной гнались мертвые, потом я встретил тут сначала целую толпу гяуров в древних доспехах, как у викингов, с мечами и копьями, а потом людей в немецкой форме с огнеметами.

— Ш-ш-ш-айзе, — почти беззвучно, как, что услышал его только Кирсан, процедил, заикаясь, Макс.

— У меня плохие новости, брат, — Святой вздохнул настолько реалистично, что любой, не знавший его намерений, принял бы игру за чистую монету, — ты умер глупо, как последнее ничтожество... Ведь это же пояс шахида у тебя под одеждой?

Тот поспешно расстегнул пуховик и в ужасе уставился на надетый пояс с взрывчаткой и гранатой.

— О, Аллах, что же это?..

— Я скажу тебе, что это значит, — жестко сказал Игнат, — ты попал на тот свет вместе со своим поясом, потому что не успел взорвать его — и, значит, не заслуживаешь рая! Жалкий неудачник!

— Но... Но... — шахид в отчаянии упал на колени, глядя на Игната так, словно тот был самым Аллахом, и Кирсан с удивлением увидел в глазах смертника слезы: — за что?! Я же ревностный правоверный! Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его! Я совершал намаз пять раз в день, я постился в Рамадан, исправно платил закят, я ходил в Мекку!! За что? За что меня сюда?!

— Видишь ли, брат, — картинно вздохнул Святой, — вера без действия — бесполезна. Я в своей жизни убил одиннадцать неверных — а что сделал ты? Ты даже взорвать свой пояс не смог.

Шахид попытался что-то возразить, но Игнат внезапно выставил вперед руку с поднятым указательным пальцем.

— Тишина!! — рявкнул он и принялся вглядываться в затянутое тучами небо.

— А, я все понял, — сказал он чуть погодя, — Аллах открыл мне свой замысел. Ты потерпел неудачу, но за твою праведность Аллах дает тебе еще один шанс. Это место — геенна, а те гяуры, что ты видел, находятся тут для мук. Ты должен помочь мне карать их — и тогда тебя будет открыта дорога в рай. Если нет — останешься здесь навсегда.

— Я сделаю все, что надо! — радостно, с безумными от счастья глазами закивал фанатик.

— Отлично. Где те викинги и гяуры с огнеметами?

— Викингов я видел в лесу за городом, а те — вон там, за углом есть павильон автобусной остановки, они сидят там, словно ждут кого-то.

— Значит так, брат. Ты должен подкрасться к ним на расстояние, с которого добросишь свой пояс, выдернуть чеку и метнуть. Взрываться вместе с поясом тебе ни к чему, да и не добежишь. Понял?

— Понял! — с готовностью заверил несчастный и принялся снимать взрывное устройство.

— У них еще и автоматы могут быть, — негромко сказал Макс.

— Неважно. Главное, брат, добросить пояс. Даже если тебя при этом убьют — ты сразу же попадешь в рай. Идем.

Кирсан мрачно смотрел в затылок Святому. И за что ему кличку такую дали? Дьявол во плоти, жестокий садист-изувер, вот он кто. Краем глаза разведчик видел гамму чувств на лице немца: он тоже не в восторге от развлечения Игната. Понимает, должно быть, что когда-то и сам был таким же обманутым фанатиком и поневоле сочувствует шахиду, ставя себя на его место.

Они прошли вслед за кавказцем до поворота и остановились за углом.

— Они на той стороне улицы, — сообщил тот.

— Ну, значит, вперед, во славу Аллаха карай неверных. А мы посмотрим, как ты исполнишь его волю.

Шахид взялся рукой за чеку гранаты, несколько раз сделал вдох-выдох, повернул за угол и со всех ног побежал к на другую сторону. Пронзительное 'Аллах Акбар!' всколыхнуло мертвую тишину адского города.

В ответ раздался крики на непонятном немецком, злобно застучал автомат, а затем гулко рванула взрывчатка, следом раздался еще более мощный взрыв и все стихло.

Кирсан выглянул за угол и убедился, что никого из огнеметчиков не осталось в живых. Павильон остановки, где они отдыхали, весь объят пламенем, по тротуару текут огненные ручейки огнеметной смеси.

Шахид лежал там, где его настигла автоматная очередь, с развороченным животом. Игнат подошел к нему, перевернул на спину и заглянул в глаза.

— Отлично справился. Молодец.

— Вы... отнесете меня в... рай? — чуть слышно прошепел умирающий.

— Ну, тут есть одна проблемка, брат мой. На самом деле, ты попал в ад с поясом не потому, что не смог взорвать его, а потому, что смог. Я не знаю, кто тебя сюда отправил, Аллах или кто-то другой — но он очень недоволен тем, что ты убил невинных людей. А я — я не воин Аллаха, я даже не мусульманин. Я такой же грешник, как и ты.

— Нет... Нет... Неправда... Это не может быть правдой... — забулькал кровью шахид.

— Увы. Я обманул тебя точно так же, как перед тем обманули ублюдки, пославшие на самоубийственный теракт. Не будет тебе рая и гурий. Ты вновь воскреснешь здесь же, и будешь в муках умирать и воскресать вечно. До конца света ты будешь в аду. А... ты меня уже не слушаешь. Жаль. Надеюсь, мы еще встретимся.

Он поднялся и повернулся, чтобы уйти прочь.

— Это было гнусно, — равнодушно заметил Макс.

— Осуждение вместо 'спасибо' за то, что я избавил тебя от твоих дорогих друзей с фламэнверферами?

— Спасибо. Но это все равно было гнусно.

Кирсан дождался, пока они оба умолкнут, и напомнил:

— Так что там насчет способа связаться с...

Святой ухмыльнулся:

— Ах да, способ. Он сам по себе до невозможности банальный. Отсюда можно позвонить в мир живых.

— Чего?! — опешил Ладынец.

— Я разве по-китайски сказал? Я, конечно, понимаю, что звучит странно, но суть именно такая. Набираешь номер и звонишь. Точно так же, как люди звонят жене с работы, ты можешь позвонить отсюда. Да-да, просто взял трубу, набрал номер и позвонил, круто, да? Есть только одна трудность: нужен работающий телефон.

Кирсан недоверчиво взирал на ухмыляющегося Святого.

— Окей. И где же взять работающий телефон?

— А вот это как раз большая проблема. Медленно соображаешь, как для разведчика. Если бы достать телефон было просто, мир живых разрывался бы от звонков с того света.

Кулаки Кирсана произвольно сжались.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты...

— Что — я? Ну что я? Я обещал сказать способ, я сдержал слово. Но не говорил, что способ будет легко осуществимым, и ты должен был бы понять это самостоятельно... шпирлиц, блин.

Город проклятых

Сразу за кремлем, обветшалым и полуразрушенным, раскинулась неестественно обширная автостоянка с останками машин, и у маленького отряда ушло добрых десять минут, чтобы пересечь ее. Среди ржавых груд металла бесцельно бродили зомби, потому Кирсану и Максусу пришлось пустить в ход холодное оружие, чтобы прорубить себе проход.

— Фига себе, стоянок километровой длины я еще не видел, — заметил разведчик, шлепая по болоту.

— Это, вообще говоря, была ширина. В длину она километров шесть будет.

— Ну и где же на свете есть стоянка таких размеров?!

— Тени, если ты не заметил, не делают строгих копий. Кремль, мимо которого мы прошли — он без мавзолея был, к примеру. Я же тебе говорил — теням без разницы, что и где возводить, хоть три Москвы вокруг Нью-Йорка.

— Не обратил внимания, — признался Кирсан, — я больше на него смотрел как на фортификацию, а не с архитектурной точки зрения. Там можно было бы поселиться. Стены, башни, все дела.

Святой хмыкнул:

— Там и поселились.

— Кто?

— Да без понятия. Но у стен толкуются зомби — стало быть, внутри обосновалась небольшая группа, тут немало таких, что коротают вечность вдали от других. Но если поселок устроить — то тут кремль не подходит. Зомби обступят таким количеством, что выбраться будет сложно. Как раз потому все большие поселки всегда за пределами городов, там, где мертвецам ходу нет. Исключение — высотники. Они ребята рискованные, чтобы покинуть свой дом, перебираются по тросам на соседнее здание через улицу, потому что покинуть дом как положено невозможно в принципе. Слишком много зомби.

Кирсан оглянулся на тонущий в тумане город, затем спросил:

— А почему Тени и мертвые не могут выйти за город?

— Теням запрещено, я так думаю. А зомби... они просто не могут. Для них не существует ничего за пределами города, в котором они находятся.

— Почему?

Святой приладил теперь уже ненужную дубинку за спину и почесал освободившейся рукой затылок:

— Сложно будет объяснить. Ты разбираешься в программировании?

— М-м-м... нет.

— Тогда трудно будет. Ладно. Представь себе, что зомби — это компьютер. Робот. Причем очень примитивный робот, который способен ориентироваться в пространстве только по 'путевым точкам', маркерам, которые везде расставлены, по ним робот определяет, где он может пройти, а где — нет. То есть, если на стену поставить маркер 'дорога' — он разобьется об нее, пытаясь пройти, а дорога, промаркированная как 'стена' — для него непроходима.

— Робот слепой, что ли?

— Просто примитивный. Первые роботы, обладающие видеосенсорами, не умели отличать тень от ямы, к примеру. Так вот. Зомби и есть робот, он способен передвигаться только по размеченному пространству и находить только помеченные мишени. Самостоятельно обнаружить непомеченного человека он может только с нескольких шагов. Именно потому за пределами города мертвец не может ни ходить, ни нападать. Если вытолкнуть его за черту — все. Он останавливается. Не может никуда идти, потому что нет маркеров. По этой же причине зомби не может забраться на возвышения: его карта путевых точек двухмерная, и если ты на втором этаже, а мертвец под тобой на первом — он начинает глючить, потому что по карте он рядом с целью, а на самом деле ее нет. Все, сбей программы.

Кирсан обдумал услышанное и заметил:

— Звучит логично. Но почему ты решил, что зомби — роботы? Как по мне, они состоят из гниющей плоти, без металла и микросхем.

— Робот — не значит железный. Зомби в данном случае — простой механизм, предназначенный для выполнения определенных задач. При этом не играет роли, состоит ли он из металла или гниющей плоти, приводится в действие электроэнергией или божественной силой.

— Выходит, кто-то ими управляет? И переносит из города в город?

Святой кивнул:

— Естественно. Этот мир не является самодостаточным, совершенно очевидно, что многие процессы в нем происходят не по законам природы, а путем вмешательства высшей вилы. Мир живых относительно совершенен, все идет своим чередом. Здесь же невозможно объяснить, к примеру, почему при смерти ты возрождаешься прежним собой. Тело человека зарождается из единственной оплодотворенной яйцеклетки и растет за счет питательных веществ. Тут же ты появляешься из ничего. А ничто не может появиться из ничего, закон физики. Чтобы создать твоё материальное тело, нужно потратить энергию. Чтобы засунуть в новое тело твою душу, освободившуюся из предыдущего, надо приложить некоторое усилие. Ад — не самодостаточная система, она управляется извне. И система эта несовершенна, она глючит, выражаясь на сленге программистов.

— И как ты пришел к такому выводу?

Игнат фыркнул:

— Я, вообще-то, человек из двадцать первого века, причем из числа умнейших людей. Вон Ингвару — все просто. Наблюдатель — божество, подручный Одина или как-то атк, Тени — тролли, зомби — драугры. Разъяснить ему то, что я только что рассказал тебе, вряд ли возможно, да и не нужно: его и так все устраивает. Но я-то способен наблюдать, анализировать, сравнивать и делать выводы?!

— Почему создатель системы так плохо запрограммировал мертвецов? Как по мне, силе, способной создать целый мир, а может, и не один, несложно научить их смотреть вверх.

— Вопрос не в сложности — а в мощностях. Ты в игры компьютерные играл?

— Бывало иногда.

— Так вот. Если ты запустишь какую-нибудь стратегию на слабеньком компьютере, то поначалу, пока у тебя мало солдат и танков, все хорошо. Когда ты собираешь большую армию — компьютер начинает тормозить, потому что не успевает обрабатывать искусственный интеллект каждого солдатики, понимаешь?

— Мне кажется, проводить параллели между принципами работы целого мира, созданного кем-то с божественными возможностями, и компьютерами, созданными человеком, несколько... Самонадеянно. Это же совершенно разные вещи.

— Разве? — приподнял бровь Святой.

— Компьютер работает согласно законам физики. А тут мы видим полным-полно того, чего быть не может. Возрождения, появление городов из ничего, избирательная коррозия, да мертвяки, наконец!

— Угу. Ты только учти одну простую вещь. Получить пять из дважды двух не сможет даже бог. Может ли он создать камень, настолько тяжелый, что сам не сможет его поднять? Если не может создать — значит, не всемогущий. Если может создать — значит, не поднимет, следовательно — не всемогущий.

— По-моему, ты слишком узко трактуешь понятие 'всемогущести'.

— Я ничего не трактую. Я пытаюсь донести до тебя мысль, что даже бог не способен преодолеть некоторые ограничения. Он не сумел построить такой ад, где все функционирует без вмешательства извне. Когда я говорил о компьютере и мощности, я говорил это не просто так.

Игнат остановился, поправил на плече свой дробовик — не тот же самый, который был на нем во время первой встречи, но похожий — и продолжил лекцию.

— Видишь ли, Кир, наш 'остров' — хотя я предпочитаю термин 'кластер' — обслуживается некой силой, которую я называю 'божественным двигателем'. И заметь — я это не думаю. Я точно знаю.

Кирсан хмыкнул:

— Заинтриговал. Откуда такая уверенность?

Святой ухмыльнулся, не скрывая самодовольства:

— Мне известна условная мощность этого двигателя. Восемьдесят тысяч зомби. Тебе интересно, как я это подсчитал... Ничего сложного. Когда у умного человека в распоряжении десятки лет скуки — подсчеты становятся вопросом техники. Я веду опросы людей — за кем сколько зомбаков гоняется — и вывожу среднее арифметическое. Среднее количество мертвецов на одного жителя нашего острова — примерно четыре. Примерное число 'наших' — около десяти тысяч, варваров примерно столько же. Восемьдесят тысяч зомби. Так вот. Количество населения иногда колеблется — от восемнадцати до двадцати трех тысяч человек. И я вывел четкую закономерность: когда примерное число жителей меньше двадцати тысяч, то среднее число зомби на душу немного увеличивается. А когда жителей становится больше — уменьшается. Число зомби практически неизменно — около восьмидесяти тысяч. Безусловно, божественный двигатель делает и другие вещи, но количество энергии, которую он тратит на поддержание зомби, достаточно для функционирования только этого числа.

— Тогда тебе осталось объяснить колебания численности людей и среднего числа мертвецов на душу населения.

— Элементарно. Ты не приписан сюда на веки веков. Одни и те же люди могут появляться и исчезать. Сегодня ты попал сюда. После смерти не исключено, что возродишься совсем в другом месте.

Идущий позади Макс подсказал:

— Помнишь, я рассказывал тебе про встречу с фюрером? Я встретил его лишь однажды. Много лет назад.

— Вот-вот, — кивнул Святой, — люди перераспределяются между кластерами равномерно, так, чтобы количество мертвецов оставалось на уровне восьмидесяти тысяч. Вот именно сейчас у нас наблюдается некий спад — около девятнадцати тысяч населения. И тут оппа! К нам попадает некий разведчик, за которым ходит полсотни трупов. Это не совпадение. Другой пример — ты встречаешь типа, который умер в тысяча восьмисот двенадцатом году. Его тут никто не встречал, никто не знает. Он тут впервые. Но должен же он был быть где-то все это время? На других кластерах.

Кирсан вздохнул:

— Я только не понимаю, для чего все это считать. Что оно тебе даст?

В этот момент впереди из тумана показалось пространство без деревьев, за ним — полуразрушенные деревенские дома.

— Натура такая. Все хочу понимать. А при случае, может быть, найти уязвимость системы. Хакер бы меня понял... Кстати, вот мы и на месте.

***

Поселок представлял собой примерно половину крупного села, отгороженного стенами и частоколом вместе с колхозными строениями от другой половины, пришедшей в упадок. Местные жители разобрали большое количество домов, хлевов и сараев и из этих стройматериалов сложили достаточно приличную, с оборонительной точки зрения, стену: полтора человеческих роста, острая арматура наверху, сторожевые башенки — ни дать ни взять маленькая крепость. Тут и там на стенах — крупнокалиберные пулеметы, в одном месте частью стены стал танк Т-34, в другом умельцы приспособили в качестве огневой точки шаровую спаренную пулеметную установку, снятую, видимо, с какого-то самолета.

Святой помахал охране, как только их окликнули, и двинулся прямо к воротам. Впустили их без лишних слов и вопросов, кого он с собой приволок. Стало быть, насчет своего авторитета Игнат не впустую трепался.

За воротами у караулки их встретил офицер, которого уже предупредили о визите.

— Есть новости, Святой?

— Есть, и охренительно дерьмовые. Готовьтесь к войне — людоеды пожаловали.

— Вот же мать их за ногу налево... и много?

— Вагон и малая тележка, — бросил Макс, — я видел не менее трех-четырёх сотен, и это была лишь первая волна. Третий по счету поселок варваров уже пал. Бой там был очень жаркий, когда мы убегали, но короткий.

Укрепленный поселок произвел на Кирсана очень тягостное, тяжелое впечатление. Люди с остановившимися глазами, приходящие в упадок дома, нет никаких обычных для нормальной человеческой деревни звуков. И туман, стелящийся у ног, окутывающий строения, вышки, ограды. Тишина, только время от времени нарушаемая стонами и плачем. Город проклятых в краю обреченных.

Когда Кирсан проходил мимо ветхого, облупленного дома, внутри которого стонали в добрый десяток голосов, из окна донесся резкий треск выстрела. Разведчик рефлексивно схватился за пистолет, но сразу же заметил неестественную реакцию на выстрел окружающих, точнее, отсутствие оной.

Выстрел для человека, знающего, что такое огнестрельное оружие — это как имя. Нельзя не отреагировать, когда кто-то рядом произносит слово, которым называли тебя родители, пусть даже обращаются не к тебе — ты все равно реагируешь, поворотом головы или обострением слуха — неважно. И выстрел — то же самое. Короткий резкий звук несет в

себе очень важную для живого существа информацию: сигнал опасности. Выстрел значит, что поблизости есть человек с оружием, способным прервать чью-то жизнь в один момент, что, возможно, как раз и произошло. И даже привыкшие к выстрелам люди, которые уже давно перестали вздрагивать от этих резких, громких щелчков, все равно настораживаются. Физиологическая реакция на опасность.

Разведчик скосил взгляд на Макса. Немец на выстрел отреагировал флегматичным поворотом головы, даже не подумав взяться за оружие.

— И часто тут внутри стреляют? — поинтересовался Кирсан, словно невзначай.

— Бывает. Этот дом — лазарет, стрельба тут в порядке вещей. Добили больного или раненого.

— Жуть... Воистину, край ублюдков и сволочей.

— Не в этом дело, — медленно произнес Вогель, — пистолет здесь — панацея. Жмешь на спуск, делаешь себе свинцовую инъекцию — и вуаля. Ты здоров, раны и болезни исчезли. Видишь страдающего человека — избавь от мучений. Тут это считается хорошим поступком. Знаю, тебя это потрясает... Привыкнешь. Такое уж тут место странное — смерть на каждом шагу, но в то же время ее нет. Умереть нельзя, потому что смерть ненавсегда — уже не смерть. Так, условность. И способ избежать страданий заодно.

— Нахрена тогда вообще нужен лазарет?

— Для тех, кто еще не вкурил, что к чему. Для тебя, например. Для забывающих. Для легко раненных. Ну и вообще, многие пытаются жить, как раньше. Делать вид, что все нормально, что все хорошо... А мне... Я предпочитаю лечиться пулей. Поначалу все пытаются оттягивать свои смерти... Но как лечиться, если лекарств нет? Скальпель, спирт и тряпки сомнительной чистоты — вот все, чем располагает хирург. Любое ранение оборачивается океаном боли, унять которую нечем. Потому что лекарства тут работают точно так же, как спиртное. Никак. Но ты, конечно же, вправе страдать, скрипеть зубами, валяясь в лазарете, своими стонами нагонять тоску на всех остальных и надеяться, что мучишься не напрасно, что где-то тикает счетчик, увеличивая счет твоим страданиям и уменьшая срок. Глупо...

Тревожная весть быстро облетела все поселение, прогоняя унылую резиновую тишину, полудрема начала сменяться бряцаньем оружия. У дома, играющего роль штаба, Святой оставил своих компаньонов и вошел внутрь. Кирсана не пустила охрана, а немец и не рвался туда, предпочтя посидеть на скамейке у стены.

— Почему ты не идешь в штаб?

— Что я там забыл? Это Святой играет в военачальника, пока еще ему не надоело. А мне, по большому счету, все равно. Война с людоедами не имеет особого значения. Победил ты или проиграл — что от этого меняется?

— Так, значит, ты не веришь в то, что отсюда есть выход? — спросил разведчик, подсаживаясь рядом.

Вогель покачал головой:

— Знаешь, избавление тут сродни загробной жизни в мире живых. И в то, и в то хочется верить, но точно так же, как при жизни мы не имели доказательств жизни после смерти, так и тут не имеем доказательств, что прощение возможно.

— Значит, остается только верить?

— Угу, если осталась еще вера. Моя вот давно кончилась. Но некоторые верят, и других к своей вере обращают. Кого тут только нет. И страдальцы, и мотатели, и молещики...

— А это еще кто такие?

— Да болваны. Умный учится на чужих ошибках, дурак — на своих, а идиот не учится совсем. Мотатели сродни страдальцам, но страдальцы уверены, что обречены на некое количество мук, а мотатели полагают, что на некоторый срок, соответственно, первые стремятся умирать в муках, а вторые — просто мотать срок и умирать пореже. Молельщики верят, что прощение необходимо вымаливать... В общем, все как всегда. Есть верящая паства и пастыри, на пастве наживающиеся.

— Пастыри?

— Духовные лидеры. Из них уважаю только страдальцев — эти ведут своих верующих личным примером, ну ты все видел и сам. А вот священники молельщиков и мотателей стремятся просто жить-поживать, добывая пропитание руками паствы и покидая безопасные места как можно реже.

Поселок с каждой минутой, в нем проведенной, производил все более угнетающее впечатление. Люди ходят туда-сюда, кто на пост, кто с поста. У всех погасшие глаза и неподвижные лица. Словно Кирсан попал в толпу живых мертвецов в страшном фильме, но тут все куда страшнее. Когда в ужастике на голубом экране толпа кровожадных инфицированных бросается на героя и пытается сожрать — ну, герою, должно быть, очень страшно, но времени скучать и предаваться унынию нет. Интересно, кому хуже, Кирсану или человеку, во весь дух бегущему к реке и спасительной моторной лодке? Несколько раз просмотрев эту сцену из известного фильма, он часто пытался представить себя на месте героя и понять, насколько страшно его положение.

И вот теперь Кирсан — в толпе живых мертвецов, и ему страшно. Все эти люди ведут себя смирно, никто не пытается вцепиться зубами в горло — но все равно страшно. Ведь он знает, что тоже мертв, и скоро станет таким же, как и остальные, с неподвижным лицом и безжизненными глазами.

Неестественность и извращенность ситуации усугубляли мелкие детали. Даже в лагерях беженцев есть дети, которые, поев, что Красный Крест привез и выпавшись в рваных палатках, присланных в качестве гуманитарной помощи, все равно пытаются как-то развлечься, поиграть, пусть даже пустой жестянкой вместо мяча, и им не мешает даже бушующая в двадцати километрах война. А тут детей нет. Совсем. И женщины... Кирсан с тоской смотрел, как некоторое их количество снует туда-сюда по хозяйственным делам. На женщинах — стирка да уборка, они низшая каста, по большому счету, никому не нужны. В любом месте, где идет война, всякая представительница прекрасного пола неизменно пользуется повышенным вниманием со стороны мужчин. А здесь... здесь они просто человеческий мусор. Многие женщины, попавшиеся на глаза Кирсану, при жизни были желанными и прекрасными. Тут их красота уже ничего не стоит, увы. В лучшем положении те, которые умеют держать в руках оружие и способны за себя постоять, ведь каждый боец на счету. Хуже всего тем, которые этого не могут: их если и терпят, то только из жалости. А ведь как странно... Все они — убийцы, но те, которые убили ядом или каким другим способом, не предусматривающем непосредственного приложения руки к процессу отнятия жизни у беспомощной или ничего не подозревающей жертвы, здесь оказываются в самом худшем положении, жалкие и беспомощные. Воистину, Макс и Святой правы: каждый тут получает, что заслужил. Осталось только понять, что и чем заслужил он, Кирсан.

Быт сообщества налажен крайне просто и примитивно. Дело обычного жителя — есть, спать в фактории, стоять на посту. Есть, спать в фактории, стоять на посту... и так до

бесконечности. Поисковые партии ходят за жратвой, командиры следят за порядком и сменами караулов, женщины поддерживают относительную чистоту. Относительную, потому что грязь здесь мало кого сильно волнует.

Наблюдая за жителями поселка опытным глазом, разведчик с оставил себе примерное впечатление о местном контингенте. Солдаты — многочисленная прослойка, на десять человек — три-четыре солдата, среди которых частенько мелькали серые гитлеровские формы. Примерно столько же — людей в штатском, и остальные два-три из десяти — женщины и типчики весьма необычные с точки зрения человека двадцать первого столетия. За десять минут Кирсан насчитал пятерых воинов из далекого прошлого, правда, кто из них был викинг, кто русский витязь — поди разбери, тем более что все они частично сменили свои исторические доспехи на бронежилеты и каски. Помимо них на глаза попался самурай в полном боевом облачении эпохи сегуната Токугавы, японский же офицер эпохи реставрации Мэйдзи, британский полковник в форме вековой давности и татуированный индеец, хоть и в современной кожанке, но с очень аутентичными луком, стрелами и томагавком, украшенным скальпом.

Кирсан мрачно отметил про себя, что коротать вечность ему придется в на редкость колоритной компашке... если только он не сумеет отсюда выбраться.

Вооружение состояло, преимущественно, из довольно современных моделей огнестрельного оружия с большим удельным количеством автоматов Калашникова. Второй по количеству категорией было вооружение времен второй мировой, но попадались и архаичные образцы вроде винтовок Лебеля или капсюльного ружья с шестигранным каналом ствола. Помимо огнестрела, у многих Кирсан увидел холодное оружие, в основном, средневековые мечи, топоры, но попадались и алебарды с полэксами.

Ситуацию с оружием прояснил Макс.

— Да все проще некуда. Ты появился в этом мире с оружием. Каждый твой цикл — плюс один ствол. Ты умираешь, превращаешься в прах — оружие остается. Сломанное или потерянное ржавеет — но большинство из нас, возрождаясь, приносит с собой новую убивалку, иногда больше, чем одну. Так что оружия хватает, проблема, скорее, в патронах...

Кирсан открыл уже рот, чтобы задать следующий вопрос, когда внезапно раздался выстрел, и уже не пистолетный. В следующую секунду воздух вспорола длинная пулеметная очередь, и над поселком покатился, подхваченный десятками глоток, отчаянный крик:

— К оружию! К оружию!!

Возникла суматоха, но благодаря тому, что население лагеря состояло в значительной мере из военных, длилась недолго. Непрерывная стрельба и воинственный клич атакующих смешались в один сплошной рев.

— Макс, что делать будем?

— Защищаться, что ж еще?!

Разведчик побежал за немцем к ближайшей стене. Итак, людоеды уже здесь... Как-то очень уж быстро, Макс ведь уверял, что пока не сожрут всех убитых, с места не двинутся, получается, как-то уж слишком дохрена их. Но, взобравшись на стену, он обнаружил, что это были не людоеды, по крайней, не те, что напали на поселок, где держали Кирсана. Из тумана на лагерь со всех ног бежали почти голые чернокожие воины с копьями и щитами.

— Зулусы?! — не поверил глазам разведчик, — зулусы?!!

— Стреляй давай! — крикнул ему кто-то из местных.

Кирсан не стал заставлять просить себя дважды. Зулусы так зулусы. Дикари без

огнестрельного оружия и луков — не наихудший вариант, а задать вопрос типа 'откуда они тут взялись?' можно и позже. Он поймал на мушку рослого дикаря и плавно потянул за спуск. В кои-то веки гребаный туман на его стороне: черные тела в белой дымке видны отлично.

С самого начала сражения дикари оказались в очень невыгодном положении. Холодная погода, густой влажный туман, способствующий быстрому замерзанию, холодная вода — для привыкших к жаре полуголых зулусов факторы крайне веские, Кирсан хорошо видел, что движения врагов недостаточно быстрые и энергичные, холод дал о себе знать очень быстро.

Помимо погоды, на стороне обороняющихся — стены и огнестрел. В первые же тридцать секунд погибли все наступающие зулусы, их просто скосили, не дав приблизиться к стенам. Кирсан уже собрался обронить, что атака была крайне неразумной — атаковать парой сотен в полный рост на пулеметы — но заметил, что все остальные на стене продолжают играть в молчанку, не спешат раздражаться криками ликования, вместо этого пристально вглядываются в туман, словно ждут чего-то еще.

Они появились из тумана внезапно и сотрясли воздух своими криками, бросились со всех ног к поселку, потрясая асегаями. Зулусские воины числом по меньшей мере тысяч в восемь, а то и во все десять, наблюдая гибель авангарда, в полной тишине подкрались в густом тумане на расстояние менее ста метров и только тогда бросились в атаку.

— Их же дохренища! — крикнул кто-то из группы пулеметчиков.

Зулусов действительно было невероятно много. Со стен видно только на пятьдесят шагов, но мощный хор тысяч глоток свидетельствовал: их тысячи, словно сам Чака Зулу бросил против них половину своей армии. В принципе, так оно действительно могло быть, Чака за свое не очень долгое правление пролил крови немало, вполне вероятно, что он в рядах нападающих, руководит воинами и в аду.

Первые ряды нападающих были буквально выкошены прицельным огнем, стрелки особо не опасались врага, из дистанционного оружия у зулусов только 'толла', метательные ножи, против калаша не вариант.

Кирсан выстрелял весь магазин, спрятался за стену и полез в карман за патронами. Дерьмово без обойм, заряжать винтовку долго, с пистолетом вообще беда, потому что в ближнем бою вынуть пустой магазин, наполнить патронами и вставить обратно времени попросту не хватит. Раньше он не особо парился по этому поводу, имея при себе двенадцать выстрелов в винтовке и кольте, для уличного боя редко нужно больше. И вот нате, получите и распишитесь. Зулусская армия вышла на тропу войны.

В этот момент раздались выстрелы из тумана, немецкий солдат сбоку от разведчика упал, убитый наповал. Винтовки? У зулусов?!

— Драть поленом гребаных негров и того, кто дал им винтовки! — в сердцах бросил Кирсан, лихорадочно заталкивая патроны в винтовку.

— К чаехлебам претензии! — крикнул в ответ Макс, меняя магазин автомата, — думаешь, когда зулусы ружьишками разжились? Во время англо-зулусской войны. Радуйся, что это однозарядки Мартини-Генри!

На деле, все обернулось не так гладко, как могло бы показаться. Туман, скрывающий все, что дальше полусотни шагов, основательно подравнял расклад. Точная винтовка не имеет практически никакого преимущества перед допотопной на подобных дальностях, и даже крупнокалиберные пулеметы, способные поражать живую силу на расстояниях свыше километра, оказались недостаточно эффективны из-за большого веса и трудностей

наведения такой бандуры по быстробегущим целям. Густой туман — кошмарный сон любого снайпера.

Над головой у Кирсана просвистела брошенная толла. Еще несколько секунд, и обезумевшие от ярости чернокожие полезут на стены. Дерьмо. Он выглянул, выстрелил не целясь, навскидку, уже отыскивая глазами новую мишень. Благо, с этим никаких проблем, вот чего тут точно в достатке — так это мишеней.

Передернуть затвор, прицелиться... Выстрел! Зулус кувыркнулся в болото головой. Отлично, да только враги напирают. Автоматы и пулеметы захлебываются лаем, не успевая косить дикарей, в тумане мелькают вспышки ответных выстрелов. Пули щелкают по кирпичам и бревнам, вот слева еще один боец, взмахнув руками, падает со стены вниз. Его оружие — FG-42 — с глухим стуком ударяется о дощатый настил. Вовремя, потому что Кирсан как раз успел повторно опустошить винтовку, перезарядиться еще раз уже никак.

Разведчик перекатился в сторону и схватил 'Fallschirmjägergewehr 42', пальцы сомкнулись на удобной пистолетной рукоятке. Умели в Дойчланде называть оружие так, чтобы сама лишь попытка произнести ломала не-немцу язык, но прямо сейчас Кирсан остро нуждается в ее огневой мощи, чтобы ломать врагам мозги.

Он выглянул из-за укрытия. Проклятье, а зулусы-то уже на стенку карабкаются. Вскинул оружие, прицелился на скорую руку, выстрелил — попал. Выстрелил еще раз, еще один дикарь валится в болото с разбегу. Бах, бах, бах! Хорошее оружие, удобное, компактное — как-никак, специально для парашютистов разработанное — но тяжеловато слегка. До этого Кирсан видел 'сорок вторую' только в музее, но сейчас взял в руки словно старого, проверенного друга. Все-таки америкосы не просто так передрали конструкцию винтовки в качестве базы для своего пулемета М60... Кстати, о пулеметах. Разведчик выстрелил еще дважды, подумав, что огневой мощи полусотни стрелков не хватит, чтобы отбить стену, и тут перед ним появилась перекошенная черная рожа.

Кирсан выстрелил зулусу в лицо, и тот свалился вниз. В то же время слева и справа от него через гребень стены перелезли новые атакующие, и тот, что справа, сцепился с Максом. Разведчик выстрелил в левого, молниеносно развернулся и прицелился в правого, ожидая момента, когда можно будет уложить зулуса, не задев Вогеля. Щелчок — патроны кончились! Кирсан размахнулся, не поднимаясь в полный рост, и ударил прикладом в область затылка. Враг обмяк. Новый дикарь ухватился за край и подтянулся, держа в зубах толлу, как раз возле разведчика. Кирсан ударил и его, сбросив вниз. Дело дрянь. На стенах остается все меньше защитников... И как только он это подумал, по сходням загромыхали подкованные сапоги. Подкрепление подоспело очень кстати.

Разведчик скатился с края настила и упал вниз, смягчив падение руками. Наверху зашипел огнемет, раздались душераздирающие вопли. Вовремя, мать их за ногу, очень вовремя. Он поднял голову и огляделся, отыскивая труп в бело-зеленой форме. Ага, вот этот парашютист. Кирсан подполз к трупу, вытащил из его подсумка запасной магазин и перезарядил винтовку, осмотрелся еще раз. Подмоги что-то не слишком много, но пока дикари стену еще штурмом не взяли. Действительно, попробуй заберись туда, где огнеметчики хлещут тридцатиметровыми языками пламени налево и направо.

Он поспешно стащил с убитого подсумки с боеприпасами и надел на себя, затем вынул из кобуры 'вальтер' и сунул в свой карман. Теперь можно и повоевать.

В этот момент сверху прыгнули Макс и еще несколько бойцов, следом головой вниз рухнул огнеметчик с толлой в горле.

— Отходим к зданиям! — крикнул Вогель, махнув рукой.

Кирсан побежал за ним, качая маятник, чтобы затруднить бросок в спину. Ему повезло: нож пролетел мимо. А вот боец, бежавший рядом, оказался не таким фартовым: в него попали вначале толлой, а затем, еще до того, как он упал — асеегаем.

Защитники стены в большинстве своем погибли, выжившие укрылись среди домов, в сараях, за изгородями. Чернокожие воины хлынули через стену, словно саранча, и тут по ним ударили из пулеметов, автоматов, винтовок и даже пистолетов. Стреляли из всего, что было, из каждого окна, с крыш, из кустов. Зулусы гибли сотнями ежеминутно, и сорокаметровое пространство от стены до первой линии домов буквально усеялось трупами так, что сделать шаг, не наступив на тело, было уже нельзя. Некоторое число дикарей добежало до зданий, но шансов забраться в забаррикадированный дом под перекрестными огнем, не имея ни взрывчатки, ни даже тарана, попросту невозможно.

Кирсан отстреливался, засев вместе с Максом и несколькими другими бойцами за сараем. Здесь все оказалось не так худо, как безнадежный бой на стене: удержав стену на протяжении нескольких минут, бойцы дали остальному поселку время на подготовку. Волна зулусов, взяв штурмом стену, рассеялась в лабиринте улочек и была перемолота перекрестным огнем. Около восьми тысяч дикарей погибло менее чем за десять минут. Наступила относительная тишина: со всех сторон неслись стоны сотен, если не больше, умирающих, но слабый стон после длительной канонады — почти что тишина. А Святой, похоже, был прав, когда говорил, что легких смертей тут нет: многие дикари, получив смертельные раны, все еще живы и страдают.

Кирсан перезарядил винтовку и подобрал с земли опустошенные магазины. Надо будет разжиться патронами для 'сорок второй', отметил про себя.

— Вроде все, — сказал один из стрелков рядом с ним, с карабином и в пиджаке.

— Кажется, да, — согласился Макс, — осталось только добить оставшихся, если кто-то еще жив. Но мы, пожалуй, подождем тут, свою долю черной работы мы уже на стене выполнили.

— И часто тут такое происходит? — любопытствовал, тяжело дыша, Кирсан.

— Раз на раз не приходится. Но обычно залетных не так много и они не создают таких проблем.

Где-то слышались разрозненные выстрелы: добивали выживших и раненых зулусов. Вскоре все было кончено, и люди, в том числе женщины вышли из своих укрытий. Повинуясь приказам здешнего командира, довольно колоритного испанского идадьо, чем-то неуловимо напоминающего Эрнана Кортеса, они принялись за уборку.

— Я сюда уборщиком трупов не нанимался, — поморщился Кирсан в ответ на предложение Святого принять участие, — к Максиму обращайся, он у нас по этой части спец.

— Хлебало прикрой, унтерменьш, — огрызнулся тот, — трупы в концлагерях убирали зондеркоманды из заключенных.

— Девочки, не ссорьтесь, — ухмыльнулся Игнат, — за помощь в обороне и уборке трупов нам перепадет плитка шоколада на троих. Я уже договорился.

— Ну это другой вопрос, — обрадовался Вогель и покосился на Кирсана: — это твой шанс скушать немного нормальной еды, так что столбом не стой.

— Немного же нужно, чтобы заставить тебя таскать трупы...

Немец тяжело вздохнул:

— По большому счету, узники из зондеркоманд тоже делали это за лишний кусок хлеба

к дневному рациону... И теперь я на их месте. Здесь каждый получает, что заслужил...

Втроем они успели перетащить к воротам только несколько тел, когда выяснилось, что программа развлечений еще не исчерпана. Раздались выстрелы, на этот раз с противоположной стены.

— Я не понял, у Чаки армия еще не кончилась?! — завопил Кирсан.

В ответ донесся леденящий прерывистый клич, знакомый каждому мальчишке по фильмам о Диком Западе.

— Команчи? Это что-то новое, — заметил Святой, доставая из кармана револьвер.

— Там наверху кто-то вообще рехнулся?! Не задохрена ли на один час напастей? — завопил кто-то из спешащей к стене толпы.

Матерясь вполголоса, Кирсан побежал следом за Игнатом и Максом, на бегу ощупывая подсумки и пытаясь подсчитать, сколько еще полных магазинов у него осталось. Насчитал шесть запасных — сто двадцать патронов. Негусто.

Этот бой с самого начала пошел по совершенно иному сценарию. Команчи — если, конечно, это были команчи, этих индейцев поди разбери — атаковали со стороны заброшенной части деревни, прячась в разрушенных домах, кустах, за сараями и деревьями. Их было не так много, как зулусов, всего несколько сотен, но у каждого — либо лук, либо ружье, у некоторых — и то, и то. Индейцы не спешили ломануться толпой на пулеметы, стреляя из засад и прячась за укрытиями, и вскоре стало ясно: это надолго.

Кирсан устроился на крыше моторно-трансмиссионного отделения танка, ставшего частью стены, за башней. Не самое удобное место, но зато башня надежно закрывает от вражеских выстрелов, кирпич или доску пуля винчестера пробить может, если найдет слабинку в стене, но башню танка — ни при каких обстоятельствах. Если не выглядывать — нельзя простреливать пространство прямо перед собой, но можно — в две стороны вдоль стены, правда, только на пятьдесят метров. В поле его зрения враги пока что практически не попадают — ну так и пальцы у Кирсана не чешутся. Да, поставленный перед необходимостью защищаться, он будет защищаться, но не более того. А на душе гадко: решил же, что играть по чужим правилам не будет, но, тем не менее, играет. Деваться-то некуда, тот, кто все тут заварил, позаботился, чтобы уклониться от predetermined плана было нельзя.

Разведчик заметил движение в сорока метрах слева от себя, в кустах. Прицелился наугад, прикинув на глазок, где там находится противник, и выстрелил. В ответ раздался вначале вопль, а затем серия выстрелов. Пули попадали в стену как раз там, где вспыхнуло пламя из дула его винтовки. По вспышкам стреляют.

Со стены ответили залпом, также метя по вспышкам. Последовал обмен несколькими сотнями выстрелов, затем наступило относительное затишье: перезарядить пятнадцатизарядный магазин, вкладывая патроны по одному, дело небыстрое, потому стрельба со стороны команчей прекратилась почти полностью, а затем и вовсе наступила тишина. Казалось, индейцы просто убралась прочь.

— У меня странное чувство, будто они не ушли, а готовят какую-то каверзу, — заметил Кирсан.

— У меня странное чувство, что ты глаголешь прописные истины, — в том ему отозвался Святой, — они не могут уйти, это туристы.

— Не понял?

— Они тут не обычные жители типа нас с тобой. Индейцы, викинги, зулусы, монголы и

тому подобная братия попадают сюда большими организованными ватагами для того, чтобы напасть на какой-нибудь укрепленный поселок. Чтобы нарушить размеренную жизнь, понимаешь?

— Как людоеды?

— Нет. Это так запланировано. Чтобы война и убийства не прекращались, чтобы ты нигде не чувствовал себя в безопасности. А людоеды — немного другое, суть сбой в работе всей системы.

— Ты разве не говорил, что возможности 'божественного двигателя' ограничены?

— Точно, — согласился Святой, — в том и фишка. Зомби нуждаются в контроле и подпитке, а дикарей сюда один раз закинул — и дальше они сами все устроят. Человек не требует подпитки, достаточно дать ему начальные установки.

— В смысле — установки? — не понял Кирсан.

— Это как с тобой. У тебя стоит кармическая пометка 'выглядит опасным для женщин'. Ну или у женщин — 'некто Кирсан для тебя опасен'. Короче, механизм принуждения женщин к нападению на тебя. Так и с индейцами. Мне никогда не удавалось поговорить ни с кем из 'туристов', но суть примерно такая: берется некоторое число краснокожих, которые при жизни сжигали поселения белых, убивали женщин и детей. Вся эта шайка помещается сюда, при этом им внушается, что они вышли на тропу войны и именно здесь, в этом поселке, их враги. Они и нападают. Но тут во всех случаях один общий момент. Будь то викинги или зулусы, те, которые провинились убийствами беспомощных людей в разбойных набегах, обречены вечно совершать набеги на поселки типа нашего, где их просто выкашивают. Им — смерть, нам — головняк и тоже смерть. Это стандартный механизм. Летчики и танкисты — абсолютно тот же принцип. Утюжил 'тигром' деревни и села — в аду твоими противниками будут люди с противотанковыми гранатометами. Бомбил мирных жителей — в начале каждого цикла появляешься в кабине бомбера, у которого на хвосте уже висит пара истребителей. Каждого из нас наказывают примерно таким же способом, каким мы грешили.

В этот момент чуть поодаль мелькнула вспышка выстрела, и десятки стволов на стене нацелились в ту сторону. Кирсан тоже прицелился, лежа на танке. Конечно, любой умный солдат знает правило 'три джентльмена от одной спички не прикуривают', но в данном случае выстрелить повторно из одного и того же места даже во второй раз будет очень глупо: снайпер успевает прицелиться по огоньку спички только к тому моменту, как прикуривает третий, который, собственно, и получит пулю в голову. Но когда стрелять будут десятки стволов, шансы поразить 'прикуривающего' по второй вспышке все равно очень велики.

Выстрел! Кирсан отчетливо видел язык пламени, выбросивший вверх и в сторону струю раскаленных пороховых газов. Стрелок даже не подумал менять позицию. Дружный залп со стены грянул еще до того, как разведчик успел предупредить о ловушке, и в следующий момент люди начали валиться на настил и вниз на землю. Индейцы зацелили стену, а затем один из них спровоцировал обороняющихся выдать их позиции, стреляя из безопасного укрытия вверх, и их залп оказался весьма точен.

Вновь последовала бешеная перестрелка по вспышкам, и защитникам удалось одержать временную победу, превосходящей огневой мощью убив нескольких команчей и заставив остальных искать спасения в укрытиях.

— Еще пара таких перестрелок — и я останусь без патронов, — заметил Кирсан,

перезаряжая 'сорок вторую'.

— Вон у того парня 'маузер', - указал на одного из убитых сосед Кирсана по стене, довольно неприятной внешности мужик, — у него те же патроны.

Разведчик покинул свое место и принялся обшаривать экипировку убитого, доставая из его карманов пятипатронные обоймы и наполняя боеприпасами свои пустые магазины. За этими праведными трудами он провел минут восемь, на протяжении которых команчи больше не пытались нападать.

— Это уже начинает бесить, — заметил все тот же 'злодей', - сколько еще они собираются тянуть кота за хвост?

— Рискну предположить, что это нападение именно такие цели и преследует, — хмыкнул Макс.

— Сам знаю, но все равно — бесит.

Кирсан напоследок вынул три патрона из винтовки убитого, снял штык-нож образца тысяча девятьсот тридцатого и полез обратно на танк.

— Может, они просто свалили?

На стене раздались редкие смешки, какой-то парень с СВД сказал:

— Очень вряд ли. Туристы никогда не отступают, разве что, может, несколько последних уходят и потом погибают от рук первого встречного. Краснокожих было сотен пять или шесть, мы хорошо если пятьдесят уложили.

Словно по команде, из тумана донесся боевой клич, подхваченный сотнями плоток, а затем загрохотало так, словно индейцы, помимо ружей, еще и пару гатлингов раздобыли. Пули свистели над головой и барабанили по стене похлеще града, но вспышек не видать. Обороняющиеся ответили поначалу ураганным огнем, но один из офицеров, по виду, правда, обычный офисный работник, заорал, умудрившись перекрычить весь бедлам:

— Хорош патроны транжирить! Неужели не ясно, что они вслепую палят?!

В этот момент с противоположной стороны донеслись крики и выстрелы. Кирсан оглянулся и увидел огоньки, стремительно перелетающие через стену.

— Сучий потрох! — выругался 'злодей', - это же горящие стрелы!!

План индейцев стал понятен. Осознав, что взять укрепленное селение нахрапом не получится, краснокожие принялись стрелять из луков, надеясь поджечь дома, устроить панику и хаос и под шумок ворваться в деревню. И когда часть людей покинула стену, чтобы тушить разгорающиеся пожары, Кирсан закричал:

— Не будьте идиотами!! Они того и ждут! Вы не можете и тушить, и отбивать атаку!

— Так что же делать?! — крикнул офицер, — пускай все сгорит?!

— Оно все равно сгорит, если команчи не прекратят обстрел! Вы ничего не поделаете против стрелков, которые пуляют со ста метров из тумана! Контратака — единственный выход!

— А он прав, — заметил Святой, — выйдем и вломим ублюдкам.

Еще один офицер побежал за подкреплением и вскоре привел с собой около полторы сотни человек. Кирсан с удивлением отметил, что почти все они что-то жуют.

— А что они жрут-то?

— Хрен его знает, что им вместо закуски дали. Может галеты, может кильку. Тут так заведено, — пояснил Игнат, — когда идешь на гибель — тебе выдают твою долю жратвы и выпивки. Потому что, особенно если ты не помнящий, в новом цикле можешь попасть в другую общину или вообще в другой кластер, и останешься с носом.

Со стены убежали еще человек двести и вскоре тоже вернулись повеселевшие. Сто граммов наркомовских перед боем, да еще людям, и так смерти не боящимся — существенный фактор.

Вместе с ними пришел еще и танкист в допотопном шлемофоне. Он залез в танк через башенный люк, повожился внутри и крикнул:

— Движок в порядке! Вы готовы там?!

— У нас что, еще и танк будет? — спросил Кирсан.

— Нет, не будет. Он выедет вперед только на несколько метров, открывая нам запасные ворота. Топлива у него на покатушки нету, снарядов тоже, а со спаренного пулемета толку мало, если башню вручную вертеть. А чтобы приводы врубать — тоже топливо нужно. Так что он разве что шуганет слегка.

Несмотря на поспешность, организация прошла достаточно грамотно. Группе, которая шла первой, роздали по гранате, отправили небольшую команду зачистки через основные ворота, чтобы разбить лучников вокруг поселка. Затем по команде танк взревел двигателем и пополз вперед метров на десять, остановился и принялся, медленно крутя башней, плевать из пулемета. Несмотря на низкую эффективность стрельбы, дульное пламя вызвало бурный ответный огонь. Пули защелкали по броне, не причиняя никому вреда — и то хорошо.

Кирсан вместе с Игнатом и Максом двигался чуть позади основной группы и сбоку. Когда закипело сражение, Вогель, как самый опытный, повел их по крайней линии домов. Схему он выбрал простую и эффективную: как только на центральной улице началась перестрелка троица перебежала в тумане к первому дому, частично обрушенному, и прижалась к стене под окнами. Изнутри дома стреляли по меньшей мере пять ружей и винтовок. Макс выждал еще несколько секунд, подобрался к пролому в боковой стене и почти в упор расстрелял прятавшихся внутри индейцев из автомата. Кирсан и Святой забрались в дом следом. Вскоре к ним присоединилась еще группа бойцов и принялась перестреливаться с индейцами в соседнем доме.

Кирсан занял позицию у окна, но не напротив, а сбоку. Отсюда он хорошо видел тридцать метров улицы и дом по диагонали напротив: если противник пойдет в контратаку, его ждет сюрприз в виде прицельного огня из неожиданного места.

Однако пострелять разведчику не удалось: за две минуты в поле зрения не появился ни один враг, собравшиеся бойцы решили выбивать следующий дом по улице. Один стрелок выбрался из дома через пролом и пополз, вжимаясь в туман, с гранатой в руке, остальные открыли огонь на подавление. Через минуту грохнуло: боец забросил гранату через окно, огонь из дома полностью прекратился. Только один индеец выскочил, словно ошпаренный наружу: видимо, он находился в соседней комнате и потому не был убит взрывом. Правда, воспользоваться этой удачей ума не хватило, в первую же секунду его срезали в три ствола.

Святой к тому времени израсходовал все патроны к дробовику и взял с пола винчестер.

— Всегда хотел побыть ковбоем, — сказал он, обшаривая трупы на предмет патронов, — пятнадцатизарядный винтарь чутка лучше пятизарядного ружья, и стреляет тише, и отдача меньше...

— Ты что, за пятьдесят лет ни разу винчестера в руках не держал? — удивился Макс.

— Не-а. Точнее, держал и смотрел — но чужой. А чтобы самому заиметь — не доводилось.

Они выбрались из дома следом за основной группой. Осмотревшись и перекрикнувшись с командой, наступавшей по параллельной улице, Кирсан пришел к выводу, что наступление

идет как-то уж чересчур гладко.

— А чего ты хотел? — пожал плечами Святой и дернул за рычаг, перезаряжая оружие, — это ж индейцы. Они по части городского боя не соперники нам. Тут у нас половина — помнящие, а туристы редко демонстрируют опыт, для помнящих характерный.

— Их все-таки раза в два больше.

Сразу после этого разговора они наткнулись на опорный пункт краснокожих: те оборонялись, битком набившись в четыре дома и пару сараев, а также прятались за этими строениями. Штурмовая бригада применила дымовые гранаты и под прикрытием непроницаемой завесы подползла к двум первым домам. В дело снова пошли гранаты, и оба строения были зачищены в один момент. Затем началась перестрелка с оставшимися индейцами.

Кирсан пристроился за углом, стреляя наискосок по окнам сарая напротив, и вроде бы даже в кого-то попал.

— Ну-ка, приятель, дай я тут из-за угла пальну разок, — толкнул его в бок сосед, и на его калаше разведчик увидел подствольный гранатомет.

Он отполз, пропуская гранатометчика, тот немного высунулся, прицелился и выстрелил. Граната влетела в окно и взорвалась внутри дома. Стрельба практически прекратилась, послышалось завывание в добрый десяток голосов: взрыв убил, в лучшем случае, всего пару индейцев, но вот мелкие осколки в столь тесном и полном мишеней пространстве наверняка покалечили многих.

Двери открылись, наружу ломанулись выжившие, которые еще могли бежать, но уже практически не соображали. Оглушенные и истекающие кровью, они были перебиты в несколько секунд.

В то же время из последнего дома через задние окна начали выбираться команчи, явно не желающие разделить участь остальных. Кирсан несколько раз выстрелил им вслед, не целясь: довольно очевидно, что сопротивление уже бесполезно, если деморализованному противнику удастся унести ноги — пускай уносит.

— Как-то мало их тут, вам не кажется? — любопытствовал Святой, заглянув через окно в сарай, — трупов с десяток.

— Мы их сотни перебили, — отдуваясь, сказал кто-то из офицеров.

— Полторы-две — да. Но их изначально было под пятьсот, если не больше. И вообще, а где носит группу, которая пошла в обход поселка?

Кирсан оглянулся. Над поселком дым, пожары еще не погашены. И даже, кажется, только сильнее разгорелись. Когда перестрелка в покинутой части деревни окончательно утихла, стало слышно, что позади все еще стреляют, причем не вокруг поселка, а внутри.

Отряд, поредевший примерно на пятьдесят человек, ломанулся обратно. Они вбежали за периметр через тот же проход, поскольку танк, сдав назад, заехал не вровень со стеной, а дальше, на площадь поселка, и теперь танкист изнутри пытался помочь обороняющимся огнем пулемета.

А дела сложились совсем дерьмово. Многие дома охвачены пламенем, и бой кипит прямо на улицах. Хитрые краснокожие переиграли поселенцев, создав видимость атаки только с одного направления, но затем скрытно перебросили основные силы. Контратака защитников позволила достаточно легко выбить оставшийся отряд команчей из покинутой деревни, но по меньшей мере триста краснокожих чертей, взяв штурмом противоположную стену, теперь бесновались внутри поселка, поджигая дома и стреляя в пытающихся спастись

людей.

Особо жаркое сражение кипело вокруг центрального здания, видимо, там находилась фактория. Плотный пулеметный огонь не позволял индейцам приблизиться, а черепичная крыша и кирпичные стены уберегли дом от зажигательных стрел.

Кирсан побежал следом за Максом, мысленно спрашивая себя, за что ему такое развлечение. Сбоку просвистел томагавк, и разведчик нырнул в сторону, за кучу зулусских трупов. Вообще шик-блеск, скоро тут тела, красные, черные и белые, будут в три слоя землю покрывать. Охренеть.

Он выглянул, поймал в прицел поджарый силуэт с перьями на голове и плавно потянул за спуск. Индеец взмахнул руками, сделал еще несколько шагов вперед и упал. Рядом застучал 'шмайсер' Макса.

Из горящего дома через улицу выскочил человек в белом кителе, к нему сразу же устремилась целая группа индейцев, потрясающих томагавками и ружьями. Кирсан навел на них 'сорок вторую' и принялся стрелять, хотя в мечущихся дьяволов еще поди попади. Двоих срезал, двоих грохнул Макс. Человек вскинул руку с пистолетом и уложил наповал ближайшего команча, но вот в него метнули томагавк с трех метров — тут уж не промахнешься. Белый китель упал, как подрубленный. В соседнем доме застучал пулемет, укладывая краснокожих одного за другим.

Рухнул дом неподалеку, подняв к затянутым мрачными тучами небесам столб искр. Вопли команчей, крики жителей, стрельба, хаос, смерть и разрушение. Палец жмет на крючок, приклад отдает в плечо, мечутся неясные тени в дыму и тумане. Ад крошечный.

Кирсан заметил группу индейцев, укрывшихся за бытовкой, сделанной из автофургона. Человек пять или шесть, выглядывают, стреляют в окна дома по соседству, прячутся. А стенки ведь тонкие, подумал разведчик. Он положил ствол 'фаллширмджагергевера' на шею мертвого зулуса — удобная выемка — и принялся стрелять. Выстрел, ствол правее, выстрел, правее, выстрел, правее... пули легко прошивали бытовку и спрятавшихся за ними индейцев, и все они, кроме одного, были убиты. Лишь последний, сообразив, что и сам сейчас разделит участь товарищей, бросился, пригнувшись, к соседнему сараю, но его уложил кто-то из окна.

Тут к Максиму и Кирсану за трупы заполз Святой, испачканный в крови, но довольный, как слон таблеткой, кровь, стало быть, не его.

— Давайте проползем вдоль стены, — пропыхтел он, заряжая новоприобретенный винчестер, — сейчас чертовы засранцы поймут, что их понемногу выбивают, и постараются уйти обратно через стену с той стороны, откуда пришли.

— А нам точно надо это делать? Я сегодня уже настрелялся больше, чем за всю жизнь до этого момента. В гробу я видал и индейцев, и зулусов, и того, кто все это тут устроил!

— Привыкай, салага... Если позволить туристам уйти — жители деревни не смогут выделить достаточно сил для отпора людоедам. Хотя... они и так в заднице.

Тут раздался рев, и танк, грохоча траками, понесся по улице, паля из курсового и спаренного пулеметов. Индейцы, завидев такое чудовище, бросались наутек, и основные силы поселенцев продвигались вперед, встречая минимальное сопротивление. Прямо на глазах Кирсана 'тридцатчетверка' сходу врезалась в угол двухэтажного дома, где засели краснокожие, и здание просто сложилось, словно карточное, похоронив под собой врагов. Затем танк вихрем домчался до дальней стены и развернулся, отрезая команчам путь к отступлению. Те заметались: с одной стороны наступают взбешенные жители, с другой — ревущее чудовище. Паника в бою не способствует долгой жизни, и вскоре нападающих

перебили, ускользнули лишь единицы. Танк к концу боя тоже заглох, потратив последние капли солярки.

Кирсан привалился плечом к стене дома и медленно сполз на землю. Зад коснулся чего-то мягкого, но он не стал смотреть, на чьем трупе сидит. После всего, пережитого за какой-то вшивый час, ему уже было, в общем-то, по барабану. Макс на сто процентов прав: для того, чтобы воздать по заслугам убийце, не нужны котлы с кипящей смолой и рогатые кочегары. Достаточно засунуть его в самое жаркое место бойни. Жернова войны дадут сто очков форы любой адской сковородке, и это знает всякий, кто побывал в подобной мясорубке, пусть даже не в самом центре, пусть даже страшный Всадник Апокалипсиса всего лишь накрыл его своей тенью — тень эта останется в душе человека навсегда. И тот, кто всем тут заправляет, хорошо знал, что делал, когда списывал в утиль котлы и печи. Кирсан ведь был на войне. Пусть ему удалось проскочить сквозь мясорубку, почти не пострадав, даже тот маленький душевный шрам, который разведчик вынес из Цхинвала, стал достаточной причиной уволиться по истечению контракта: он свой долг родине уплатил. И вот Кирсан снова там, откуда отчаянно пытался сбежать: под стопами молоха войны. Страшнейший круг ада тот, в котором интенсивная бойня идет регулярно, без остановок, без права на отпуск. И теперь Кирсану хотелось одного из двух: либо ужраться до деревянного состояния, либо сдохнуть. Но искусный садист, дергающий за ниточки этого мира, отнял у него обе возможности. Разведчик сидел у стены посреди догорающего поселка на чьем-то трупе, с ног до головы перемазанный грязью и кровью, смотрел в пространство 'взглядом на две тысячи ярдов' и отрешенно думал, что психиатра, который поможет справиться с боевой психической травмой, он тут не найдет. С другой стороны, если человек все еще отдает себе отчет в ситуации... Может быть, обойдется и без врача. Точнее, придется обойтись.

— Совсем дело швах, — прокомментировал ситуацию Святой, когда они кое-как помыли лица и руки и устроились на отдых в каком-то подвале, — видимо, капут лагерю, а ведь он тут стоял, сколько я помню... Первый раз вижу такой урон от 'туристов'... Индейцы с зажигательными стрелами — это реально что-то новое в датском королевстве.

Вогель только пожал плечами:

— Все новое — хорошо забытое старое, слышал такое? Лет, чтобы не соврать, сто назад такое уже было. Выстроили на одном ранчо целый форт, и стоял этот форт очень долго. Два или три века, я уж не упомню.

— Разве города стоят не двадцать-тридцать лет? — спросил Кирсан.

— Столько стоят брошенные города. Где живут люди — там все приходит в упадок медленнее. Так вот, шесть тысяч народу было, и туда кого попало не пускали. Отборный контингент, пулеметы, шесть танков по углам... Зулусы, норманны, монголы об него просто разбивались, как волны о скалу. И что ты думаешь? Пролетели над ним 'Юнкерс' и ваш, этот, 'Як'. А бомбер был с бомбами, и, спасаясь от истребителя, чтобы облегчиться, всю бомбовую нагрузку на лагерь и сбросил. Тысяча с гаком человек в новый цикл ушла в одну секунду, куча контуженных, раненных, одной стены просто нет, словно и не было. Ну и тут монголы — тысяч восемь. И все.

— Ты хочешь сказать, что если какое-то селение стоит слишком долго — его сносят божественной волей? — догадался Кирсан.

— Вот-вот. Не так чтобы напрямую камнепад с неба — но случается череда событий, которая, чисто теоретически, могла бы быть совпадением, и против которой ничего нельзя поделать. Стабильность — не то, что позволено нам иметь в аду.

— Ты мне этого не рассказывал, — сказал Святой.

— Если б рассказал — что-то изменилось бы?

— Это да...

Чуть позднее стало ясно, насколько сокрушительным было двойное нашествие. Из четырех тысяч жителей погибло более пятисот, и еще сотни три, раненых и обожженных, опосля получили пулю милосердия или застрелились сами. И что, по уверению Святого, было гораздо хуже, так это учиненный индейцами пожар.

— Люди... Что люди? Ну умерли. Помнящие и сами вернутся, это вопрос нескольких часов или пары десятков часов. Непомнящие — с этим, конечно, похуже, их большинство, но, с другой стороны, важнее помнящие. А вот дома... Видишь ли, дома отстроить нельзя, тут нет ни стройматериалов, ни строителей. Стену еще так-сяк, а жилой дом — увы.

Уставшие люди собрались в сохранившихся зданиях на отдых, пролом в стене, открывшийся из-за съезда танка, на скорую руку забаррикадировали и выставили усиленный караул из тех, кто воевал меньше и не пострадал. Святой отлучился на полчаса, чтобы принять участие в совещании, и вернулся с наполовину полной бутылкой водки, плиткой шоколада и плохими новостями.

— В общем, хана лагерю, — сказал он, разливая водку по стаканам, — отстраивать никто ничего не будет, спорили, в основном, куда деваться. Порасползаются по другим лагерям, человек пятьсот вознамерились в кремле поселиться. Но это еще цветочки. Проблема в том, что я рассчитывал минимум на тысячу здешних бойцов, но теперь это поселение как организованная человеческая команда не существует. Совет офицеров, фактически, уже власти не имеет, у каждого свои сторонники и единства никакого. Пока они примкнут кто куда намылился — пройдет время, а оно нынче против нас играет...

Водку — едва ли по сто граммов на брата — выпили залпом и закусили дерьмовыми галетами, но сама огненная вода оказалась натуральной, а не 'испорченной', она обожгла горло и согрела. За все время, проведенное в этом странном, бредовом месте, Кирсану довелось попробовать нормальный продукт впервые.

Плитку шоколада 'Аленушка' — советский молочный шоколад — Святой аккуратно разломал на три равные части.

— Выбирайте. Я делил, значит, беру что останется. И пускай нам спится так же сладко, как сейчас на языке...

Правда, уснуть легко и быстро уставшему и вымотанному после боя Кирсану, к его же собственному удивлению, не удалось. В голове пульсировала одна-единственная мысль: телефон. Где взять в этом безумном месте работающий телефон? Игнат говорил, это не будет просто, но он должен найти телефон. Должен позвонить Лиле... Если, конечно, она жива. Или ее родителям. Правда, стоящей идеи, что сказать, Кирсан не придумал, а вариант 'Это я, Кир, звоню с того света' — не вариант, на самом деле.

Отголоски былого

Степашка сделал знак — чисто. Кирсан быстро метнулся к двери одной из квартир и зацелил следующий лестничный пролет. Тоже чисто. Вообще-то они оба прекрасно знали, что только конченный идиот останется в девятиэтажке, когда вокруг идут полномасштабные боевые действия, что дом пуст, но осторожность никогда не бывает излишней. К тому же, всегда есть шанс напороться на мародеров или вражеских солдат.

Напарник медленно повернул дверную ручку и открыл входную дверь: не заперто. Люди покидали свои дома в спешке, хватая детей, вещи первой необходимости, документы и

деньги. Многие, быть может, не успели взять даже ценности: жизнь дороже, никогда не знаешь, сколько минут или секунд у тебя остается до прилета ракеты или бомбы.

Под ногами хрустит стекло. Этот дом почти не пострадал, в него пока еще не попали, только близкие разрывы повыбивали все окна. Если не смотреть наружу, не слушать звуки ночного боя, то кажется, что ничего страшного не произошло, ну подумаешь — стекла. Но если выглянуть... После обстрела Цхинвал производит жуткое впечатление, как и абсолютно любое место, где объявился второй, самый страшный из Всадников Апокалипсиса — Война.

Четвертый этаж. В принципе, отсюда прекрасно все видно, насколько может быть видно ночью при яркой луне, в том числе соседний дом, их цель. Кирсан еще раз прислушался, нет ли где посторонних звуков — хотя много ли услышишь, когда снаружи идет ночное сражение с применением танков и артиллерии — и тихо закрыл за собой входную дверь, сделав жест Степашке идти к окну.

— Думаешь, они там?

— Негде им больше быть. Слишком точно отрабатывает 'их' артиллерия по ближайшим квадратам. Тот дом — единственная девятиэтажка, с которой видно все простреливаемые места. Корректировщик на крыше, готов спорить.

— Корректировщики могут сидеть на крыше и этого здания тоже.

— Их бы засек 'Филин'.

Степашка прильнул к окуляру ночного прицела, пытаясь отыскать в соседнем здании вражеских разведчиков. Сам Кирсан подобрался к окну, выходящему на соседнюю улицу, чтобы осмотреться, щелкнул кнопкой рации.

— 'Филин', я 'Ласка'. Обстановка возле нашей позиции?

— 'Ласка', без изменений, — сквозь треск помех донесся до разведчика голос снайпера, — но в соседнем квартале вижу активность противника. Взвод, а может, и два.

— Понял вас, продолжайте наблюдение.

Кирсан посмотрел на часы: в их распоряжении еще минут десять, ровно столько осталось лететь штурмовику.

— Степашка, что там?

— Думаю, я засек его. Восьмой этаж и крыша — по одному человеку. Или, может быть, только один, второй, на крыше, мерещится.

— Достать сможешь?

Напарник покачал головой:

— Невозможно, он в глубине комнаты.

Кирсан с сожалением вздохнул. Триста метров для степашкиного 'винтореза' — дистанция не предельная, но чтобы поразить цель на таком расстоянии, пуля, летящая со скоростью двести девяносто метров в секунду, должна быть выпущена под большим углом. 'Вал' и 'винторез' — отличное оружие, точное, убойное, бесшумное, но их главный минус — слишком крутая траектория пули. И сейчас вражеский наблюдатель, находясь пусть в радиусе поражения, но в глубине здания, фактически неуязвим: пуля попадет в стену выше окна. Жаль, у них нет обычной СВД с глушителем... Зато есть рация. И штурмовик на связи.

— Степашка, уходим, — скомандовал Кирсан.

Напарник подобному повороту удивился, это хорошо видно по его лицу, но ничего не сказал. Умение полагаться на командира и товарища без лишних вопросов — важное качество для солдата, особенно разведчика.

По-прежнему никем не обнаруженные, они покинули свой наблюдательный пункт и

укрылись в доме через улицу.

— Говорит 'Ласка'. Передаю координаты для 'Коршуна'. Повторяю, говорит 'Ласка'. Передаю координаты для 'Коршуна', - сказал Кирсан, назвал точные координаты цели и добавил: — ориентир — два девятиэтажных здания особняком от других девятиэтажек. Цель — то, которое слева по курсу.

Ждать пришлось недолго. Пилот сбросил бомбу очень точно — но не в тот дом.

— Идиот! Степашка, я как жопой чуял, что этот криворукий мудака может перепутать!! И он выбрал такую бомбу, чтобы весь дом грохнуть, кретина кусок!

Напарник, наблюдавший через окно, как дом, пробитый бомбой едва ли не до самого подвала, рассыпается от мощного взрыва на нижних этажах, заметил:

— Кир, пилот не виноват. Штурмовик прилетел не с той стороны, откуда ждали, и левым зданием для него было наше.

— Тьфу! Тогда я идиот! Надо было сказать, что цель — северное здание, не было бы непонятки...

Он передал уточнение координат, особо указал, что следует использовать менее разрушительный боеприпас, и проследил, как ракета попала в дом с вражеским корректировщиком на уровне девятого этажа. От взрыва, произошедшего в четырехстах с лишним метров, стены их укрытия заходили ходуном. Однако еще до того, как Кирсан смог воскликнуть 'Что за нахрен?', он проснулся.

— Проснись и пой! Или — восстань и сияй, как говорят пиндосы, — сказал Святой, перестав его тормозить, — нам двигать надо. Извиняй, если еще не выспался — но время против нас.

Кирсан сел на грязном матрасе, на котором уснул без задних ног сразу после боя и выпитой водки, и огляделся. Он находился в подвале, где, кроме него, уснули тревожным, беспокойным сном другие жители теперь уже разрушенного селения. Темно, только зажигалка в руке Игната горит, да через оконца у самого потолка пробивается свет. Воздух душный, спертый.

Он взял свои — ну, теперь-то уж точно свои — разгрузку и винтовку, проверил, на месте ли штык-нож и оба пистолета, и поспешил выбраться наружу. На свежем воздухе уже сидел мрачный и растрепанный Макс.

— Как спалось, Mein Freund? — добродушно поинтересовался Святой.

— Драть тебя необструганным поленом! — взорвался немец, — дерьмово спал! Ты это хотел услышать?! Что я дерьмово спал, потому что мне, как обычно, снились огнемечики?! Сколько раз еще я должен сказать это, чтобы ты оставил эту тупую подначку?! Гребаный унтерменш!!

— Не кипятись, дружище, а то язву заработаешь на почве депрессии, — ухмыльнулся Игнат.

Они покинули поселок, засыпанный, словно песком, прахом, в который превратились за ночь тысячи трупов, вместе с длинным потоком беженцев. Когда под ногами у Кирсана зачавкала болотная жижа, со стороны окутанной туманом деревни донеслись звуки стрельбы.

— Неужели опять?!

— Да нет, — махнул рукой Святой, — это идет 'дележ' оставшихся продуктов. Обычная картина в распавшейся общине, а иногда и в нераспавшейся.

Поели на ходу — гадкое печенье, затхлая вода. И вонь: то ли болото воняет, то ли

одежда от грязи и крови.

Через час шлепанья по мертвому лесу Кирсан задал вопрос, который, если по уму, он должен был задать много раньше:

— Слушай, Игнат, а как ты в этой трясине ориентируешься? По деревьям, что ли?

— Ну да. У них есть мох на южной стороне ствола.

— А тут что, есть север, юг, восток и запад? Я солнца-то не вижу.

— На самом деле, нет тут никаких сторон света. Но мох на деревьях — есть.

— Тогда, мать его в бога душу, почему мох растет только с одной стороны?!

Макс негромко засмеялся, Святой же терпеливо пояснил:

— Потому что это место — не настоящий мир. Это копия, где законы природы и причинно-следственные связи не всегда соблюдаются. Здесь есть машины, но нет предприятий, где они могут быть изготовлены. Здесь есть день, пусть мрачный, но день — и нет ночи. Маленький относительно замкнутый мирок, управляемый извне. Откуда тут взялся мох? Оттуда же, откуда и деревья, точнее, вместе с деревьями. Весь этот лес — декорации, созданные по образу и подобию похожих мест на Земле. Деревья — копии, перенесенные сюда вместе с мхом. А то, что именно тут мху взяться естественным путем неоткуда — никого не волнует. Деревья тут — только мертвые. Живого, зеленого — не найдешь, но мертвых не счесть. А ты к мху прицепился...

Еще через пару километров Кирсан задал другой беспокоивший его вопрос.

— А тут вообще как, кроме кошмаров еще что-то снится?

— Нет, — коротко отрезал Макс.

Святой сразу же развил мысль:

— И это еще одно доказательство того, что мир управляется извне божественным двигателем. Во сне люди видят картины, обрабатываемые их мозгом. Здесь наши сны — не результат работы мозга, а сигнал, посланный извне. Нам снится наша смерть, обычно — первая, когда мы умерли в мире живых, но иногда и все последующие. Иногда нам снятся наши преступления — но только тем, кто способен в них раскаиваться. А бывает — прочие ужасы. За Максом во сне огнеметчики гоняются, к примеру.

— А мне снился не кошмар. И я не страдал во время этого сна, хоть я и видел эпизод своей жизни, связанный с войной.

— О, это уже интересно, — оживился Святой, — нам чалапать еще изрядно, рассказывай, чтоб дорожка короче казалась.

Кирсан пересказал свой сон и добавил:

— Вообще-то, после того, как мы с напарником навели самолет на цель, то при попытке выбраться из занятого противником района напоролись на засаду, Степашку ранили... Ну, тогда и случилось то, за что меня мучит совесть. Я убил женщину, как мне кажется, невооруженную. Видимо, ты разбудил меня раньше, чем я досмотрел до этого места...

— Не-не, — ответил Макс, — тут, если ты видишь кошмарный сон, то он кошмарный от начала до конца. Твой как-то не вписывается в общую картину

— Слышишь, Макс, — внезапно сказал Святой, — я тут подумал — он не мог бы попасть сюда моложе, чем умер. Кир, ты в две тысячи четырнадцатом умер, так?

— Да. Летом.

— Вот. Я тут с две тысячи двенадцатого, и год примерно за двадцать пять адских идет. Я провел тут примерно пятьдесят лет. И это значит, что сейчас в мире живых — тот самый две тысячи четырнадцатый, причем приблизительно лето. Я не встречал еще никого,

умершего в две тысячи пятнадцатом — что подтверждает мою догадку. Получается, если ты помнишь себя тридцатилетним, то ты и умер тридцатилетним. Я ошибался, думая, что ты попал сюда моложе, чем был в момент своих преступлений. Времени стать монстром и убить полсотни женщин и детей у тебя просто не было.

— Я рад, что ты наконец-то поверил в мою невиновность, — с сарказмом ответил Кирсан.

— Этого я не говорил. Ты не можешь быть невиновен — здесь не бывает ошибочных обвинений. Я просто все понял. Наши сны управляются. Ты искренне уверен, что не совершал массового убийства — похоже, тебе свыше послана подсказка в виде сна. Дом, на который ты навел бомбовый удар, развалился до основания, и все убитые тобой люди, скорее всего, находились в его подвале.

Кирсан остановился, как вкопанный, осмысливая услышанное, спутники тоже остановились.

— Стоп, стоп! — воскликнул он.

— Опять 'стоп, стоп', - хмыкнул Вогель, но разведчик проигнорировал немца.

Он стоял посреди болота, прокручивая в голове ужасную догадку. Выходит, в том доме действительно были люди? Квартиры оказались совершенно пусты, но вот подвал он со Степашкой не осматривал... Господи. Ведь это действительно все объясняет... кроме одного.

— Игнат, — медленно сказал Кирсан, — если все было так, как ты предположил... В чем, все-таки, моя вина? Меня не предупредили, что штурмовик подойдет не тем курсом. Бомбу бросал не я. И выбирал, чем бомбить — бомбой, предназначенной для сноса зданий, или обычной управляемой ракетой гораздо меньшей мощности — тоже не я. Мне и в голову не могло прийти, что этот идиот станет стрелять по мухе из пушки! Это же не я — убийца!

— Если бы ты точно указал цель, удар был бы нанесен по нужному дому. Правда, не исключено, что тогда погибли бы люди в другом подвале, если они там были. Если бы ты сразу указал пилоту, что цель на верхних этажах — может быть, он сразу выбрал бы ракету. И если бы ты сказал ему, что в подвале могут быть люди — он бы точно не выбрал противобункерную бомбу. Как ни крути — вина-то твоя.

— Эй, какого хрена?! — в отчаянии закричал Кирсан, — но стрелял же не я!! Я виноват — сглупил! Не подумал! Но я не убийца!

Святой вздохнул:

— Если снаряд из пушки попадает в жилой дом — кто виноват в гибели его жильцов? Кто убийца — наводчик, который крутил рукоятки наведения, или заряжающий, который дергал за шнур? По всей видимости, тот, кто вынес тебе приговор, не увидел разницы между массовым убийством невинных и халатностью, повлекшей массовую гибель оных. Если ты не согласен — извини, но апелляцию подавать следует не мне.

Центр мира

То, что Святой называл 'центром', оказалось небольшим, судя по его словам, городком типа районного центра, но с некоторым количеством высоких, восьми- и девятиэтажных, а иногда и до двадцати этажей, зданий в стиле ар-деко.

— На условном севере от нас — город варваров, на юго-востоке — наш город, на юго-западе — покинутый, где нас чуть Тени не угробили, — сориентировал Кирсана Макс, — а тут, в Центре, есть наш аванпост и 'их'. В принципе, обстановка сейчас более-менее мирная, потому как 'наши' 'центральныйники' стараются держаться обособленно ото всех, 'центральных'

варваров знают в лицо и не воюют с ними при встрече, если такие и случаются. Пакт о ненападении, скажем так. Вообще, Центр — пожалуй, самое необычное место нашего 'острова', и тут работают несколько необычные правила. Самое главное, что тебе стоит знать — это зомби. Здесь единственное место, где мертвецы ведут себя не как везде.

— А точнее? — хмуро отозвался Кирсан.

— Не разбирают целей. 'Твои' мертвецы уже где-то в городе, но теперь они нападут на всех подряд, кого увидят, и способны замечать человека с пятидесяти шагов. Ну, то есть, с того расстояния, с которого туман позволяет видеть. Все мертвецы одинаково опасны для всех. Зато здесь они не способны искать людей своим мистическим способом — только зрением и слухом.

— Это хорошо или плохо?

— Тебе — пожалуй, хорошо. Мне и Святому — хуже, это единственное место, где мы боимся зомби.

— Хм... У тебя своих нету, оно и понятно. Игнат, — обратился разведчик к Игнату, — а за тобой трое вроде бы ходят?

— Катаются разве что, — ухмыльнулся тот, — я своих зомби упаковал. Это единственный способ избавиться от них раз и навсегда.

— Упаковал?

— Угу. Ловишь в петлю, стоя выше него, подвешиваешь. Затем так же с остальными двумя. Спускаешься, связываешь им ноги. Затем руки. Затем спускаешь вниз, надеваешь на голову полиэтиленовый пакет. Затем находишь полиэтиленовые мешки для мусора или брезент. Полиэтилен и брезент, знаешь ли, не гниют, даже здесь. Заматываешь трупика, обвязываешь веревками, сделанными из полиэтиленовых мешков — и вуаля.

— Ну и что?

— А ничего. Парадокс в том, что из города в город вслед за тобой зомби переносятся вместе с мешками. Они беспомощны. Если отрезать мертвецу руки и ноги — он возродится целым вскоре. Но пока зомби запакован в полиэтилен — он не возрождается, ибо целый, и выбраться не может. Торжество человеческого разума над несовершенной системой.

— Умно, — одобрил Кирсан, — надо будет как-нибудь самому этим озаботиться.

— Не прокатит. За тобой слишком много их ходит. Всех надо подвесить на веревке — а для петли полиэтиленовые веревки не подходят. А если найти и использовать обычные — пока подвесишь двадцатого кадавра — первый уже упадет, потому что насколько человеческая аура замедляет здешнее разложение, настолько аура мертвецов ускоряет, веревки гниют на глазах. А найти тут что-то из совершенно неразлагающегося материала — предельно проблематично. Ну и сволочи — без них никуда. Всегда найдется любитель стрелкнуть упакованному трупика в голову, просто для того, чтобы сделать западло его 'владельцу'. Поврежденный переродится, ты идешь себе спокойненько — и тут на тебя трупик из-за угла налетает.

Они прошли километра два, вначале по главной улице, потом пару раз свернули. Точкой сбора оказалось добротное четырехэтажное здание складского или офисного типа, и Кирсан сразу же понял, почему выбрали именно его: на первых двух этажах ни единого окна.

Правда, добраться до двери оказалось не так-то просто.

— Слышишь? — шепотом спросил Макс, Святой кивнул в ответ.

Разведчик тоже прислушался. Сквозь тоскливую мелодию, которую играл сквозняк в покинутых домах с выбитыми стеклами, проступили звуки шаркающих шагов.

— Штук двадцать, — почти беззвучно пробормотал Игнат и указал пальцем на ближайшую дверь.

Троица проникла в здание, которое оказалось продовольственным магазином.

— Какой план? — осведомился Кирсан, — подождем, пока пройдут?

— Очень долго можно ждать, — покачал головой Святой, взял с полки бутылку пива, откупорил и вылил на пол: — учись, салага. Трюк стар, как мир — но на это всегда и все ведутся.

Он швырнул бутылку через дверь куда-то на противоположную сторону улицы. Раздался звон бьющегося стекла, затем вся толпа кадавров пришла в движение, медленно шагая на звук.

— Вот теперь можно двигать, — сказал Макс через пару минут, когда неясные тени в тумане прошли мимо, — сейчас все трупики на той стороне улицы у соседнего дома.

Тихо ступая, они перешли улицу и двинулись к зданию. Святой приоткрыл дверь, просунул в щель голову, внимательно все осмотрел и вошел внутрь, следом пошли Кирсан и Макс.

Здание действительно оказалось складом с первым этажом высотой в два нормальных этажа, забитым разноцветными морскими контейнерами. Разведчик обратил внимание, что грузовая дверь, наглухо заколоченная, слишком мала, и контейнер в нее не влез бы.

— Строили, я так понимаю, Тени, и обставляли интерьер тоже они? — спросил он у Святого.

— Именно.

— То-то же я подумал, что в дверь контейнеры не пролезли бы. Что внутри?

— Ничего. Но ты можешь поиграть в кладоискателя, если хочешь.

Сам аванпост оказался обычным офисом на третьем этаже, из которого через окна повывбрасывали все лишнее: компьютеры, ксероксы и прочую дребедень. Из положенных дверцами вниз шкафов, сдвинутых стульев и столов сделали лежаки, застеленные частично истлевшими простынями, коврами, спальниками, человек так на двести. В углу валом навалено жратвы и воды в бутылках и банках, некоторое количество одежды, обуви и холодного оружия.

— И все это вот так без присмотра оставлено? — удивился Кирсан, — и не растащили ведь...

— А некому растаскивать, — пожал плечами Макс, — сюда мародеры из других мест не заходят, из-за слишком умных зомби.

— А местные жители?

— Им незачем: всего этого добра навалом в магазинах возле их селений. О том, что у нас тут аванпост, вообще говоря, местные могут и не знать. То есть, они знают, что тут есть базы — но не знают где, да и не ищут. А из всех остальных об этом месте знает не так уж много людей.

— Ладно, хотя бы помоюсь, — вздохнул Кирсан, — да в чистое переоденусь.

— Не более двух литров воды на мытье, — предупредил Макс, — сюда воду таскать веселого мало.

В этот момент за окном сверкнуло, затем раскатисто ухнул гром.

— Что это? Гроза?

— Ну да. Тут такое иногда бывает.

— Значит, ща вымоемся под душем, — обрадовался разведчик, — так, где тут мыло и

выход на крышу?

Дождь вскоре зарядил, словно из ведра, тучи стали еще черней, казалось, что настала ночь, которой тут обычно не бывает. Мощные раскаты грома сопровождались ослепительными вспышками. Буквально на глазах у Кирсана молния ударила в высотное здание неподалеку, послышались звуки сыплющихся обломков, проступающие даже сквозь шум низвергающихся масс воды.

— Екарный бабай, — присвистнул он, — вот это молния, так молния.

— Подумаешь, — махнул рукой Святой, — тут иногда и не такое бывает. Вот когда с небес натурально трупки сыплются — тогда екарный бабай. А это — гроза. Мощная, но всего лишь гроза.

— Трупки? — удивился Кирсан.

— А то. Вот так и падали. Десятками. Ну и ясен пень — в шмазь разбивались. Воничка была такая, что за противогаз убивали точно так же, как и за кусок нормальной жратвы. Лет тридцать назад такое случилось. Я уж думал — это полнейший армагеддец, а оказалось — самое веселое еще впереди. Однажды божественный движок засбоил, и зомби, переносясь из города в город, начали мазать.

— Что мазать? — не понял разведчик.

— Промахиваться, я хотел сказать. Вместо того, чтобы появиться, стоя на асфальте, они попадали в здания, предметы или просто мазали по высоте. Врастали в землю, в стены...

Кирсан приподнял брови:

— Почему?

— Ты меня спрашиваешь? — ухмыльнулся Святой, — я же говорил тебе: система несовершенна. Она, выражаясь языком компьютерщиков, глючит временами. Сбоит.

Помывшись, разведчик не стал спешить спускаться с крыши, сел у края, задумчиво глядя вдаль. Туман на высоте четвертого этажа не шел ни в какое сравнение с тем, что у земли, со своего наблюдательного поста Кирсан видел неясные массивы зданий на несколько сот метров, а высотки — на километр вокруг. Перспектива и обзор — большая редкость в этом паршивом туманном месте.

Ливень как нельзя лучше подходил к тому, что творилось у него на душе. Лиля... Как она там, среди живых? И среди живых ли? Хотелось плакать навзрыд, может быть, он действительно плакал. Капли дождя катятся по лицу или, может быть, слезы — Кирсану сейчас все равно. Говорят, солдаты не плачут? Чушь собачья.

Вместе с тем, слова Игната дали пищу для размышлений. Система несовершенна, так значит ли это, что отсюда все-таки можно выбраться? Что, если найти уязвимую точку сборки? Крах этого неестественного, чуждого мирка — это свобода или небытие? Если тюрьма рухнет, удастся ли выбраться из-под обломков?

Позже, подобрав себе какие-то шмотки по размеру из запасов аванпоста и усевшись у огня, зажженного в самодельном очаге Максом, Кирсан меланхолично прихлебывал из котелка доширак, а его мозг отчаянно искал выход. Любая проблема имеет свое решение, независимо от того, знаем мы ее или нет, и если это действительно так, то и способ выбраться тоже должен быть. В самом деле, раз отсюда можно позвонить в мир живых, то почему нельзя вернуться и самому? Что ж, главное — не унывать. Если отсюда есть выход — он найдет его.

— Пожалуй, я перейду исключительно на дошираки, — пошутил Кирсан, отставив пустой котелок в сторону, — потому что вся еда здесь стала гадостью, а вот доширак

практически не изменился: он и раньше был гадостью. Хотя что-то стабильно в этом проклятом месте.

Макс зевнул и выглянул в окно.

— Ничего не видать... Уверен, они где-то рядом, — сказал он и швырнул на улицу пустую консервную банку.

В ответ раздался негромкий многоголосый стон, затем шарканье ног.

— Тут они, — подытожил Вогель.

— Я бы удивился, если б трупы ушли прогуляться в парк, — ответил Святой и принялся укладываться спать.

Кирсан проследил, как немец вытаскивает себе из кучи одежды пальто и ложится на соседний лежак, затем поинтересовался:

— По сколько будем дежурить?

Игнат ухмыльнулся:

— Если по кухне — уступаю тебе эту привилегию полностью.

— Я имел в виду — на карауле стоять.

— Нафига? — искренне удивился Святой, — тут бояться некого. С местными нам делить совершенно нечего, а с учетом появления людоедов можно считать, что даже со здешними варварами у нас временный союз.

Кирсан скептически скривился:

— Ладно, а сами людоеды? С ними тоже союз?

— Во-первых, — поучительно сказал Святой, — людоеды еще не сожрали все мясо и потому наверняка остаются там же. Во-вторых, даже окажись тут отряд, он непременно наткнется на зомбаков и мы все услышим. Ну и наконец, если на нас все же нападут во сне... Подумаешь, проблема. Всего лишь новый цикл.

— Твой оптимизм воистину заразен.

Снова залитое солнцем, слепящее отраженными от мокрого асфальта лучами, затянутое туманом шоссе. По обе стороны — несущиеся навстречу деревья лесопосадки. Кирсан в очередной раз поворачивает голову и встречается взглядом с Лилей. Он мог бы любоваться ее глазами вечно — но водителю нельзя отвлекаться от дороги. Перед машиной — влажное после дождя шоссе, утренний туман, и восходящее солнце впереди. И бульдозер, так некстати поставивший точку множеству планов, устремлений и надежд. Руки крутят руль, сверкающий бульдозерный нож все ближе...

Он открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок. Хреново, что выпало погибнуть мгновенно: если б Кирсан прожил после удара хоть несколько секунд, он бы знал, выжила ли Лилия. А теперь ко всем страданиям прибавляется мучительная неизвестность.

Новый 'день' не принес ничего нового, только вместо доширака — тушенка, такая же омерзительная. Макс, поев, растянулся на своем лежаке и вновь погрузился в дремоту, точно так же, как он делал это во время заточения в фактории у варваров. Похоже, ему действительно нет разницы, сидеть в клетке или на свободе: в аду любая свобода иллюзорна.

— Мы долго будем ждать? — спросил Кирсан у Святого.

— Сколько потребуется. Но вообще, я ожидаю первые отряды через несколько часов.

— Эта скука меня убивает, — тяжело вздохнул разведчик.

Игнат ухмыльнулся:

— Как, уже? А что ж ты скажешь через несколько веков?

— Через несколько веков ничего не поменяется, — не открывая глаз, сказал Вогель, —

все всегда будет вот так. Навечно. Даже с ума сойти не сможешь: для нас это слишком большая роскошь.

— Я полагаю, что чуток покороче, чем вечность, — ответил Святой, — наш срок здесь конечен.

— Оптимизм — это хорошо, — хмыкнул немец, — поздравляю. С надеждой коротать вечность как-то полегче, должно быть.

Игнат забросил ногу на ногу и захрустел оберткой печенья.

— Я не склонен надеяться. Давно обдумывал все это и теперь могу сказать, что возможность искупления мною доказана математически.

— Еще одна твоя садистская штучка? — подозрительно осведомился Кирсан.

— Кроме шуток. Начиналось, в принципе, с веры и надежды, да. Пастыря-пройдоху наслушался. Ну я человек такой, мне вообще несвойственно верить: я либо знаю что-то, либо знаю невозможность этого чего-то. Я лет через двадцать своего пребывания тут заметил одну нестыковку. Дело в том, что нас тасуют по кластерам, однако вникните, коллеги: население Земли все растет. До семи миллиардов уже дотянуло. Каждый день умирает все больше людей, но на нашем кластере — границы все те же, от восемнадцати до двадцати трех. Периодически приходят новички типа тебя, Кир, а 'старички' исчезают. Внимание, вопрос: куда?

— На другие 'острова', полагаю.

Святой самодовольно хмыкнул:

— Включи мозги, разведка. Сколько грешников по кластерам не расфасовывай — их число увеличивается. Должно увеличиваться, потому что все время прибывают новые. Я подсчитал, что за последние двадцать лет встретил тут примерно двести новичков, которые только-только умерли, вот как ты. Также за это время сюда попало примерно триста новеньких, которые умерли давно и раньше были на других кластерах. В сумме пятьсот. И я могу назвать некоторое количество имен людей, которые пропали отсюда за последние десять-двадцать лет. Ты не поверишь — их тоже примерно пятьсот.

— Ты что, записывал?

— На кой ляд мне записывать? — оскорбился Святой, — у меня память эйдетическая, как у Александра Македонского. Только он поименно помнил всю свою армию, а я — всех, кого тут встречаю. Так вот, разведка, если ты перенесешь с другого кластера триста душ, то там освободится место на триста душ, смекаешь? А ушло отсюда — пятьсот. Внимание, вопрос: куда делось отсюда двести старичков? Если доливаешь в банку воды — хоть ты сдохни, но больше ее вместимости не нальешь. Лишка выльется.

Кирсан насмешливо приподнял брови.

— Лишнюю воду можно перелить в пустую банку.

— Да-да, — закивал Игнат, — чтобы вместить новых грешников, надо создавать новые 'острова'. Только вот в чем проблемка: если бы здешний главный создавал новые кластеры, мог бы сразу туда новеньких пихать. Для чего нас тут постоянно тасовать? Налил воду в банку и поставь, пусть стоит. Но нет. Одни уходят, другие приходят. Понимаете, парни, у бога, или у Сатаны, или кто тут главный, новых кластеров нет. Его возможности не беспредельны, и ад — не безразмерный. Потому хочешь — не хочешь, а надо выпускать тех, кто уже помучился, чтобы вместить свежесдохших ублюдков.

Макс, практически не принимавший участия в беседе, зевнул и сказал:

— Святой, это уже пахнет неуважением. Я знаю тебя лет сорок, если не больше, и

после этого времени ты все равно веришь, что сможешь меня обмануть? Держишь Максимилиана Вогеля за конченного идиота?

— Ты о чем толкуешь? — удивился Игнат.

Немец открыл глаза и сел на постели:

— Ты всерьез думаешь, что я на это клюну? Мечтай, гребаный садист.

Святой несколько секунд смотрел на него непонимающим взглядом, затем засмеялся:

— погоди, ты решил, что я собираюсь над вами поиздеваться?

— Только не говори мне, что это не так.

— И в мыслях не было! — возмутился Игнат, — я просто размышляю вслух, и...

— ...И пытаешься дать нам ложную надежду. Наша песня хороша, начинай сначала. Не прокатит, Святой. Не с Максом Вогелем. Не снова.

— Да что ты заладил, немчура недобитая?! Я тебе нормальным русским языком привел факты, которые можно проверить, поспрашивав других людей. Вывод напрашивается сам, я не собирался над вами...

Кирсан издал негромкий смешок:

— Игнат, помнишь притчу про мальчика, который кричал 'волки'? Похоже, в кои-то веки захотелось сказать что-то дельное, а тебе не верят даже твои соратники.

— Я и не прошу мне верить! — сверкнул глазами Святой, — я изложил очевидные факты. Каждый год в ад отправляются новые грешники — факт? Факт. Они должны где-то отбывать наказание, но вместимость ада не бесконечна. Выводы делай сам!

— Кир, не слушай его, — зевнул Макс, укладываясь обратно, — он очень изобретателен в плане своих садистских развлечений.

Разведчик задумчиво поскреб подбородок, мимоходом отметив, что за все эти дни у него совершенно не выросла не то что борода — даже щетина не появилась.

— Надо признать, его доводы звучат довольно разумно, — осторожно заметил он.

— Да ты вообще сдурел?! — воскликнул Макс, — пойми же, Святой — писатель-фантаст! Слово — его оружие, он способен сделать правду ложью, ложь — правдой, черное описать как белое, превратить героя в труса и ублюдка — в героя, себя, серийного убийцу — в невинную жертву, а своих жертв — в злодеев. Он ад превратил в собственную игровую площадку, свое наказание — в развлечение, причем так, что даже сам себе поверил, и все это сделано словами! И вот даже ты начинаешь ему верить. Это ловушка, Кир. Не пытайся бороться с мастером слова его же оружием.

— Бла-бла-бла, — фыркнул Игнат, — Макс, ты кретин. Из крайности в крайность. Из чрезмерной доверчивости — в полное недоверие. Но за 'мастера слова' — спасибо. При жизни бы меня так ценили...

Вогель не обратил на реплику 'шефа' никакого внимания.

— Просто не воспринимай всерьез то, что он тебе говорит. Слова — оружие похлеще огнемета. Слова... Ведь я же вырос в благополучной, интеллигентной, набожной семье. Я с детства знал все заповеди, в том числе и 'Не убий'. Я не то, что не украл и не завидовал — со своей женой до свадьбы не занимался любовью — ибо грех. И что же? Были сказаны слова — слова, Кир слова! — и добрый христианин Макс Вогель пошел убивать не просто без возражений — без малейшего сомнения в правильности своих действий. Один из сотен тысяч порядочных людей, словами превращенных в палачей и убийц.

— Bravo, Макс, — сказал Святой, — ты практически поставил меня в один ряд с фюрером. Нацистов недолюбливаю — но за сравнение со столь значимой личностью еще

одно спасибо.

Вогель задумчиво посмотрел на Игната и негромко сказал:

— Знаешь, а ведь из тебя вышел бы неплохой диктатор и демагог. Харизмы фюрера тебе недостает, но ты умеешь быть убедительным и подводить под свои слова вроде бы объективные аргументы. И я бы даже мог поверить, не знай я тебя столько времени. Ты не брезгуешь развлекаться даже за счет своей команды, это давно ни для кого не секрет.

— И как вы тогда терпите такого садиста во главе лиги? — любопытствовал Кирсан.

— Да никаких проблем, — махнул рукой Макс, зевнул, отвернулся к стене и пробормотал: — просто никто из тех, кто хорошо знает Святого, уже не ведется на его происки... И тебе советую не вестись: просто чтобы он не потешался за твой счет.

Святой хмыкнул, потянулся, взял свой винчестер и вышел. Вскоре снаружи донеслись выстрелы: он стрелял из окна по мертвякам.

— Интересно, откуда у него такое прозвище? — спросил Кирсан, — как по мне, то 'Святоша' подошло бы больше.

— Да как тебе сказать... Он садист, но неплохой человек. Ходит, выискивает новичков, пытается им помочь... Не совсем бескорыстно, но все же. Все относительно. Если сравнивать его и, скажем, меня — разница такая же, как между тобой и настоящим святым.

Через час или два — время течет странно, рваными темпами, или так только кажется — Кирсан снова вышел на крышу. Дождь прекратился еще ночью, и теперь, как ему показалось, туман стал еще гуще, чем обычно. Отличная погода для тоски и хандры. А дышится легко, словно дождь прибил к земле все запахи тлена и разложения. Интересно, где бы взять телефон? Святой совершенно правильно сказал: будь это простой задачей, из ада звонили бы непрерывно. Единственная путная мысль — заставить сукина сына рассказать. Ушлый немец не будет проблемой, если застать их врасплох... С другой стороны, ствол тоже не сработает: угроза смертью в мире, где смерти нет, мягко говоря, смехотворна.

Он закрыл глаза, и перед его мысленным взором появилось лицо Лили. Макс не похож на лжеца, как и на человека, треплющего языком попусту, стало быть, в аду встретить жену уже не получится. Да и потом, какой там ад? Лилька, мухи не способная обидеть, наивная и чистая, словно дитя — в аду? Вряд ли это возможно. И, стало быть, им больше не увидеться. Никогда. Совсем никогда.

Кирсан тяжело вздохнул.

— О жене думаешь? — раздался за спиной голос Святого.

И когда он успел неслышно подойти? Какая разница.

— Так заметно?

— Да нет, — сказал Игнат, сядя рядом на крышу и свесив ноги вниз, — но если бы у меня там, среди живых, кто-то остался, я бы тоже о нем думал.

— Но где взять телефон ты мне все равно не скажешь?

— Похоже, ты и правда меня монстром считаешь... На стройке любой телефон подойдет.

— На стройке?

— Угу. Когда Тени возводят город, она вначале создают здания и все такое. Затем начинают наполнять и расставлять по местам мелочи, машины, товары в магазинах, квартиры обставляют... Затем, когда все готово, появляется Наблюдатель. Вроде как принимает работу. И затем он запускает процесс распада. За двадцать-тридцать часов город стареет на десятки лет, а еда становится негодной. Но в тот момент, когда Наблюдатель

проверяет, по плану ли сделано, в городе все работает, кроме электричества. Машину можно завести, по телефону — позвонить, водкой — напиться. Каждый раз, когда стройка подходит к концу, в город ломятся все желающие пожрать, побухать, запастись лекарствами, послушать музыку и так далее, у кого к чему душа лежит. Правда, большинство их погибает от лап теней, не достигнув намеченных целей.

— Без электричества музыку слушать?

— В розетках его нет. Но батарейки в магазинах и вещах совершенно нормальные.

— А как звонить, если это вообще другой мир? Роуминг между Землей и адом — что-то новое.

Святой пожал плечами:

— Этого никто не знает. Я полагаю, что сей эффект — побочный. Моя гипотеза в том, что Тени не создают города и вещи в буквальном смысле. Они делают копии. Созданное ими — отражения реально существующих вещей и зданий. И телефоны оказываются необъяснимым образом связанными с телефонами на Земле.

Кирсан чуть помолчал и спросил:

— Так в чем проблема? В Тенях?

— Угу. Город возводит примерно десять-пятнадцать тысяч этих тварей. Но есть еще одно... Видишь ли, Кир, когда ты огнем и мечом проложишь путь к ближайшей мобилке или домашнему телефону — ты сможешь позвонить, но не поговорить. Мертвому не дано говорить с живыми. Твой живой собеседник тебя просто не услышит.

— А я?

— А ты услышишь его 'алло', вот и весь разговор. Но если трубку поднимет твоя жена — будешь знать, что она жива.

Кирсан медленно кивнул.

— Понимаю. Мне и этого будет достаточно. Спасибо.

— Не за что.

— И часто тут стройки случаются?

Святой пожал плечами:

— Особой системы нет. Когда один город или городок приходит в упадок — Тени разрушают его вконец и возводят новый. Третий город тут уже на ладан дышит — лет пятьдесят, а потом начнут строить следующий.

— Проклятье, — выдохнул разведчик, — десять лет... Даже не знаю, как мне их выдержать.

Игнат хмыкнул:

— А у тебя вариантов нету, просто живи цикл за циклом. Кроме того, сейчас звонить все равно бесполезно, пять лет тут — это два-три месяца в реальном мире. Десять лет — пять-шесть месяцев. Если твоя жена выжила в аварии, скорее всего она сейчас в больнице и может там проваляться месяцы реального времени. Тебе покажется странным, но с момента, когда мы с тобой повстречались впервые, в мире живых прошли сутки, где-то так. Двадцать-двадцать пять условных двадцатичетырехчасовых дней здесь — один там. Я вот в две тысячи двенадцатом умер — два года прошло. А тут для меня миновало примерно пятьдесят лет. Вон Макс, бедняга, полторы тысячи лет уже кантуется здесь. Мне просто страшно представить себе, сколько у него грехов. Мне вот мои развлечения постепенно приедаются... Что же дальше будет? Одна надежда, что я прав, и когда-нибудь меня отсюда выпустят.

— Безумие...

— Что есть, то есть, — философски заметил Святой.

Позже он ушел, оставив Кирсана в одиночестве, и разведчик долгие часы просидел на крыше, глядя вдаль невидящими глазами. Мог ли он подумать, что после смерти его ждет такое? А теперь оказывается, что ад все-таки есть. Что делать дальше? Хороший вопрос. Дождаться стройки, попытаться дозвониться до Лили, отыскать Наблюдателя... Что потом? Ничего. Совсем ничего. Есть, пить, спать, стрелять — простой набор действий, который в будущем заменит ему мечты, свободную волю, смысл существования. Пройдут годы — и он станет таким же безразличным ко всему, как Макс. Вот Святому хорошо, у него никого не осталось, и здесь он может в меру своих желаний развлекаться. Кирсан — не садист, и тяги к войне у него хватило только до первого вооруженного конфликта. Годы будут течь медленно и тягуче, сон души и разума будет становиться все глубже и крепче, и когда-нибудь все, что останется от Кирсана — биоробот, сомнамбула, влачащая ни жизнь ни смерть, с коротким набором инструкций. Сон, питание, самооборона. Сон, питание, самооборона. Сон, питание, самооборона. Повторять до бесконечности, до конца света.

Внизу началось движение: стягивались отряды из разных поселений, попутно истребляя встреченных зомби. Разведчик, пребывая в плену своих невеселых дум, рефлекторно считал с крыши живую силу. Занятие довольно бесполезное, можно же просто спросить Святого, но чем еще занять измученный тоской и скукой мозг? Рука так и тянется к карману с пистолетом: подсознание все еще отказывается понимать, что самоубийство — не выход.

Внезапно что-то изменилось. Размеренный шум сменился взбудораженным, как будто что-то произошло. Что бы ни случилось — хоть какое-то разнообразие.

Разведчик спустился с крыши и наткнулся на целый отряд, разместившийся в их комнате. Наметанный глаз сразу выхватил из толпы лица Такехисы, Ингвара, ковбоя и Эрнандеса, стало быть, Лига Негодяев в сборе.

— Здорово, — приподнял руку в приветственном жесте Кирсан.

Лица повернулись к нему.

— Это Кирсан, — представил его Макс, не открывая глаз, — он пока с нами.

На приветствие ответил только японец, остальные вновь повернулись друг к другу, комнату наполнило негромкое шушуканье.

— Макс, что-то случилось? Я с крыши услышал, как...

— О да. Стройка началась в нескольких километрах отсюда, в землях варваров, — пояснил Вогель, — более неудачного времени и не придумать...

— Где Святой?

— Внизу, на совещании командиров.

Разведчик пошел вниз, обдумывая, как теперь быть. Стройка началась преждевременно, сейчас звонить бесполезно, а до следующей могут пройти долгие годы. Проклятье.

На первом этаже к тому времени поставили стол в самом центре склада, на нем расстелили от руки начерченную карту, вокруг столпились примерно полтора десятка человек, в том числе и Святой. На расставленных вокруг контейнерах расселось еще человек пятьдесят из слушателей, желающих приобщиться к стратегической мудрости лидеров. Кирсан подпрыгнул, ухватился за край контейнера, на котором было свободное место, подтянулся и уселся наверху. Соседом его оказался высокий, некогда импозантный изящный джентльмен лет пятидесяти. Его фрак местами порвался, основательно запачкался, лаковые туфли подпортились — но облик этого человека все равно сохранял тень бывшего лоска. Интеллигентность не пропьешь. Даже оружие его — пара длинноствольных револьверов —

выбор скорее не прагматика, а эстет.

Кирсан кивком поздоровался и обратил свое внимание на совещание.

— ...Я еще раз вам объясняю нормальным русским языком, что ни о каких боевых действиях через пять-шесть суток речи быть не может, — сказал бритоголовый крепыш в российской танкистской форме, — просто потому, что почти все мои люди будут мертвы, а оставшиеся — вусмерть ужратые! Кого колышут людоеды, если вот-вот появится новый, нетронутый город?!

— Глупая широкоглазая свинья! — обругал его желтолицый японский офицер, — у вас в армии хотя бы офицерам объясняют, что такое дисциплина и субординация?! Вот в японской армии каждый будет выполнять приказы, несмотря ни на что! Даже конец войны не в счет, если некому будет отменить приказ — он будет продолжать выполняться до последнего самурая!

— Твоя японская армия состоит, кроме тебя, еще из пяти настоящих сознательных японцев, — одернул узкоглазого широкобородый скандинав в кожаной куртке, джинсах и явно самодельных сапогах 'сделано в десятом веке от рождества Христова', — а все остальные твои бойцы — сброд почище моих берсерков. И да, моим тоже начхать на людоедов. Орды приходят и уходят, а удивительные города из квадратных гор появляются совсем не так часто. Забьем на орду.

Остальные дружно закивали, и тут вмешался Святой:

— Да я с вас всех охреневаю. Неужели вы не понимаете, что если мы не разобьем людоедов, то они тоже ломанутся на стройку, и кроме Теней, нам еще и с ними придется иметь дело. В итоге мы в пролете. Для тупых объясняю по-простому: орду разбить придется, причем сделать это до того, как Наблюдатель наведет на наши сокровища свою порчу! Дошло?

Остальные лидеры принялись ругаться: одни соглашались, другие упирали на то, что людоедов тысячи четыре и разбить их так быстро вряд ли реально. Кирсан поневоле пожалел Игната: с таким сбродом из разных народов, культур и времен найти общий язык задача еще та.

— Который раз за ними наблюдаю, а удивляться человеческой глупости не перестаю, — вполголоса заметил сосед, — что дикарь тысячелетней давности, что выкормыш высокоразвитой нации — как доходит до низменных инстинктов, так мозги отрубаются у всех одинаково.

— А вы из какого года? — любопытствовал Кирсан.

— В тысяча девятьсот восемьдесят шестом представился. Может, и к лучшему: не дожил до развала Союза нерушимого.

— Соотечественник? — удивился разведчик, — а я-то, глядя на кольты, подумал о диком западе...

— Да бросьте, право слово. Фокусник я. Гипнотизер цирковой. А что револьверы... Ну не идет винтовка к моему костюму. Богуславский Анатолий Юрьевич, — протянул руку тот, — будем знакомы.

Кирсан ее пожал:

— Кирсан Ладынцев, отчества не помню. Бывший разведчик, а потом студент. Закончить университет не успел.

Гипнотизер оказался интересным и остроумным собеседником, и разведчик быстро забыл о спорящих командирах, тем более что новый знакомый осветил расклад гораздо

быстрее и полнее:

— Вариантов несколько, но все эти бедняги боятся, по большому счету, одного. Умереть и не попасть в райский город. Помнящим еще полбеды, а непомнящий может в следующем цикле появиться черт знает где, проваландаться и остаться с носом.

— А почему бы вам их не загипнотизировать и не приказать перестать валять дурака? — в шутку предложил Кирсан.

— Да не получится, молодой человек. Вы наивно полагаете, что гипнотизер может повелевать людьми? Я тоже так думал. Гипноз в отрочестве привлекал меня возможностью, среди прочего, внушать девушкам, что они от меня без ума... Дурак был, ничего не смыслил. Нельзя заставить человека под гипнозом сделать то, что он не сделал бы в своем уме. Знаете, какая наибольшая проблема у гипнотизера, работающего в цирке?

— И какая?

— Выбор добровольца из числа зрителей. Человек должен желать принять участие в загадочном эксперименте, а вот скептиков надо уметь просекать с ходу и отсеивать. Скептически настроенный неверящий или просто западлист, который хочет сорвать сеанс гипноза — истинный кошмар гипнотизера-фокусника. Все хорошо удастся, если гипнотизируемый сам помогает гипнотизеру. Если сопротивляется — плохо дело.

— Надо же, — хмыкнул Кирсан, — я-то думал, загипнотизировал девушку — и делай, что хочешь. Хоть стриптиз станцевать прикажи.

— Ничего подобного. Если дама раскрепощенная — то нет проблем. Если из приличной семьи с пуританскими взглядами — все гораздо сложнее. Хотя и тут можно схитрить, убедив ее, что она находится не на манеже цирка, а у себя в ванной комнате за закрытой дверью и собирается принять душ. Подобное поведение — раздеваться перед душем — совершенно естественно, такая команда не вызывает никакого сопротивления, а прямой приказ 'раздеться' выполнен не будет и все пойдет наперекосяк. Вот вы думаете, я жену неверную как на тот свет спровадил? Загипнотизировал во время обеда, предложил набрать полный рот компота, а затем сказал, что она, страдая насморком, только что пробежала три километра — при ее-то девяности килограммах — и теперь страшно задыхается. Вот она и вдохнула компотик.

Кирсан подпер скулу кулаком. Как можно использовать талант гипнотизера? Наверняка как-то можно.

— То есть, если мы схватим людоеда, вы его не сможете загипнотизировать?

— Невозможно, даже если бы он меня понимал. Проблема в том, что людоеды не могут быть поняты ни нами, ни варварами, как гипнотизировать, если он меня не поймет? И я повторяю, для сеанса гипноза нужен положительно настроенный доброволец.

— Хм... А меня загипнотизировать возможно?

Богуславский кивнул:

— При условии, что вы сами этого хотите — легко. Даже без трюков с маятником и прочей ерундистикой.

Разведчик закрыл глаза, мысленно укладывая разрозненные детали в единый четкий план. Архимед обещал перевернуть Землю, если ему дадут точку опоры, а он, Кирсан, попытается перевернуть ад, потому что недостающая опорная точка, необходимая для того, чтобы похерить и без того шаткое равновесие этого противоестественного мирка, у него теперь есть.

— Ради любопытства, Анатолий Юрьевич. Как вам тут, в аду?

Гипнотизер вздохнул.

— Если б знал — ни за что жену бы не гробил. Порой кажется, что сил терпеть больше нет, но что остается? Даже убить себя мы не можем.

— Если бы вам предложили окончательную смерть, полное небытие как выход отсюда — вы бы согласились?

— Не раздумывая. Мечты, мечты...

Кирсан мрачно усмехнулся:

— Что ж. Может быть, мне удастся предоставить вам такую возможность. Не спрашивайте ни о чем, позже сами все увидите.

Он спрыгнул с контейнера и решительно подошел к столу.

— Минуту внимания, господа, — громко сказал он, — я знаю, как разбить орду легко и быстро. Мы скоординируемся с варварами и сделаем это сообща.

Несколько десятков пар глаз, командиров и зрителей, сошлись на нем.

— Ну и как же ты собрался с ними координироваться? — спросил скандинав.

— И вообще, что это за кретин и откуда тут взялся? — подхватил другой, и разведчик узнал в говорившем того самого лидера страдальцев, не так давно на его глазах бросившегося в толпу мертвецов.

— Я нашел способ обойти барьер непонимания между нами, — не моргнув глазом, сказал Кирсан.

— Правда? — ухмыльнулся Святой, — давай, удиви нас.

— Легко. Барьер работает, когда два человека, которым не положено понимать друг друга, пытаются донести до собеседника какую-то мысль. И наоборот, когда говорит япошка с викингом, их слова становятся понятными друг для друга, если так задумано. Но когда человек не пытается ничего ни до кого доносить, божественный переводчик не работает. Для экономии божественной силы, так сказать. Когда мой товарищ пел песенку по-немецки или просто ругался — его слова мною были услышаны как есть, по-немецки. Я рискну высказать предположение, что и барьер тоже не будет действовать, если человек не станет пытаться целенаправленно донести до кого-то информацию. Именно желание что-то сообщить и есть тот критерий, по которому определяется, надо ли включать переводчика или барьер.

— Ну и как тогда общаться с варварами, если нам все-таки надо с ними скоординироваться?

Кирсан повернулся к новому знакомому.

— Анатолий Юрьевич, ваш выход. Сцена ждет вас. Он гипнотизер, — сказал разведчик остальным, — и с его помощью я собираюсь попытаться пообщаться с кем-то из варваров. Мы пойдем к варварам — у вас же тут пакт о ненападении, да? — Анатолий Юрьевич загипнотизирует меня и прикажет повторять за ним все слова. Я буду повторять за ним, находясь в бессознательном состоянии, и надеюсь, что барьер не сработает. Среди варваров лишь должен быть человек, понимающий по-русски: он будет слышать мои слова как есть.

Все начали переглядываться.

— А ведь это может сработать, даже если и не сработает, все равно стоит попробовать, — сказал Святой. — Анатолий Юрьевич, вы сможете его загипнотизировать и зачитать по бумажке текст, чтобы Кир его повторил?

— Легко, — кивнул тот.

— Решено. Мы отправляемся к варварам, — тоном, не допускающим возражений,

попытожил Игнат.

По стопам Люцифера

Варвары здесь, в центре, оказались точно такими же, как и в разоренном людоедами поселке. Такими же, по большому счету, как и люди в любом другом селении. Те же серые, изможденные, усталые лица с погасшими, пустыми глазами. Солдаты в грязных мундирах разных армий и эпох, штатские всех типажей, женщины, от неприметных мышек до некогда роскошных дам — довольно типичный набор узников этой противоестественной юдоли скорби и печали.

'Диалог' был краток: Святой помахал белым флажком, стоя перед решетчатыми воротами чужого поселка, из толпы, нацелившей на незваных гостей стволы, вышел странный тип в немецкой офицерской шинели и советской фуражке и выжидающе уставился на парламентаря.

Кирсан подошел к воротам и показал ему одолженную у кого-то споротую с рукава трехцветную эмблему российского флага. Офицер в ответ указал пальцем вначале на свою фуражку, потом ткнул себя в грудь.

По знаку разведчика подошел гипнотизер и поставил перед воротами специально принесенный стул.

— Можем приступать.

Кирсан сел на стул, поймав на себе недоуменные взгляды варваров, Анатолий Юрьевич встал перед ним и сбоку, чтобы все видели, что он делает, и достал из внутреннего кармана часы на цепочке.

— Так надежнее, — пояснил он, закачал ими перед лицом Кирсана и начал монотонно бубнить: — вы смотрите на часы, они приковывают ваш взгляд... вы смотрите только на них, следите только за ними, вас больше ничто не беспокоит, не раздражает, вы ничего не слышите, кроме моего голоса, вам тепло и хорошо... Вы просыпаетесь.

— А? Все, что ль? — спросил Кирсан и внезапно понял, что вопрос был лишним.

Варвары стояли там же, где и прежде, но их стволы смотрели в землю, а лица выражали шок, потрясение, удивление и восторг. Постепенно среди их рядов нарастал возбужденный гомон.

— Кир, дружище, — сказал Святой из-за спины, — ты хоть понимаешь, что ты сделал? Ты поймел систему, как сказал бы Катулл, 'в задницу и в глотку'. *Pedicabo ego vos et irrumabo*, черт побери. И мне безумно завидно, что до этого додумался не я.

Кирсан встал со стула и хищно ухмыльнулся:

— То ли еще будет, я ведь пока только начал.

— Так у тебя есть еще сюрпризы?

— Есть, Игнат, есть. Теперь, когда у нас появилась точка опоры, как ты смотришь на то, чтобы перевернуть все тут вверх тормашками? Раз мы не можем сбежать из этой тюрьмы — давай развалим ее. До основания.

Святой ухмыльнулся:

— Знаешь, у нас в Лиге есть одно ограничение — принимаем только помнящих. Но я готов сделать для тебя исключение. Что получится — еще неизвестно, но мне нравится то, в каком направлении работает твоя башка. Восстание в аду... м-м-м. Я просто не могу остаться в стороне от такого действа.

— Тогда двигаем обратно. Осталось убедить остальных командиров.

***

Когда Кирсан вместо с Игнатом вновь подошел к штабному столу, больше никто не спросил, кто это такой, а его право находиться в числе руководителей не подверглось сомнению. Теперь он оказался в центре внимания, и смотрели на него с уважением. Что ж, железо надо ковать, пока горячо, пока все поражены его достижением.

Кирсан подошел к столу и резким движением перевернул его, набрал в грудь воздуха. Сейчас ему предстоит произнести речь в первый раз.

— Эй, зачем ты?..

— К черту карту. К черту все. Планы меняются! — крикнул он и обвел взглядом зал, обращаясь уже не к командирам, но к обычным бойцам: — я задам вам всем всего один вопрос: не довольно ли с вас?! На самом деле, я не нуждаюсь в вашем ответе! Знаю, что вы все сыты по горло! Я здесь считанные дни, но уже знаю, каково тут! Я знаю, каково вам, которые провели тут годы, столетия, тысячи лет! И я не желаю провести тут вечность! Теперь вот тот вопрос, на который я хочу знать ответ: не желаете ли прекратить все это? Окончательная смерть, полное небытие — или этот вот непрекращающийся цикл псевдожизни и псевдосмерти?! Что вы все выберете, а?!

Послушайте меня! Мы все заперты тут навсегда, и выбраться невозможно, но система несовершенна и уязвима, что я и доказал сегодня! Мы все можем коротать вечность тут, страдая и мучаясь — или же мы можем восстать и разрушить нашу тюрьму! Да, пусть нас похоронит под ее обломками — но скажите мне, разве это не лучше, чем вот так вот влачить жалкое существование в этом противоестественном месте?!

Все молчали, переваривая услышанное. Эта речь оказалась последними словами, которые кто-либо ожидал услышать.

— О чем ты говоришь? — крикнул кто-то сверху и сбоку.

— Я разве неясно выразил свою мысль?! Ты можешь мучиться и страдать тут вечно — а можешь поставить точку во всем! И в своем существовании, и в своих муках!! Выбор в твоих руках! Мы все можем покорно мучиться — а можем восстать! Я не знаю, чем это восстание для нас закончится — но какая, к чертям собачьим, разница?! Разве нам есть, что терять?! Разве может нам быть хуже, чем теперь?!!

— Но как ты собрался сделать задуманное? — спросил кто-то, — против кого восставать? С кем бороться?

— Против системы! Да, мы не можем бороться напрямую с тем, кто тут главный, но мы можем начать ставить палки в колеса! Послушайте меня, я — разведчик, и меня обучали, как бороться с терроризмом. Я знаю, как действуют террористы, и предлагаю поступить так же! Весь этот мир — шаток и уязвим, он поддерживается извне силами, может быть, божественными, может быть, демоническими, но я знаю одно: эти силы не бесконечны и не безграничны! Если мы заставим этот мир перебрать лимит энергии — кто знает, что случится. Может быть, все рухнет, и мы уйдем в небытие вместе с ним.

— Бред, — сказал пастырь страдальцев, — бог всесилен.

— Да неужели?! Отлично, продолжай день за днем бросаться в толпу мертвецов на растерзание! Продолжай страдать!! А отсюда вали нафиг, я обращаюсь к тем, кто сыт страданиями по горло и готов на что угодно, лишь бы прекратить все это! Сатана однажды поднял восстание против бога — и нам тоже не остается ничего иного!! Если ты веришь, что тебя однажды простят, когда ты свое отстрадаешь — вали прямиком к людоедам и страдай! Крысы пусть уходят с корабля — они мешают схватке бесшабашной!! Я спрашиваю вас всех — вы готовы бросить вызов небесам?!

— Богохульство!! — взвыл страдалец, но в этот момент с контейнеров прозвучал выстрел из чего-то крупнокалиберного, и Кирсан ощутил на лице влажные теплые брызги.

— К черту крыс! — закричало сразу три или четыре голоса, затем кто-то один спросил: — но что ты предлагаешь делать?

— Какая, нахрен разница, что я предлагаю?! — крикнул Кирсан, — план есть, вопрос в том, хватит ли мне решительных людей, чтобы осуществить его?! Вы все со мной или нет?!! Дружный рев стал свидетельством того, что первая его речь удалась как нельзя лучше.

— Мы с тобой! — проревел викинг в джинсах, его крик подхватили зрители, вначале другие люди в кольчугах, затем к ним присоединились и другие.

Кирсан повернулся к остальным командирам:

— Вы-то что скажете?

— А что тут говорить, — сказал японский офицер, — я тут с тех самых пор, как страна восходящего солнца капитулировала... Давно потерял счет векам. Хочу, чтобы все это закончилось. Мне все равно, как, просто чтобы закончилось.

— Подумаешь, полторы тысячи лет, — отозвался смуглый турок с ятаганом на поясе, — я тут с тех пор, как русские пришли Болгарию освобождать...

— Долгонько, — заметил Кирсан, — что ж ты натворил такого?

— Я? Хе-хе... Как ты думаешь, отчего у болгар по сей день кивок значит 'нет', а мотание головы — 'да'? Приставляешь ятаган к горлу и спрашиваешь, мусульманин он или нет. Если 'нет' — сами себе, идиоты, горло перерезали. Вот с тех пор у них 'нет' и 'да' перепутаны.

Разведчик сжал зубы и напомнил себе, что такие тут все. В краю непрощенных сволочей — только сволочи. И если он не хочет остаться тут до конца времен — придется забыть о личных антипатиях. Цель оправдывает все. Он вновь повернулся к залу.

— В общем, так. Раз мы решили бороться — я изложу вам самое главное. Ваше понимание — ключ к успеху. Святой, которого вы все знаете, подсчитал, что количество божественной силы, которая выделена нашему 'острову', ограничено. Хотите — верьте мне на слово, хотите — он не откажется прочитать вам лекцию.

— Верим, верим, — донеслось из зала, — только как бороться с этой божественной силой, если ее нельзя порубить?

— А мы не будем бороться с ней. Весь этот гребаный мирок — где шатко, где валко, то и дело сбои и ошибки типа вросших в землю зомби. Тому, кто нас сюда запер, не хватает места в аду, не хватает энергии. В мире живых умирают все новые грешники, я не знаю, как наш тюремщик решает эту проблему, но Святой полагает, что отсюда постепенно выпускаются те, кто уже настрадался. Однако многие провели тут века и тысячелетия, и я не собираюсь ждать с моря погоды, как они. Наша задача — внести дестабилизацию в существующий расклад. Вставим палки, куда сможем. Если нам удастся сделать так, чтобы наш 'остров' сожрал энергии свыше лимита — это первый шаг к успеху.

Он прошелся из стороны в сторону, словно лектор в университете, и продолжил:

— Итак, вот наш план. Началась стройка. Мы не знаем, зачем вообще стройки. Мы не знаем, откуда берутся Тени и откуда они. Мы ничего не знаем, и единственный способ узнать — провести разведку боем. Мы пнем посильнее и послушаем, громко ли закричит наш враг. Если громко — значит, повезло и мы попали в пах! Таким образом, мы не можем напрямую ударить по врагу — но мы можем ударить по его слугам. По Теням. Наша задача — атаковать стройку до того, как город будет достроен.

— Имею возражения, — сказал офицер-танкист, — целых два. Во-первых, Теней там будут тыщи. Тьма-тьмушая. Второе — ладно, мы разгромим Теней, и что? Останемся с недостроенным городом.

— Просеки фишку. Если в небе зажигаются звезды, значит, это кому-то надо. Если строятся города — то же самое. Это удар вслепую. Нарушим планы, дестабилизируем обстановку, посмотрим на реакцию врага и поймем, что делать дальше. Нам нечего терять — и любое изменение нам на пользу.

— Разбить Теней... Даже с варварами это вряд ли реально.

— А еще и орда есть, — крикнул кто-то с контейнера.

— Правильно! — поднял палец вверх Кирсан, — именно орда — козырь в нашем рукаве! Мы не будем драться с людоедами — они наш ключ к успеху. Мне нужна отчаянная команда, которая способна найти орду, взять живых пленников и притащить их сюда, ко мне.

— В принципе, осуществимо, — сказал Святой, — но я, к своему стыду, не понимаю, зачем.

— Это наш главный аргумент в споре с небесами. Людоеды — такие же отчаявшиеся узники, как и мы. Я передам им с помощью гипнотизера план действий. Мы скоординируемся и ударим по стройке все вместе, и после этого погибшие каннибалы возродятся каждый в своем месте. Поймите меня, наши усилия здесь, на одном из островов, которых, возможно, миллионы — капля в море. Я замахнулся на большее — я собираюсь перевернуть вверх дном весь ад. Понимаете? Весь. Каннибалы разнесут мой план, а также знание о том, как можно говорить через гипнотизера, по множеству островов. Словно чума, эти запретные знания распространятся по всему аду. Когда наш образ действий примут все — мы победим. Нас — миллиарды, узников этого мира. Мы причиним врагу настолько большие неудобства, что он уже не сможет этого игнорировать. Что дальше? На рай я не рассчитываю, скорее всего, все знающие отправятся в небытие, чтобы воспрепятствовать смуте. Но это я и предлагал вам, не правда ли? Да, победа не будет быстрой — но она будет. Нас заставили страдать здесь, убивая друг друга из-за непонимания — мы исключим этот фактор. И заодно избавимся от скуки, заставив нашего врага хорошенько попотеть, разгребая то, что мы сейчас наворотим! Нас тут разделили на два лагеря — но мы объединимся вновь! И все остальные на других островах пойдут по нашим стопам! Нас — миллиарды, и все вместе мы создадим такую силу, с которой придется считаться даже небесам!

***

Как-то так само собой получилось, что во главе нового штаба Движения Сопротивления оказался Кирсан: его право строить планы и раздавать указания никто не оспорил. Сам он подозревал, что не последнюю роль тут сыграла и Лига Негодяев: Святой, благодаря своему авторитету, взял на себя роль начальника штаба и с ходу разрулил ряд организационных вопросов, и тот факт, что лидер Лиги признал главенство Ладынцева, фактически передав ему свой авторитет, оказал немалое воздействие.

Помимо Святого, в рядах высших командиров оказались еще пять человек. Японский офицер, советский танкист, немецкий военный неизвестного ранга и викинг являлись одновременно и военными, и самыми авторитетными людьми своих поселений, пятым стал ирландский террорист по имени Мартин, специалист по изготовлению оружия в домашних условиях: особый враг требует особого оружия, а особое оружие требует организации его производства.

Первым делом Кирсан распорядился, чтобы Богуславский отобрал себе нескольких учеников из числа помнящих и обучил их гипнозу.

— Дело ведь не быстрое, — заметил гипнотизер.

— А мы не особо и спешим. Это задел на будущее.

Вторым важнейшим моментом стало вооружение.

— Против Теней хороши зажигательные, трассирующие и разрывные пули, — сказал Мартин, — но таких патронов у нас совсем в обрез. Использование огнеметов неэффективно, они выжигают свое топливо слишком быстро и в нашем случае — нерационально. Мы переделаем в огнеметы дробовики, их-то у нас в достатке.

— Каким образом?

— Из патрона удаляем пули, дробь и пыж: пластиковый не подходит. Забиваем другой пыж, из неплотной бумаги, и заливаем воском. Наливаем горючую смесь, затыкаем пыжом из полиэтиленовой пленки, заливаем воском. Вот вам и огнеметный патрон. Второй вариант — холостой патрон с повышенным пороховым зарядом. Без пули можно применять очень мощные заряды: раскаленные газы вылетят из ствола легко и непринужденно на несколько метров, Тени просто испарятся.

— Где бы столько пороха взять... танк! В 'нашем' городе стоит подбитый 'тигр', у него должны быть снаряды...

— Нету уже, — сказал танкист, — мы давно их забрали, в нашем поселке два таких же танка есть. Не на ходу, но в обороне самое оно... А снарядов у нас хватает, если что. И я знаю, где еще стоят два танка, один наш, второй немецкий.

— Значит так, — подытожил ирландец, — нам надо снарядить экспедиции. Для производства патронов требуются свечи для воска, огнеметные баллоны, порох из снарядов и собственно сами патроны. Далее, мы можем произвести 'коктейли Молотова', для этого потребуется высокоградусное пойло, а также мыло и бензин из огнеметов. И ветошь.

— А мыло зачем?

— Если растворить в бензине некоторое количество мыла, смесь при горении будет адски стрелять, разбрасывая горящие капли, которые липнут ко всему. И третье, что нам понадобится — это факелы для ближнего боя.

Кирсан озадачил поиском снарядов танкиста, японцу поручил организовать доставку спиртного и свечей, ирландца отправил организовать производственные цеха, немец вызвался провести операцию по захвату нескольких каннибалов своими силами.

Очень полезным оказался и норвежец, пообещавший поддержку всех викингов. Святой отправил лидеров мелких поселений по домам с указаниями по агитации, производству вооружения и сбору ресурсов, а поскольку викинги проживали практически во всех поселках, то поддержка на местах, можно сказать, обеспечена.

— Мы все помнящие, у нас всех стаж в десятки тысяч лет в этой извращенной Валгалле, потому с нами всегда считаются, — сказал он, — и все войны Одина будут слушаться в первую очередь меня, конунга, и только потом — местных вожаков. А если вожаки эти, или другие люди, будут возражать... Мы на наших дракарах крыс не терпели, ты все правильно сказал.

Затем был составлен план действий.

— Это большая удача, что стройка началась между нашими территориями, но вдали от того места, где сейчас орда, — заметил Святой, рассматривая карту, — так мы сможем обмануть их, сказав, что стройка началась на сутки раньше, а они не смогут проверить.

— А зачем? — удивился Кирсан.

— Они могут не захотеть выбивать Теней до окончания стройки. Я даже предполагаю, что трения возникнут и у нас. Далекая перспектива выбраться отсюда, пусть и в небытие — это хорошо, но она далекая, понимаешь? А город, полный райских кушаний и нектаров — вот он. Если выбьем Теней до того, как они заполнят магазины — останемся без хавчика. Если промедлим — можем просто не успеть добиться поставленной цели. Я полностью согласен, что разбить строителей надо до того, как они закончат, иначе получится, что их план по постройке завершился успехом. Мне и самому интересно, что будет, если стройка остановится, не завершившись. Пришлют новых Теней или оставят как есть?

По указанию Кирсана ирландец приготовил все необходимое для очной демонстрации сборки нового оружия, затем Богуславского с добровольцем послали к варварам и пригласили всех старшин. На сеансе гипноза их призвали к восстанию, зачитали план действий и показали, как изготовить огнемётные патроны, а также предложили искать гипнотизера среди своих. Впрочем, и без него Кирсан понял, что идея борьбы с системой вызвала у них неслабый энтузиазм. Что ж, если удастся поймать вменяемых каннибалов, номер вполне может прокатить.

Через две кормежки и один сон начали возвращаться экспедиции, посланные за ресурсами, закипела работа. Чуть позже стали прибывать разрозненные группы бойцов и посыльные. Картина вырисовалась довольно радужная: подавляющее большинство населения примкнуло к Движению Сопротивления, правда, организация оставляла желать много лучшего, да и с вооружением дела обстояли не так хорошо, как хотелось бы.

Мартин пришел к Кирсану с отчетом в конце вторых суток.

— Дробовиков у нас всего триста, а народу тысяч под пять будет, по предварительным данным. Патронами я обеспечу, коктейлей мы изготавливаем по две тысячи в сутки, я думаю, если мне добавить рабочих рук — дам и три. Я тут в соседних зданиях цеха организовал, есть место для дополнительных рабочих рук.

— Отбери себе всех, кто не занят чем-то еще.

Производство боеприпасов не обошлось без несчастных случаев. Ирландец организовал все таким образом, что снаряды разбирались на крыше. Оружейник поднимался наверх с одним снарядом и разбирал его, затем уносил все вниз и поднимался со следующим. При этом на лестнице дежурил помощник, который должен был, в случае самоподрыва оружейника, быстро подняться на крышу и прервать его мучения, если бы тот не погиб во время взрыва. За все время случилось два самоподрыва, однако осколочно-фугасный восьмидесятивосьмимиллиметровый снаряд от пушки 'тигра', взрываясь на крыше, не мог нанести никакого вреда ни зданию, ни людям, помимо того, кто его разбирал.

Порох метательного заряда из разобранных патронов шел на изготовление боеприпасов, а сами снаряды аккуратно складировались в здании. Ирландец уверил Кирсана, что разобрать снаряд крайне проблематично, и овчинка в виде шестидесяти граммов флегматизированного гексогена выделки не стоит. У него, к слову, был план по сооружению примитивного требушета для стрельбы этими снарядами, но при детальном рассмотрении оказалось, что нужные материалы, в том числе древесину, найти будет трудно, а использование металла в конструкции требовало, среди прочего, еще и сварку. И даже если бы такой агрегат удалось создать, возникли бы проблемы с транспортировкой, потому от идеи артиллерийской поддержки пришлось отказаться.

Тогда Святой выдвинул мысль пожертвовать часть бензина на заправку хотя бы одного

танка, но и эта мысль критики не выдержала: и танкист, и Кирсан сошлись во мнении, что даже если бы удалось заправить находящийся в поселке танкиста 'тигр', на это ушло бы слишком много драгоценной горючей жидкости, а сам танк, при своей отвратительной проходимости и ненадежности ходовой части, все равно мог бы по болоту не дойти до места сражения — застрять или сломаться.

— Вот если бы у нас было хотя бы пятьдесят литров солярки, я бы лично обеспечил вам поддержку советской бронированной огневой мощью. Беда в том, что дизельного топлива тут не найти, в баке моего танка сухо, как в Сахаре.

— Слушай... ты же помнящий. Что, если бы ты... умер? Появился бы в новом, заправленном танке...

Все засмеялись, Святой сказал:

— Ты недавно тут, тебе простительно. Если Трофим танкист, это еще не значит, что он тут в танке появляется. Вон у него в поселке живет немец-подводник, унтер машинного отделения. Так что, он должен с подлодкой сюда попасть?

— А как же тот 'тигр', что я видел на улице? И другие танки?

— Так же, как и самолеты. Техника появляется тут изредка и только для того, чтобы стать железным гробом для своего экипажа. Точно так же, как бомберы появляются с истребителями на хвосте, чтобы быть сбитыми, а сами истребители — с почти сухими баками, чтобы сбить бомбер и затем упасть в болото без топлива. Ну а танки обычно появляются в паре с компанией бойцов-гранатометчиков. В жизни утюжил села гусеницами — в аду сгорай в танке вечно. Но иногда бывает так, что экипаж танка умудряется избежать своей судьбы, либо покинув танк до встречи с гранатометчиками, либо победив. Или гранатометчики напарываются на зомби и гибнут. Короче, изредка танки остаются несожженными. Такой захватить — большая удача и большая редкость.

— Понятно. Меня просто обмануло то, что Трофим сказал — 'в баке моего танка'.

— Просто танк — 'тридцатьчетверка', - пояснил танкист, — я на таком воевал. И когда мы такой нашли — я был единственным, кто смог его пригнать в нашу деревню. Вот и говорю — мой. Эх... было бы соляры чутка, потряхнул бы стариной...

После в штаб созвали всех присутствующих лидеров.

— Значит, так, господа, — сказал Святой, — планы у нас следующие. Всю годную еду, которая у вас есть, раздайте среди своих людей. Во-первых, дух поднимем, во-вторых, исключим нападения друг на друга в то время, когда в лагерях останутся только небоеспособные.

— Нельзя оставлять только небоеспособных, — возразил интеллигентный с виду мужчина в очках с треснувшим правым стеклом, — есть же еще и людоеды...

— Толку с охраны, если так? Все равно против орды по отдельности не устоит ни одно малое поселение. Кроме того, мы идем ва-банк, наши силы слишком малы, чтобы распылять их. Я понимаю, что вы не хотите оставлять без человеческого присутствия фактории с доходящей до кондиции едой — но если по уму, то нам нужны все, до последнего человека. Кто весел, кто не тля — пусть готовит свои руки к рукопашной. Слабые телом или духом сгодятся носильщиками боеприпасов. У нас выдался редкий шанс, когда совпали стройка и налет орды. Другого такого случая придется ждать сотни лет. Далее, надо начинать передислокацию войск и переформирование, этим займутся наши штабисты. Времени у нас в обрез, господа, стройка перейдет в фазу наполнения магазинов примерно через двести часов, мы должны ударить до этого. А, и еще. Всех пленных варваров необходимо перевести

сюда в течение суток. Выполняйте.

Еще через два сна пришел посыльный варваров, с белым флагом и толстым конвертом. Письмо оказалось написано на совершенно понятном английском языке. Кто-то из варваров, развивая идею Кирсана, додумался через загипнотизированного медиума надиктовать письмо писарю-пленнику.

Письмо содержало достаточно детальный отчет по приготовлениям: в целом, у варваров все обстояло не так радужно из-за орды, практически все селения были брошены, девять тысяч человек собрались в самом большом селении, надеясь отбить нападение орды сообща.

— Опасаюсь, что у них может и не получиться, — заметил по этому поводу Макс, — людоеды все сплошь помнящие, а у нас примерно один помнящий на двадцать-тридцать человек, ну и у варваров та же картина. Людоедов меньше, но качество... Один боец со стажем в сотни и тысячи лет стоит взвода непомнящих.

— Пускай передислоцируются на нашу территорию, — предложил Святой, — вместе отобьемся, если что. По моим подсчетам, примерно к этому времени орда уже должна рыскать по округе в поисках нового селения. Вся надежда на то, что Дистль не подведет.

Немец не подвел: менее чем через час после этого его люди приволокли троих каннибалов, двух мужчин и женщину, все трое в обрывках, некогда бывших приличными костюмами. Судя по покрою — относительно современная одежда, стало быть, объяснить им такие понятия, как 'система' и 'перерасход энергии' будет нетрудно.

Пленников, основательно избитых и связанных по рукам и ногам, буквально принесли и сразу же привязали к стульям, хотя Кирсану показалось, что в их состоянии они уже вряд ли способны сопротивляться.

— Дистль, бляха-муха, а убить их сразу и принести мне трупы ты не догадался?! — возмутился разведчик.

— Я думал, они тебе живыми нужны, — удивился немец, не разглядевший в раздражении собеседника сарказм.

— Ежу понятно, что они мне нужны еще и вменяемые и на ногах! На них же места живого нет, а мы с ними вообще-то собрались договариваться!

Тот поправил очки:

— И что я могу поделать? У меня шесть человек, которые их сюда тащили, покусанные. Не говорю о восьми погибших, это мелочи, но тащить того, кто вырывается и кусается... А рты им завязать, не вырубив, не вышло. В общем, как смогли — так сделали. Ерунда, откачаем.

Всех троих слегка полили водой, смыли с лица кровь, одному перебинтовали голову. Это сильно озадачило всех троих: они ожидали чего угодно, от обычной расправы до съедения, но никак не медицинской помощи.

— Рты им развязать? — спросил один из бойцов, участвовавших в поимке.

— Не надо. Один черт мы их не поймем. Нам надо выяснить, на каких языках они говорят. Макс, неси свои рисунки.

Вогель принес ветхую тетрадь, раскрыл на первой странице и продемонстрировал каннибалам от руки нарисованный британский флаг. Первая же попытка оказалась удачной: один из мужчин отреагировал так, словно этот флаг что-то для него значил. Макс специально уточнил, показав вначале на рисунок, затем на него. Людоед кивнул.

— Анатолий Юрьевич, ваш выход. Берите англичанина.

— У нас проблема, — сказал гипнотизер, — я не уверен, что загипнотизированный

поймет то, что вы будете говорить ему по-русски. Обратная сторона медали, так сказать.

— Ерунда, я сам говорю по-английски.

Перед пленниками поставили стул, на который уселся подобранный англоговорящий доброволец, и сеанс гипноза начался.

— Итак, вы смотрите на часы, они приковывают ваш взгляд... вы смотрите только на них, следите только за ними, вас больше ничто не беспокоит, не раздражает, вы ничего не слышите, кроме моего голоса, вам тепло и хорошо. Вы медленно погружаетесь в сон, но хорошо слышите мой голос... Как только я щелкну пальцами, с вами заговорит голос, вы должны повторять все, что услышите, каждое слово, медленно и отчетливо, точно так, как оно произнесено... Вы будете слышать только тот голос, что заговорит с вами первым, и не будете слышать больше никаких других звуков...

Богуславский щелкнул, сделав знак Кирсану.

— Вы понимаете меня? Кивните, если да, — сказал Ладынцев по-английски.

Глаза 'англичанина' расширились, и разведчик понял, что дело в шляпе, еще до того, как тот кивнул. Он сделал жест, словно вынимал кляп у себя изо рта, давая сигнал охраннику, стоящему позади пленника, вытащить у того кляп.

— Я не понимаю ничего, что вы скажете, — пресек Кирсан попытку людоеда заговорить, — потому слушайте меня и рассказывайте своим товарищам то, что услышите.

Каннибал облизал пересохшие губы, повернулся к остальным двум и заговорил. Теперь уже у тех полезли глаза на лоб.

— Слушайте меня внимательно. Мы все здесь — узники злого тюремщика, обреченные на бесконечную муку, но в наших силах закончить это. Мы можем не только перехитрить нашего врага, как это сделал я, придумав способ общаться, но и нанести ответный удар. И если нам повезет — мы будем свободны.

Кирсан говорил медленно, с расстановкой, давая время своему переводчику на повторение и 'англичанину' — на перевод его товарищам. Несколько раз из-за долгого монолога ему приходилось промочить горло, каннибалу тоже давали воды, и тот даже не думал кусаться. Он наблюдал за лицами пленников и видел, что они потрясены так, словно им зачитывают решение о божественной амнистии.

На весь инструктаж ушло добрых четыре часа. Кирсан детально расписал пленникам принцип работы божественных переводчика и барьера, рассказал, как его преодолеть, посвятил их в расчеты и выкладки Святого, планы восстания и детально разжевал, что требуется от людоедов, как во время атаки на город, так и после, а также велел передать вожакам орды инструкции по прочтению аналогичных лекций всем своим людям.

Под конец пленников накормили и напоили, после чего вывели далеко за город и указали верное направление к своим.

— Ну что, господа мятежники, — Кирсан устало опустился в кресло в своем импровизированном штабе и окинул взглядом остальных лидеров, — что скажете?

— Крайне стремно все это, — вздохнул танкист, — потому как доверять людоедам просто нельзя.

— Странно слышать о такой ерунде от решившегося на бунт против дьявола, бога или кто тут главный, — парировал Кирсан.

— Твоя правда.

Святой захрустел оберткой пачки печенья и невзначай заметил:

— Кстати, нам все равно нужен запасной план на случай, если людоеды нас предадут.

— Я растолковал им, что наши селения уже пусты, фабрики — вычищены. Мы все будем наступать одним кулаком, одолеть одновременно и нас, и варваров им не под силу все равно, потому как ни крути, но если хочется вкусно пожрать — придется штурмовать город. Как мы и решили, я 'сдвинул' сроки ровно на два дня и рассказал байку о том, что здесь города строятся не одновременно, а вначале центр, потом окраины, и когда со стороны кажется, что город еще не достроен — центр уже ломится от хавчика. Не уверен, что сработает, но кто знает. И я подстраховался, детально расписав, насколько тут круты Тени. Если людоеды промедлят — мы все погибнем в городе, и орда останется вообще не с чем, потому что и с мясом будет напряжно — после тотального нового цикла вылавливать по одному человеку будет долго — и выпивки не обломится, ибо без нас им Теней не побить.

— Это ты правильно сделал, — одобрил Святой, — выпивка — гораздо больший дефицит, чем еда, и гораздо больший стимул придерживаться плана.

— Вы так это обсуждаете, словно эти психи уже приняли ваше предложение, — заметил террорист-ирландец.

— Плевать, — отмахнулся Кирсан, — вопрос только лишь в одном: насколько наши гости точно передадут мои слова своим. Соль фокуса не в том, удастся ли именно нам остановить стройку именно на нашем острове, важнее, чтобы способы борьбы вместе с ордой распространялись по всему аду. А теперь надо сниматься отсюда к едрене фене и послать сообщение здешним варварам, чтобы тоже уходили. Мы все должны собрать манатки и убраться поближе к основным силам до того, как людоедам стукнет в голову зайти к нам на обед.

Боже, храни королеву

Как говаривал один сержант, если у тебя что-то может не получиться, оно и не получится. Если ты чего-то боишься — оно и случится. Кирсан вспомнил эти вещие слова, когда пронзительные призывы к оружию подняли его с постели. Казалось, это было невозможно, но факт есть факт: пленники сумели добраться до своих гораздо быстрее, чем рассчитывалось, и орда пожаловала с невообразимой скоростью.

Оделся наспех, побежал вниз, на ходу напяливая подсумки и зажав 'сорок вторую' под мышкой. Идиот, какой же он идиот... Гордыня застила его разум. Как же, великий Кирсан Ладынцев, гений, мать его за ногу, додумавшийся, как поймать Сатану... И при этом напрочь упустивший из виду тот факт, что хозяин ада, как ни крути, всеведущ. Дальше... дальше вопрос техники. Уж если можно сделать так, чтобы он, Кирсан, казался женщинам опасным, то почему не сделать так, чтобы его слова, даже через переводчика-медиума, показались главарям людоедов бредом?

Он столкнулся в штабе с несколькими членами Лиги, спешно вооружающимися.

— Святой где?

— Убежал командовать, — спокойно, словно они все на прогулку в парк собрались, сказал Такехиса, — он любит это дело.

Поток людей буквально бегом двигался прочь, и на короткий миг Кирсану показалось, что все пропало, что люди, вознамерившиеся перевернуть ад, спасаются бегством от обычных людоедов. Однако затем он услышал отрывистые команды: Святой, Макс и еще несколько командиров отдавали приказы, бойцы выносили из производственных зданий оружие, материалы, припасы и уносили в туман.

— А, ты здесь? — окликнул Ладынцева Игнат, — отлично, ноги в руки и дуй вместе со всеми. Ублюдки уже близко, настало время Лиги Негодяев, ха-ха! Мы задержим их, сколько

сможем, и соберемся уже в главном лагере.

— Я с вами. Это моя ошибка.

— Нет никакой ошибки, дружище, это было абсолютно правильно — передать знания орде. А что они на наше предложение не согласились — ну, не бывает стопроцентно надежных планов. Сейчас мы не можем тебя потерять, потому что ты не помнящий. Ты мозг и сердце нашего восстания, и...

— Плевать, Игнат. Я своих никогда не бросал при жизни — и после смерти начинать не собираюсь. Все, что нужно, ты уже знаешь, если меня потом не найдете — сами все сделаете. Главное я сделал, зажег огонь. Тебе осталось хорошенько его раздуть.

По данным часовых, крупный отряд орды появился неподалеку от них и двинулся, методично истребляя зомби, по городу. Предположительно, людоеды просто заблудились в незнакомом месте, значит, первый удар останется за Лигой. Правда, их всего тридцать с небольшим человек, долго ли они продержатся?

Рядом появился Богуславский.

— А вы тут что делаете?! Уходите сейчас же!

— Зачем? — удивился гипнотизер, — я же помнящий. Развлекусь немного, а то давно не стрелял.

Они обосновались на крыше соседнего с штаб-квартирой дома, заняв позиции между надвигающейся ордой и спешно эвакуирующимся производством, Такехиса ушел на разведку. Время потянулось вязко и тягуче.

Кирсану поневоле вспомнился старый анекдот о человеке, чей план порабощения мира провалился на первом же пункте — проснуться в семь утра. Его собственные стратегические замыслы тоже дали трещину практически в самом начале, еще до фазы реализации, и теперь, если атака на стройку не удастся, он даже не сможет узнать, а есть ли вообще реальная польза от знаний, которые будут распространяться вместе с ордой.

Японец появился вскоре, даже не вспотев во время своего задания.

— Они заблудились, — сказал Такехиса, — к тому же, их мало. Всего двести человек или около того.

— Тогда у нас есть шансы продержаться достаточно долго, — заметил Святой, — заманим их к производственному зданию, когда они начнут штурм — взорвем его. Там полно раскуроченных снарядов, в том числе осколочно-фугасных. Интересно, снаряд взорвется, если бросить его из окна, но он ударится не колпачком, а плашмя?

В этот момент издалека донесся нестройный хор восьми или десяти певцов, фальшивящих вразнобой.

— Ты слышишь? — насторожился Макс, — это, вроде бы, английский.

Кирсан прислушался. Да, он понимает! На песню, изуродованную варварским исполнением людоедов, барьер не действует.

— Это гимн Великобритании, — сказал он, — 'Боже, храни королеву'. Правда, кто-то один из их хора поет 'Боже, храни короля'. Что они вообще делают?

Макс и Святой переглянулись.

— Думаю, они зовут нас на встречу, — сказал немец, — ты говорил с пленником по-английски, и теперь, когда они знают, что песню языковой барьер не путает... Это явно вызов на встречу.

— Ну, если так, то очень хорошо, что я с вами пошел, — заметил Богуславский.

Кирсан кивнул.

— Что ж. Поговорить так поговорить. У нас есть кто-то, хорошо понимающий по-английски, кроме меня?

— Я, — сказал Такехиса, — одно время жил в Штатах с братом.

— Вот тебя-то мы и будем гипнотизировать. Так, со мной пойдут Макс, Богуславский и Такехиса. Игнат, а ты с остальными оставайся в укрытии, если что — устрой поганцам страшный суд.

— Держи, сам же и устроишь им крошево. Противотанковая.

Он принял от Святого гранату.

— РПГ-40?

Тот ухмыльнулся:

— Без понятия, как называется. Надыбал на днях. Семьсот граммов взрывчатки внутри, а то и больше.

Кирсан двинулся на звук пения, Макс, Такехиса и Богуславский пошли следом, а Святой повел свою команду в обход. Людоеды... Что он им скажет? Удержится ли от искушения кинуть им презент Святого? Должен удержаться, если не хочет провести тут вечность.

Прикончив по пути подвернувшегося под руку мертвеца, четверка вышла на небольшую площадь, на которой столпились сотни две каннибалов. Как только они заметили гостей, то сразу прекратили насильствовать британский гимн, в тумане повисло зловещее молчание, и Кирсан отчетливо услышал, как Богуславский, идущий следом, сглотнул.

Они остановились метрах в двадцати от толпы, давая возможность своим визави сделать ответный ход. Двадцать метров. РПГ-40 тяжелая, килограмм с лишним, но на двадцать метров Кирсан ее добросит, если что.

Толпа расступилась, давая проход нескольким человеческим силуэтам. Людоеды и сами по себе были разношерстной компанией, в которой свободно соседствовали чернокожий дикарь, испанский конкистадор и типичный представитель офисного планктона, строгий пиджак и ржавая кольчуга, топор и автомат, но группа, вышедшая навстречу, казалась еще разномастнее. Хотя с другой стороны — может быть, именно эти люди подходили под определение 'одна компания' больше других.

Они вышли вперед, остановившись в десяти метрах перед Кирсаном, и Ладынец хорошо всех рассмотрел. Бородатый тип в бронежилете и пиратской треуголке с шестью кремневыми пистолетами в специальном нагрудном оснащении, индеец в характерном головном уборе и кольчуге, испанский идальго в морионе и бронежилете и самурай в полном боевом облачении, не пожелавший сменить традиционный доспех на более совершенную защиту. Но самым главным в этой компании древних воинов оказался здоровенный средневековый рыцарь-крестоносец в почти полном комплекте доспехов. Наверняка главарь, ибо он единственный из всей этой шайки без оружия. Из-под опущенного забрала недобро поблескивают глаза, крест на нагруднике замазан чем-то бурым, скорее всего кровью. Позади своего господина остановился оруженосец, держащий в руках щит с замазанным гербом и меч.

Кирсан встретился взглядом с глазами крестоносца-каннибала. Десять бесконечно долгих секунд длился поединок воли, закончившийся вничью. Затем рыцарь поднял руку и сделал жест, который разведчик ошибочно расценил как 'взять их'. Однако толпа осталась на месте, от нее отделился только один человек, несущий в руках обычный стул. Он подошел прямо к Кирсану и поставил его так, чтобы сидящий оказался перед рыцарем, а затем протянул ему лист бумаги с коряво нарисованным британским флагом. Как Ладынец и

опасался, среди каннибалов не нашлось ни одного гипнотизера, однако крестоносец все же сумел легко и изящно пробить божественный барьер непонимания: более короткого и понятного приглашения повторить сеанс гипноза Кирсан придумать бы не смог.

— Ну что ж, Такехиса, садись, — сказал он, — и постарайся поддаться гипнозу.

Богуславский достал из кармана свои часы и сделал глубокий вдох:

— Приступим. Юдзи, вы смотрите на часы, они приковывают ваш взгляд... вы смотрите только на них, следите только за ними, вас больше ничто не беспокоит, не раздражает, вы ничего не слышите, кроме моего голоса, вам тепло и хорошо. Вы медленно погружаетесь в сон, но хорошо слышите меня... Как только я щелкну пальцами, с вами заговорит голос, вы должны повторять все, что услышите, каждое слово, медленно и отчетливо, точно так, как оно произнесено... Вы будете слышать только тот голос, что заговорит с вами первым, и не будете слышать больше никаких других звуков до тех пор, пока я не щелкну пальцами во второй раз...

Он убрал часы от лица Такехисы, лицо которого теперь излучало абсолютную безмятежность, и сделал знак Кирсану, что можно приступать.

Была не была. Зачем лидер каннибалов здесь, что ему нужно? Он хочет получить доказательство, что пленники рассказали ему правду, услышать инструктаж из первых уст или просто колеблется перед принятием решения? Железо надо ковать, пока горячо, и теперь надежда на то, что недавно открытый талант красноречия и во второй раз не подведет. Кирсан стал рядом с креслом и заговорил, глядя прямо в глаза крестоносца:

— Что ты хочешь от меня услышать, преданный слуга обманувшего тебя бога? Ты пролил реки крови во имя господина твоего — и вот ты здесь, а не в раю. Закрасил святой крест кровью в знак того, что отринул его? Замазал свой герб, чтобы никто не связал твой род с твоими здешними деяниями, и скрываешь лицо под забралом?

— Ох и загнул ты, — сдавленно прошептал сзади Макс, пока оруженосец переводил сказанное своему сиру, — не дергай тигра за усы!

— Ты доведен до предела. Ты делаешь вещи, за которые тебе стыдно, не так ли, падший крестоносец? Ты еще не утратил за все века, проведенные тут, способности страдать. Не знаю, что тобой движет, но знаю, куда. Желаете выбраться отсюда? По глазам вижу, что да. Если тебе нужен повторный инструктаж — кивни один раз. Если что-то другое — найди способ дать мне понять.

Рыцарь медленно шагнул вперед, и броня на нем закрипела. Кирсан, не дрогнув, смотрел, как тот приближается, шаг за шагом. Крестоносец остановился прямо перед ним, снял латную перчатку и протянул вперед руку, раскрытую в жесте, против понятности которого бессильны любые божественные барьеры.

Еще десять долгих секунд Кирсан смотрел в глаза каннибала, борясь с самим собой. Пусть визави — гнусный убийца, завоеватель и людоед, но оба они узники одной и той же тюрьмы, и обоим уготована одна и та же участь, против которой оба нашли в себе силы восстать. Не меняясь в лице, Ладынцев тоже протянул руку и принял предложенное ему рукопожатие.

Рука рыцаря оказалась ожидаемо крепкой, а рукопожатие — сродни хватке стальных тисков, но и Кирсан лицом в грязь не ударил. Затем крестоносец повернулся и пошел прочь, так ни слова и не сказав, сквозь расступившуюся толпу, за ним следом двинулись и его приближенные.

Разведчик, Макс и Богуславский молча смотрели, как уходят каннибалы, только чуть

позже гипнотизер вспомнил о Такехисе и щелкнул пальцами.

— Все получилось? — первым делом спросил японец и спохватился: — а где они все?..

— Все получилось, — негромко ответил Кирсан.

Позади раздались шаги, появился Святой, ухмыляющийся во всю свою добродушную хитрую физиономию.

— Видали, а? Кир, ты мог бы в страшном сне представить, что будешь ручкаться с каннибалом? Ха-ха! А он тоже хорош. Был бы я художником — срисовал бы с него картину и назвал бы — 'Падший паладин'. Что ж, союз заключен. Главное, чтобы он не передумал...

— Не передумает, — медленно сказал Кирсан, — ты не видел его глаз... Они полны безысходной, бесконечной тоски. Крестоносец... он тут лет так восемьсот, получается, и его глаза все еще не мертвы. Двадцать тысяч лет в аду... Он сделает все, что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

После длительного, километров в пятнадцать, перехода Лига Негодяев добралась до точки сбора вблизи от стройки, придя быстрее, чем караван, унесший вооружение и припасы. До заветного начала штурма оставались всего несколько десятков часов.

***

Весть о том, что Кирсан лично встретился с вожаком орды и заключил союз, подействовала сильно, однако последствия были не только положительными. Подавляющее большинство воспрянуло духом и стало готовиться к предстоящему сражению тщательней, мораль людей выросла еще больше. Теперь, когда сомнения организационного плана растаяли, все хорошо понимали, что лидеры Движения Сопротивления сделали все, что могли, и теперь дело каждого — с оружием в руках выложиться на полную.

На очередном совещании офицер-японец по этому поводу заметил:

— Есть такая старая самурайская пословица: вначале одержи победу, готовя ее, и только потом, если надо, дерись. Подготовка идет к завершению, мы заканчиваем строевую подготовку: бой с Тенями будет перестрелкой лишь в малой степени, а рукопашный бой холодным оружием в сомкнутом строю тут не всем знаком.

Однако проблема пришла оттуда, откуда Кирсан ее не ждал. То есть, он и так прекрасно знал, что религиозные фанатики — всегда и при любых обстоятельствах ходячая проблема, но ему и в голову не могло прийти, что здесь, в аду, кто-то еще сохранит лояльность жестокому богу. Но, как заметил Эйнштейн, бесконечны только Вселенная и человеческая глупость. При этом гениальный ученый забыл дописать в этот список религиозный фанатизм.

Когда из удаленного селения пришла весть о том, что там объявилась группа, призывающая к терпению, смирению, молитвам, страданиям и верности и объявила Движение Сопротивления происками дьявола и ересью, было созвано совещание.

— Что делать будем с пятой колонной, господа? — открыл заседание Святой.

— Передавить крыс и дело с концом, — предложил конунг в джинсах, до сих пор так и не представившийся Кирсану.

— А нам действительно надо с ними возиться? — спросил японец, — тут еще вопрос, от чего больше вреда, от них самих или от того, что мы отвлечемся на них и важные вещи останутся недоделанными? Кого мы туда пошлем? Мы вот пытаемся научить бойцов сражаться строем, и дело движется не так, как мне хотелось бы, еще на площади ходить строем они могут, но сомневаюсь, что этот строй удержится хотя бы две минуты после начала боя. Работы непочатый край, а часы тикают.

— Говорю же, давайте я со своими воинами разберусь!! — снова вскочил викинг, — нам не требуется муштра, мы сами кого хочешь поучим драться железом и сталью!

— Вот вам она требуется больше, чем кому-либо иному, — заметил Дистль, — вы варвары, и сражаться умеете только в свалке толпа на толпу. И за многие тысячи лет это уже вам в подкорку въелось.

— Куда-куда оно нам въелось?! — угрожающе нахмурился конунг.

— Ах да, строение мозга вам тоже неведомо...

— Что-о?? — выпучил глаза викинг, — да я расколол десятки тысяч черепушек, и видел столько мозгов, сколько тебе и не снилось!!

— Проблема в том, что в процессе вышибания мозгов из чужих голов в твоей собственной их не прибавилось.

— Так, тихо! — резко прикрикнул Кирсан, — как Теней вздуем, так можете начинать собачиться, хоть зубами друг другу горло грызите, а пока у нас есть цель, и мы должны ради ее достижения действовать командой, а не сбродом! По поводу пятой колонны — сейчас от них вреда немного, но они постепенно будут отнимать у нас солдат, и еще неизвестно, что отчебучат позже. Пока они в дальнем маленьком поселке, откуда и так многие уже перешли к нам, но если раскольники начнут свои козни где-то в более населенном месте... Действительно, Дистль прав, изменить манеру драться у тех, кто дрался по-своему многие тысячи лет, вряд ли удастся, потому мы вполне можем поручить это дело конунгу и его воинам. Только вот что, убить засранцев нельзя.

— А что еще прикажешь с ними делать?! У нас с предателями разговор короткий!

— Что угодно. Связать и оставить где-то под небольшой охраной. Если убить проповедников — они же воскреснут снова. Я готов поручиться, что там заправляет тот самый страдалец, которому давеча голову снесли. Должен признать, сила убеждений сродни харизме, а у него имеется и то, и то, так что он может нам навставлять палок в колеса. Ты конунг, значит не дурак, я не буду тебе рассказывать, как поступать — но необходимо обезвредить раскольников без кровопролития, так, чтобы они не смогли нам больше мешать. Придумай что-нибудь.

— Ладно, — согласился викинг, — сделаю.

Он отбыл, а Кирсан, разобравшись с насущными делами и получив очередной доклад Мартина о ходе производства, завалился спать. Правда, выспаться ему не дали: пригнали первую партию пленников-варваров. По распоряжению Ладынцева их накормили и отправили в ближайшее поселение варваров.

— А что, им читать лекцию мы не будем? — спросил Святой.

— Зачем? Свои им все разъяснят. Всех последующих — тоже туда же отправлять. А я попытаюсь урвать сна минут шестьсот...

Ему снова приснилось шоссе, блестящее влагой после дождя, Лиля и сверкающий бульдозерный нож. Но в этот раз врезаться от не успел.

— Просыпайся, лежебока! — завопил ему в самое ухо Святой, трясая за плечи.

— А?! Что?! — встрепнулся Кирсан, хватаясь за 'сорок вторую', - на нас напали?!

— Нет! Но в старом, 'ничейном' городе видели Наблюдателя.

— Наблюдатель? Там?! Откуда?

Святой сел на стул рядом:

— Пленники шли через этот город. Варвары тоже отпустили наших, и одна из групп, двигаясь через старый город, заметила присутствие Наблюдателя на одном из высотных

зданий.

— Каким образом?

— Наблюдателя всегда легко найти, когда он появляется. Над ним — дыра в облачном покрове. Туч нету, светлое небо вместо него. И люди видели такое над одной высоткой, Наблюдатель обычно на высоких домах появляется.

— И что?

— Как — что? — вытаращил глаза Игнат, — это твой шанс добраться до него и все узнать про свои грехи. Разве не этого ты хотел?

Кирсан чуть помолчал, раздумывая.

— По большому счету, теперь-то уже зачем?

— Тебе стало неинтересно?

— Да нет, не стало, но... А если Наблюдатель догадается, что мы затеяли? Тем более, что он вроде как всезнающий?

Святой хмыкнул:

— То есть, опасаться всезнающего тюремщика ты стал только теперь? Независимо от того, знают ли 'наверху' о наших замыслах или нет, это ничего не меняет. Мы ударим и посмотрим, что выйдет.

— Могу ли я рисковать успехом нашего плана сейчас? — усомнился Кирсан.

— А мы ничем не рискуем: мы уже победили хотя бы в том, что прекратили убивать друг друга. Что дальше будет... поживем — увидим, доживем — узнаем, выживем — учтем.

Кирсан задумался. Во время штурма он может не суметь перетереть с Наблюдателем, как планировалось, то, что такая возможность выпадает заранее — либо везение, либо ловушка. Но если ловушка — то это вернейший признак того, что 'наверху' уже засуетились.

— Тогда объясни мне, как туда добраться, — решительно поднялся с подстилки Ладынцев, — а то я в болоте ни уха ни рыла не ориентируюсь.

— Да вот объяснить сложно. Со временем научишься сам, а пока я пойду с тобой. Делать все равно нечего, любая перемена — развлечение.

Кирсан покачал головой:

— Хреновая идея. До штурма всего ничего, а два руководителя уходят.

— И что? У нас остается в запасе часов сорок. Хватит, чтобы сгонять туда, обратно и еще выспаться, а в случае чего — даже начать новый цикл.

— Спасибо, Игнат.

— Да не за что. Я дам указания Максусу и двигаем, поедим по дороге.

Казаки-разбойники

— Слушай, Игнат, — сказал Кирсан, хлюпая по болоту, — почему так вышло, что в первые же часы в аду я на болоте сразу повстречал какую-то дамочку с ружьем, а потом за все время, что ходил туда-сюда через эту долбаную трясику и никогошеньки не встретил, только в городе тебя да ту, Анюту. И с Максом встретили страдальцев.

— В новом цикле ты, обычно, появляешься на периферии и можешь наткнуться на такого же недавно возрожденного, — пояснил, не оборачиваясь, Святой, — а в центральных областях за пределы своих поселений выходят только разведчики и налетчики, да еще иногда люди, попавшие в чрезвычайное положение. Если бы не войны и орды людоедов — смысла отходить от своего поселения дальше сотни метров не было бы. Все жили бы в городах и все нужное находили бы на месте. А поселки прямо на болоте или в мелких колхозах-деревнях — это необходимость. Безопасней и спокойней, но зато приходится ходить в город за

жратвой и прочими мелочами.

Болото сменилось городом практически моментально: только что на пятьдесят метров вокруг сплошной мертвый лет и тут оп-па, впереди из тумана показались асфальт и облупленная стена дома.

— Теперь будь начеку, — предупредил Игнат, — тут зомби — обычные. И Тени могут подстергать.

— Могут? — с мрачной иронией сказал Кирсан, — они тут точно есть. Мы с Максом и той немкой из варваров тут на них и напоролись. Но ничего, выкрутились, хотя пришлось слегка пообгореть.

Святой кивнул:

— Макс рассказал. Ты круто передрыгу разрулил, спору нет. Ну так мы в этот раз экипировались соответственно, встретим Теней — испытаем наше вундерваффе.

Однако черные адские строители словно чувствовали, что два дробовика у Ладынцева и Штормового заряжены специально для охоты на них, и благоразумно не появлялись.

Впереди в тумане замаячили идущие навстречу шатающиеся силуэты.

— Сделаем тут крюк небольшой, — сказал Игнат, — я тут был в последний раз года два назад, если мне память не изменяет, там должно быть пожарное депо

— Захотелось посидеть в большой красной машине с мигалкой? — пошутил Кирсан.

— Они давно в труху превратились, но там гараж на восемь этих самых красных машин с мигалками, здание длинное и одноэтажное. Смекаешь, для чего оно нам?

— От зомби избавиться?

— Хм... Способный к обучению военный? Я думал, таких не бывает... — вернул подколку Святой.

Депо оказалось на месте, и вскоре оба уже растянулись на крыше, подложив под головы вещмешки.

Помимо дробовиков, они взяли с собой еще и японские мечи.

— Против мозгогрызов дубинка куда удобнее, но там тени опасней будут, — пояснил Святой, вручая Ладынцеву катану в ножнах.

— Мозгогрызы — зомби? — догадался разведчик, цепляя оружие на пояс, — они и правда за мозгами охотятся?

— Да шутка это насчет мозгов, — отмахнулся Игнат.

И вот теперь, отдыхая, Кирсан вертит в руках добротный сработанный японским мастером изящный клинок. И хотя мнение о превосходстве японских мечей над любыми другими — миф, но японские оружейники умудрялись изготовить оружие, не уступающее европейским мечам и восточным саблям по качеству, располагая только железистым песком, из которого делалась сталь тамахаганэ, и низкотемпературной печью 'татара'. Для изготовления катаны требовалось времени в разы больше, чем на создание обычного меча, неудивительно, что это оружие в значительной мере стало и произведением искусства, радующим глаз владельца идеальной полировкой, гармоничностью формы и остротой, которой позавидовала бы любая бритва.

— Игнат, а где ты столько катан набрал? — полубопытствовал Ладынцев.

— У Такехисы. Этот меч принадлежал его отцу, до этого — деду, прадеду, прапрадеду, и возможно, их отцам.

— Странно. Я думал, японцы не любят, когда их мечи, особенно с такой историей, достаются чужакам, тем более гайджинам. Но у тебя я видел мечей штук двадцать в том

комоде.

Святой издал короткий смешок:

— А это один и тот же меч. Каждый раз, когда Такехиса погибает, я стараюсь забрать его катану. Юдзи сам сказал, лучше пусть мне достанутся, чем неизвестно кому. Кстати... Раз мы за него вспомнили... Кир, чисто между прочим, ты в курсе, что отсюда все же можно выбраться досрочно?

Кирсан скосил глаза на собеседника.

— Нет, не в курсе, — сказал он, — но подозреваю, что это твоя шуточка. Если же нет... то этот способ должен быть еще сложнее, чем позвонить. Что-то типа убить Наблюдателя или украсть и подделать его книгу.

— Нет, — покачал головой тот, — Наблюдателя убить нельзя, додумались до этого и попытались очень многие. А книга... ее украсть тоже нельзя, как нельзя подделать записи или провести другую махинацию, но ты почти угадал. Свои грехи списать нельзя, но можно забрать себе чужие.

— И что? — наострил уши Кирсан.

— Ты получишь чужие грехи в добавку к своим. Но тот, чью вину ты взял себе, выйдет отсюда, как невиновный. Трудность лишь в том, чтобы найти желающего взять себе твой грех и твою кару.

Разведчик хмыкнул.

— Бред. С таким же успехом можно переписать свои грехи на другого, или заставить кого-то взять себе твои грехи... Я думаю, тот, кто позаботился о нашем наказании, позаботился и о том, чтобы мы отсюда так просто не свалили.

— В точку, — кивнул Святой, — но Наблюдатель, если мои данные о нем верны, не имеет никакого отношения ни к тому, кто главный в нашем мироздании, ни к самому мирозданию вообще. Наблюдатель тут гость из иного, принципиально непостижимого для нас места. А тут он просто работает, исполняя обязанности в соответствии с данными ему инструкциями. Он не скажет, сколько тебе здесь мучиться, но не потому, что не хочет, а потому что не имеет такого права.

— Откуда ты знаешь?

— Наблюдатель сказал.

Кирсан рывком сел.

— Так ты встречался с ним?

— Лично — нет. Такехиса встречался. — Святой тоже принял сидячее положение, скрестив ноги, и сказал: — О том, что можно забрать себе чужие грехи, тут говорят иногда. Это не более, чем слухи, слышал звон, да фиг знает, где он. Но встреча Такехисы с Наблюдателем дала мне доказательство, что это правда. У Такехисы Юдзи был старший брат, Такехиса Синдзи. Они оба были якудза. Лет двадцать или двадцать пять назад, по исчислению живых, конечно, везли наркотики в Сингапур. Синдзи двадцать пять, Юдзи — девятнадцать. Его первая серьезная работа на пару с братом, она же и последняя для их дуэта. Замели. В Сингапуре если поймали с наркотой — все, вышка без вариантов. Былс дело, ван Дамма с наркотой поймали, не Жана-Клауда, ясное дело, однофамильца, так казнили, даже вмешательство голландской королевы не спасло.

Короче говоря, на суде Синдзи взял вину на себя, сумел убедить всех, что младший брат ничего не знал. Сам Юдзи вину признал полностью, желая разделить судьбу брата. Честь японцев, семья, традиции, все такое. Вот Синдзи на этом и сыграл. Все поверили, что Юдзи

на себя наговаривает... Из старшего Такехисы получился бы гениальный актер... Короче, Синдзи казнили, а Юдзи отпустили. Он прожил еще двадцать лет и погиб в какой-то перестрелке. И когда попал сюда, то услышал эту байку, про то, что можно взять себе чужой грех. Отыскал Наблюдателя и взял на себя все грехи брата. Вернул долг, так сказать. И Синдзи теперь в раю, или куда там попадают те, которых отсюда выпускают. Наблюдатель этого не уточнил.

Кирсан почесал подбородок.

— Два вопроса. Где доказательства того, что Наблюдатель сказал правду и Синдзи действительно отпущен? Где доказательства, что Юдзи это не сочинил?

Святой в ответ только улыбнулся, неожиданно мягко:

— А Наблюдателю врать нам незачем. Он — незаинтересованное лицо во всем этом бедламе, что запрещено говорить — не говорит, но отвечает, если имеет право. Парадоксально, но его я бы записал скорее в друзья, чем во враги. А что до Такехисы — то Юдзи обладает в моих глазах особой привилегией: я верю ему на слово, без доказательств. Ты, разумеется, вправе не верить.

Ладынцев вздохнул.

— Ладно, положим, все правда. Но это еще не дает ответа на вопрос, почему нельзя таким же макаром смухлевать с собственными грехами.

— Таких умных были тыщи до тебя и будут тыщи после. Наблюдатель проинструктирован не позволять кому бы то ни было избавиться от своих грехов, будь то подделка, переписывание, вычеркивание или принуждение кого-либо к взятию себе чужой вины. Но запретить добровольцу взять чужие грехи на себя Наблюдателя забыли проинструктировать, и он делает это, если попросить. Просто потому, что не запрещено. Он — не наш тюремщик и не наш палач. Работа у него такая, наблюдать тут за чем-то и вести бухучет грехам и карам.

Кирсан снова лег на крышу, глядя в затянутые тучами небеса:

— Кажется, тот, кто давал инструкции Наблюдателю, крепко нас недооценил. Ему в голову не пришла мысль о том, что мы способны на самопожертвование, да?

— В точку, — кивнул Игнат.

Примерно через час толпа мертвяков у стен насчитывала уже за сорок штук, и Святой рассудил, что если принять общее количество 'кирсановых' покойников в полсотни, то где-то шляется еще несколько, не такая уж большая проблема.

Кирсан и Игнат быстро пробежали вдоль по крыше здания и спрыгнули вниз с противоположной стороны, оставив практически всю толпу позади.

— Искренне надеюсь, мы тут на весь город только два придурка, сунувшихся сюда по собственной воле, — заметил Святой, — тогда мы можем больше ни одного тухляка не встретить, разве что парочку твоих отставших. Ну и моих, если кто из них каким-то образом из полиэтиленового кокона выбрался.

Над ними, едва не задев дома, с воем промчались два самолета, Юнкерс-87 с крестами на плоскостях и краснозвездный Ла-5. У истребителя уже закончились снаряды, потому что он пошел на таран, игнорируя очереди стрелка-пулеметчика и явно намереваясь раскромсать винтом хвостовое оперение пикирующего бомбардировщика. Но ас люфтваффе тоже попался не промах. Уходя от преследования на бреющем, он сбросил бомбы на девятиэтажку, над которой пролетал, с минимальной высоты, бомбам не хватило высоты даже для того, чтобы пробить пару перекрытий, и они взорвались прямо на крыше прямо в

тот момент, когда над ними проходил истребитель. Кирсан отчетливо увидел оторванные взрывом куски крыльев, затем Ла-5, или то, что от него осталось, разбился где-то между домами. Однако классический маневр бомбардировщика времен второй мировой — подорвать висящего на хвосте истребителя, сбросив бомбы в бреющем полете — удался немцу недостаточно хорошо, потому что Юнкерс тоже получил повреждения и разбился несколькими секундами позже чуть дальше по улице.

— Ну бомбардировщик, да еще и немецкий — тут все понятно, — заметил Кирсан, — по крайней мере, в отношении пилота. Бомбил, гад, города — пожни, что посеял... Чем стрелок провинился, если бомбы-то не он бросал? И наш, советский самолет — не бомбер ведь, а истребитель. Летчик, стало быть, тоже нагрешил, в самолете сидя?

Святой только фыркнул:

— А что тебя удивляет? Ты думаешь, мрази типа немецкого пилота, который на 'мессере' гонялся за грузовиком, в кузове которого сидела девушка-санитарка, и старался попасть в нее — заметь, не в грузовик, а именно в санитарку, рыцарь неба хренов — только среди фашистов были? Я понимаю, у тебя патриотизм и прочие детские болезни, все дела... Если наш у них, то разведчик, если их человек у нас — то шпион, ага. Но посмотри правде в глаза: мрази во все времена и во всех народах встречались в природе примерно в равных пропорциях, такова человеческая сущность, не зависящая от того, кто какому флагу или вождю салютует. Наш летчик был такой, Лавриненков. Он подбил немца и увидел, как тот сел на вынужденную, выбрался из самолета и спрятался в лесу. Приземлился неподалеку, повел в лес отряд пехотинцев, нашел немца и задушил. И знаешь, что интересно? Я читал мемуары этой гниды. Про сей позорный эпизод — ни слова. Я еще до попадания в ад знал, что выродки есть у любого народа и у любой страны. И наоборот. В полку Эриха Хартманна служил один полковник, который, сбив самолет, догонял его и знаками показывал подбитому летчику, чтобы тот прыгал. Не смотри на кресты и звезды, Кир, потому что люди везде без исключения одинаковы. И сволочей, и людей чести каждому народу отмерено поровну, и если ты при жизни этого не понял, что ж, здесь поймешь. Лучше поздно, чем никогда.

Они пересекли занесенный мусором и обломками бульвар, свернули на соседнюю улицу и вышли к небольшой площади с установленными по периметру киосками. Святой огляделся по сторонам и указал пальцем вдаль:

— Вон, гляди, видишь?

В нескольких километрах высилось то, что осталось от башни, которая развалилась на глазах Кирсана во время его прошлого посещения этого места, а чуть ближе стоял гораздо меньший небоскреб, этажей на пятьдесят. И над ним в вышине действительно было светлое пятно среди туч.

— Я немного заплутал, — подытожил Игнат, — зато сориентировались. Час-полтора — и мы на месте, потом еще пара часиков — и мы на крыше. Хотя ты быстрее справишься, а я по ступенькам ходок не особый. Меня только беспокоит... а где Тени-то?

Ладынцев, шагая следом, негромко хмыкнул:

— Ты расстроен, что мы с ними не встретились?

— Не то чтоб расстроен... Но человеку свойственно бояться того, чего он не понимает. Мы уже знаем, что тут снова появились Тени, а они под конец жизни города если появляются, то уже не уходят. Но через город шли пленники — не наткнулись. И мы вот не встретили. То есть, теоретически, это возможно, Тени тут кишмя не кишат, но... Они сами

на нас рады поохотиться, уж не знаю почему, но факт. Хоть бы парочку повстречали... Ну и Наблюдатель, он что тут забыл? Город еще немного рановато списывать с баланса, мне так кажется.

— Я вот думаю, что и зомби тут не пруд пруди, — заметил Кирсан.

— Я ж говорил, сунуться в город, куда вернулись Тени, дураков нету, помимо нас с тобой да пленников, которые просто не в курсах были, что Тени снова тут. Нет людей — нет и мертвяков. Твои все позади, или почти все. Мои где-то тут мешках ворочаются. Вот и все.

В этот момент откуда-то сбоку донесся громкий, надсадный кашель. Как назло, ветер утих, и тишину города не нарушал даже заунывный концерт сквозняка в глазницах пустых окон. Кашляющий, видимо, совсем недалеко, и если Кирсан слышал его, то и тот, вполне вероятно, слышал голоса его и Святого.

Игнат сразу же скользнул к развалюхе, когда-то бывшей спортивным родстером, и присел рядом. Кирсан повторил его маневр, подумав, что прижаться к стене было бы тактически грамотнее.

Кашель раздался ближе, разведчику почудился сдавленный стон.

— Он идет на наши голоса, — прошептал Игнат, — давай туда!

Пригнувшись, они перебежали на другую сторону дороги и спрятались за углом перпендикулярной улочки. Кашель раздался еще ближе, затем из тумана, хромая, выплыл высокий, ссутулившийся силуэт с чем-то длинным наперевес, и Кирсан явственно различил тихий, но очень характерный бряцающий звук.

— Эй, приятель, ты к нам зачем идешь? — миролюбиво окликнул его Игнат, — если вдруг за помощью — пушку-то брось, а?

В ответ раздался горловой булькающий рев, враз перекрытый злобным стуком пулемета. Пули с визгом впились в стену, брызнули осколки известки и кирпича.

— Вот тварь, — зло сплюнул Святой, доставая револьвер.

Ладынцев передвинул свой дробовик за спину: против пулеметчика дробовики сами по себе не лучший выбор, а они к тому же взяли только 'огневые' патроны, или, как назвал их Мартин, 'дыхание дракона'. Для людей, впрочем, у него припасены вальтер и кольт, пальцы смыкаются на хватистых, удобных рукоятках.

Длинная очередь влетела в переулок, выклеывая ямки на стене дома напротив. Лоб в лоб с пулеметчиком встречаться — вариант не очень, потому Ладынцев махнул рукой, указывая Святому на дверь подъезда. Они оба юркнули туда, и Кирсан еще успел отметить про себя, что Тени — строители не то чтоб очень внимательные. Хрущевка подъездами на улицу — как-то неправильно.

Он выглянул и зацелил угол из обоих пистолетов. Более мощный кольт сорок пятого калибра в правой, вальтер послабее в левой для страховки. Так-то его стрелять по-македонски не учили, навык ушел в прошлое при появлении компактных пистолетов-пулеметов, но в мире, где очередь из 'вала' в упор не убивает наповал, осторожность не помешает, а попасть в мишень, которая появится в наперед зацеленном месте — забава.

В тот момент, когда враг появился из-за угла, Кирсан выстрелил с двух рук и поспешно спрятался внутрь. В ответ запоздало пролаял пулемет.

— Готов поклясться, что попал дуплетом, — прошептал он.

— Ломай дверь! — приказал Игнат, — валим отсюда!

Разведчик взлетел по ступенькам на первую площадку и врезался плечом в дверь, выглядевшую хлипкой. Та, ясное дело, не выдержала, Кирсан растянулся на полу прихожей.

Святой заскочил в квартиру, перепрыгнув через него, укрылся за стеной и выглянул, прицелившись в коридор и прикрывая напарника. Кирсан пополз в комнату, когда по ступеням забухали подкованные сапоги. Револьвер рывкнул — 'магнум' есть 'магнум' — давая разведчику время укрыться рядом со Святым. А тот, стреляя раз за разом, отступал в глубь комнаты, и на его лице Ладынцев впервые увидел смятение и страх. Он уже хотел сказать что-то вроде 'дай я, раз ты попасть не можешь', но в следующий момент Игнат, бросив дробовик, ломанулся к окну.

— Бежим!!! — завопил он, прыгнув сквозь прогнившую раму плечом вперед.

Кирсан замешкался лишь на миг, но профессиональный навык принимать решения мгновенно даже в непонятных ситуациях взял верх над недоумением и желанием выглянуть и застрелить уже наконец неугомонного противника. Он вылетел из окна вслед за Святым и перекатился по асфальту, смягчив удар. В конце концов, Игнат хоть и не военный, но не трус, и с его опытом нельзя не считаться. Раз убегает — значит, на то есть причина.

А тот, сжимая теперь уже пустой револьвер, поднялся и со всех ног побежал за угол. Кирсан повернул следом за ним и притормозил. Если их преследователь сейчас выпрыгнет из окна, то станет легкой мишенью.

— Не стой столбом, кретин, — крикнул, оглянувшись на бегу, Игнат, — беги, мать твою!!

Пулеметчик выпрыгнул из окна, приземлившись на ноги, и развернулся лицом к Ладынцеву. Кирсан почувствовал, как застывает его палец на крючке, а волосы поднимаются дыбом. Одно короткое мгновение он смотрел в глаза преследователю, но и этого хватило, чтобы в память прочно врезались суженные зрачки, покрытая пулевыми отметинами и бурыми пятнами оливковая форма, развороченный висок, обнаженная кость черепа, с которого сорвали половину скальпа, и болтающаяся на лоскутах правой щеки оторванная челюсть.

Пулемет поднялся на уровень его груди, и тогда Кирсан сорвался с места, понесся следом за Игнатом под свист летящих вдогонку пуль. Они пробежали по улице метров двадцать, и когда позади показался силуэт пулеметчика, свернули в очередной двор и перемахнули через забор.

— Пресвятой боже, Игнат, что это?! — простонал, тяжело дыша, разведчик.

— Беги молча, — пропыхтел тот и снова свернул.

Им вдогонку полетели пули, выпущенные издали, навскидку. Ходячий ужас приотстал, позволив беглецам перебежать беспрепятственно улицу и затаиться за пивным ларьком.

Святой трясущейся рукой выудил из кармана патроны и принялся заряжать револьвер.

— Вот дерьмо, — выдохнул он, — я нутром чуял, что это он, еще когда ты сказал, что попал в него... Ясно теперь, что тут забыл Наблюдатель...

— Твою ж мать! Ты не говорил, что бывают зомби с пулеметами!!

— Был бы это зомби — не было бы проблемы... Дерьмо, я его не вижу.

— Может, отстал?

— Не надейся.

В этот момент пулеметчик появился на дороге, но не там, где ожидал увидеть его Кирсан, а левее. Разведчик внезапно понял, что с того места просматривается просвет между ларьком и стеной дома, и теперь уйти скрытно не получится.

— Надо было взять гранату, — посетовал Игнат, — может быть, отделались бы от него. Теперь дело дрянь.

Ладынцев поднял с земли пустую бутылку, оказавшуюся под рукой очень кстати:

— Я брошу ее на ту сторону. Как он повернется на звук — бежим в те двери.

Однако номер не удался: то ли враг заметил бутылку, и догадался, откуда она брошена, то ли просто не повернул голову на звон разбитого стекла, но как только беглецы ломанулись к дверям магазина одежды, им вслед залаял пулемет.

Кирсан и Святой пробежали через внутренние помещения и выскочили через служебный ход. Впереди через дорогу высилось массивное здание, скромное на фоне ближайшего небоскреба, но все равно внушительное. Игнат, видимо, собирался обогнуть его и углубиться в кварталы высоток, но не тут-то было: преследователь выскочил следом, когда до спасительного угла оставалось метров тридцать. Под свист пуль они бросились к двери и юркнули внутрь.

Здесь их поджидал крайне неприятный сюрприз. Все окна первого этажа, распланированного под офис-выставку неизвестно чего, оказались забраны прочными решетками, а найти путь к запасному выходу не удалось. На принятие решения оставались считанные секунды, и Святой повел Кирсана к лестничному колодцу.

Они побежали вверх по ступеням, а внизу уже гремят сапоги преследователя. Святой притормозил, перегнулся через перила и прицелился. Выстрел — и грохот, не как граната, но немногим слабее.

— Бежим быстрее! — крикнул он, а вслед им неся нечеловеческий вой боли и бешенства.

— Как хорошо, что этот огнетушитель не подвел, — прохрипел Игнат несколькими этажами выше.

Снизу доносились шаги, но уже не такие энергичные, как раньше. Пулеметчик явно хромал, иначе, учитывая его прежнюю быстроту, убежать от него по лестнице вряд ли удалось бы.

— Игнат, какого хрена творится? — тяжело дыша, спросил Кирсан, — что это вообще такое?! Как его убить-то?

— В том и беда, его и наша, что никак, — прерывисто ответил Святой, устало плетясь вверх и на ходу дозаряжая в револьвер патрон, — он не может умереть. Теперь-то ясно, куда Тени делись, они таких боятся, как огня. И Наблюдатель тут, и Теней нет... Я идиот, должен был догадаться, что раз на наших, которые шли через город, никто не напал, то дело нечисто... Шикарно в казаки-разбойники поиграли, вот только думали, что казаки — мы, Наблюдатель — разбойник... А оказалось — мы разбойники.

— Так, значит, это Наблюдатель натравил на нас это чудовище?

Святой вытер со лба пот и покачал головой:

— Нет, он пытается все исправить... Это чудовище — несчастный, на котором божественный движок дал сбой. Помнишь, я говорил, что тут не бывает легких смертей? Когда мы получаем смертельные раны, божественный двигатель некоторое время не дает нам ни умереть, ни потерять сознание, продлевая наши муки. Но когда эта система дает сбой... ты просто не можешь умереть.

— Ты шутишь? У него голова разворочена!

— Я видел. Он сам, должно быть, себе в голову и выстрелил. Но все равно не смог умереть. И теперь страдает, испытывая мучения от всех ран, которые ему нанесли.

— Едрить же твою налево... Но к нам он чего прицепился?! Мы же ничего ему не сделали... первоначально.

— Ему уже пофигу. Развороченным мозгом особо не посоображаешь, забавно, что пользоваться оружием эти несчастные все равно не разучиваются... Короче, Кир. Мы с ним не справимся. В агонии или опасности в человеке пробуждаются скрытые силы, типа как студентка, спасаясь от медведя, перемахнула пятнадцатиметровую пропасть... Он в таком состоянии перманентно. — Святой взглянул вниз, где, отставая на три этажа, волочился за ними пулеметчик, и продолжил: — план такой. На следующем этаже ты спрячешься во внутренних помещениях, а я уведу его на крышу. Ты спустишься вниз и вернешься к нашим.

— Черта с два. Сам погибай, а товарища...

— Кретин! Я именно это и пытаюсь сделать... Не тупи, разведка. У нас нет шансов, вдвоем не уйдем все равно, а так — ты уйдешь, а я помнящий. На моей памяти такое случилось шесть раз, всегда — масса погибших. Я лично уже сталкивался с бессмертным, когда в одном поселке устроили передел жратвы с применением огнестрела...

— И что?

— Сорок восемь убитых, в том числе и я. А его так и не прикончили, все разбежались. Вот он и гонялся за людьми, пока Наблюдатель не наладил все...

Он перегнулся через перила и дважды выстрелил вниз. В ответ пулеметчик выпустил короткую очередь, прожужжавшую куда-то вверх.

Кирсан в уме подсчитал этажи. Тридцать пять или сорок, где-то так. Они одолели уже около двадцати. Сколько ни беги — выше крыши не убежишь. Если бы в здании было электричество, они бы удрали при помощи лифта, но увы.

— Как он нас находит все время, а? — спросил он.

Игнат, натужно хрипя, выдохнул:

— Без понятия. Но находит.

— Давай сюда, — указал Кирсан на входную дверь, — будем на этом этаже драться, все равно придется, рано или поздно. Если мы отрубим ему голову, тело же остановится?

— Да. И это, помимо взрывчатки и огнемета, единственный способ с ним сладить. Если мы собираемся драться с ним на мечях — надо на крышу. Там пространство играет на нас.

Они припустили наверх на остатках сил. Игнат несколько раз стрелял вниз не целясь, навскидку, вызывая ответный огонь. Кирсан двигался все еще резво, армейская подготовка оказалась очень кстати, но у Святого, помимо лишено веса и одышки, обнаружилась еще и астма. Тридцать этажей в режиме гонки для него оказалось чересчур, и потому Ладынцев уже почти что тащил его.

Когда лестничный колодец уже почти кончился, удача внезапно перестала показывать им свой необъемный зад: пулеметная очередь, выпущенная в ответ на провокацию Святого, закончилась негромким, но очень приятным сухим щелчком. У преследователя наконец-то кончились патроны.

— Все, встречаем гада тут, — с трудом выговорил Кирсан, — без пулемета он пустое место...

— Ошибаешься, — с присвистом простонал Святой, — он в разы сильнее тебя. Только засада, в открытую с ним не подерешься. В угол загонит — конец.

Дверь на крышу оказалась заперта, потому Ладынцев открыл путь двумя выстрелами в замок. Еще секунда — и они наверху, под нависшим над головой темным облачным покровом. Оба достали из ножен мечи одновременно и заняли места по обе стороны от двери, Кирсан положил сбоку бесполезный дробовик. Неубиваемый враг не сможет пройти, не получив хотя бы один удар острого, способного разрубить человека надвое изогнутого

меча, и разведчик здраво рассудил, что не обязательно сразу метить в голову. Можно просто отсечь конечности.

С другой стороны... Только идиот сунется в открытую дверь вот так, наобум. Глухой шлепок металла о бетон возвестил, что сия мысль пришла в голову и врагу тоже, поудивляться, как же он сумел додуматься до этого развороченной головой, Кирсан просто не успел: гранаты они такие, не дают времени на раздумья. Ладынцев успел укрыться торчащим рядом дымоходом и понадеялся, что Игнат тоже успеет.

По ушам долбануло знатно, но разведчик спас барабанные перепонки, открыв рот и таким образом уравнив давление. Благо лимонка не минометный подарок и не фугасный снаряд, ударная волна не слишком разрушительна. Правда, весь мир все равно затих, только в ушах звон.

Бессмертный выскочил на крышу абсолютно бесшумно, держа пулемет перед собой, и с ходу крутанулся, размахнувшись своим оружием вместо дубинки. Кирсан поднялся во весь рост и шагнул навстречу ему, лихорадочно пытаясь припомнить, как там в самурайских боевиках держат катану.

Взмах и удар! Он лишь успел подставить под него меч, и в следующий миг остался безоружным: Святой не лгал, бессмертный действительно обладал запредельной для человека силой. Катана бесшумно улетела в сторону и заскользила по бетону, а Кирсан растянулся во весь рост, сбитый с ног. Пистолеты, мать их, где они?! Пулеметчик шагнул к нему и принял пулю, даже не поморщившись, хотя, если вдуматься, когда с твоего лица свисают лохмотья кожи, а оторванная челюсть болтается на лоскутах щеки — морщиться уже, в общем-то, нечем. Пулемет — МГ-42, машинка добротная и, к несчастью Кирсана, тяжелая — поднялся к небу, чтобы опуститься на его голову. И когда стало понятно, что это уже конец, за спиной бессмертного появился Святой.

Пулеметчик развернулся, очертив своей дубиной полукруг, но промазал: Игнат разорвал дистанцию, так и не ударив, и теперь оставался на расстоянии, с которого легко мог бы атаковать, если бессмертный вздумает заняться Кирсаном. Ладынцев, используя выигранные для него секунды, откатился в сторону, на карачках пополз к мечу и схватил его. Пальцы сомкнулись на рукоятке, обтянутой кожей ската и обвязанной шелковой лентой, теперь пулеметчику придется туго!

Слух начал возвращаться только теперь и, казалось, специально для того, чтобы Кирсан услышал, как падает Святой. Дело все же дрянь, если помнящий с пятидесятилетним стажем ничего не может противопоставить этому монстру, то как же быть ему, обычному человеку двадцать первого столетия, держащему катану первый раз в жизни?!

Ладынцев закричал, не столько от ярости, сколько для привлечения внимания пулеметчика, вскочил на ноги и бросился в атаку. Тот, оставив в покое сбитого с ног, но не выпустившего из рук оружие Святого, шагнул навстречу разведчику и замахнулся. Держа свой пулемет за ствол обеими руками. Кирсан попытался уклониться, но это оказалось ничуть не проще, чем человеку, прикованному к рельсам — увернуться от поезда. Правда, в этот раз он учел предыдущий опыт и, подставляя под удар меч, левой рукой уперся в вогнутую, незаточенную сторону клинка ближе к острию. Это помогло удержать оружие в руках, силу удара Кирсан частично погасил, позволив оттолкнуть себя на шаг назад, а затем, используя меньшую инерцию катаны по сравнению с пулеметом, контратаковал, метя врагу в шею.

Однако бессмертный оказался не только силен, но и быстр. Он отшатнулся в самый

последний момент, и острое лезвие катаны задело только болтающуюся челюсть, перерезав лоскуты, на которых она держалась. Следом за этим пулеметчик повернулся и достал Ладынцева обратным ударом ноги из такого положения, из которого вряд ли смог бы ударить даже девятый дан шотокана. Кирсану показалось, что ему в живот попало пушечное ядро, он отлетел на несколько шагов назад и упал на бетон, катана жалобно звякнула рядом.

Святой снова оказался на ногах и атаковал, вынуждая пулеметчика защищаться, блокируя удары меча своим пулеметом. Кирсан, преодолевая тупую боль, поднялся на колени и взял в руки меч. Единственный шанс победить — атаковать вместе, он должен, он просто обязан подняться до того, как непобедимый монстр расправится с Игнатом!

В этот момент бессмертный перешел в решительное наступления сокрушительным свингом слева направо, но Святой, вопреки ожиданию, закрылся от удара не мечом, а левой рукой. Катана, зажатая в правой, сверкнула и устремилась к пулеметчику в зеркальном ударе: Святой, как и во время их первой встречи, снова пошел ва-банк. В размен.

Казенная часть пулемета врезалась в подставленную руку, Кирсан отчетливо услышал треск кости, а мощь удара была такова, что Святого просто снесло, словно порывом ветра. Но острая японская сталь тоже достигла своей цели, левая рука пулеметчика отделилась от тела чуть выше локтя и шлепнулась на бетон.

Бессмертный в бешенстве издал невнятный горловой рык и занес для удара свое оружие, но теперь инерция тяжелого пулемета, удерживаемого только одной рукой, оказалась достаточно большой, чтобы Кирсан все-таки успел. Он взмахнул катаной, ударив из-за спины противника, и пулемет отлетел в сторону вместе с кистью правой руки, намертво сомкнувшейся на стволе.

И когда Ладынцев мысленно уже отпраздновал победу, бессмертный преподнес ему последний сюрприз. Развернувшись, он бросился навстречу настолько быстро, что Кирсан не успел ни ударить во второй раз, ни даже уклониться. В следующий миг он был схвачен и прижат к пулеметчику лишенной кисти, но все равно нечеловечески сильной рукой. Безумные, налитые кровью и бесконечной болью глаза оказались в десяти сантиметрах от его собственных. Из-за отсутствия челюсти бессмертный не смог вцепиться в Кирсана зубами, но ему этого и не требовалось: гравитация в комбинации с сорока этажами смертоноснее самых больших во вселенной зубов. Ладынцев с ужасом понял, что его толкают к краю с непреодолимой силой и нарастающей скоростью и что вырваться он не может.

И когда до края осталось три шага, Кирсан внезапно зацепился за что-то и рухнул на спину, ударившись лопатками о кромку крыши. Его голова повисла над бездной, сердце коротко екнуло, но бессмертный перелетел через него и, не сумев зацепиться беспалой рукой, с протяжным воплем полетел вниз. Через несколько секунд оттуда донесся звук глухого удара.

— Поймал, — негромко засмеялся Святой.

— Ну ты даешь, писатель, — выдохнул, отползая от края, Кирсан, — вовремя за ногу ухватил.

— Я знаю.

— Сам-то как?

Игнат закашлялся:

— Дерьмово. Рука сломана, и пара ребер, вроде бы, тоже. А может, просто болят сильно.

— Он поднимется к нам снова?

— Это очень вряд ли. С такой высоты если упасть — не останется ни единой целой кости, потому если даже бессмертный и сможет как-то соображать той растекшейся по асфальту кашей, которая раньше была его мозгами, то двигаться — уже нет.

Кирсан подобрал с бетона свой меч.

— Надо сваливать. Из ножен сделаем тебе шину и будем выбираться отсюда. Желательно до того, как Тени протухают, что мы разобрались с бессмертным.

Святой скорчил скептическую мину:

— Ты уже забыл, зачем мы сюда пришли? Вон, туда глянь.

Ладынцев проследил за направлением его указательного пальца. В пятистах метрах от их высоты возвышалась еще одна, повыше, та самая, над которой виднелось светлое окно в мрачных черных тучах.

— Надо спешить, — напомнил Святой, — Наблюдатель — парень неторопливый, но ждать вечно он не будет, учитывая, что его проблема исчезла нашими стараниями.

Кирсан подобрал дробовик и вернулся к напарнику, чтобы наложить ему шину, но тут Игнат внезапно заорал, словно резаный:

— Мать твою за ногу! Урод! Мразь! Сволочь!! И это после того, как мы разгребли за тебя все дерьмо?!!

Опасения сбылись слишком уж быстро: светлый проем в облаках на глазах уменьшался. Наблюдатель свалил туда, откуда пришел.

— Подонок! — не унимался Святой, — гнида подколотная! Тварь подзаборная! Говноед, каленым ломом долбаный! Чтоб ты протух, падаль!

Кирсан тяжело вздохнул. Ему тоже захотелось завернуть что-то многоэтажное, но дышалка еще не восстановилась, да и потроха после удара бессмертного еще болят.

— Хрен с ним, — устало сказал он, — давай сюда руку. Лучше бы не ходили, конечно, а так только зря прогулялись да настрадались.

— Ну я бы не сказал, что совсем уж зря, — вымученно ухмыльнулся Святой, — мы завалили бессмертного. Вдвоем, и считай что всухую. А это многого стоит, поверь мне. Хотя... на фоне того, на что мы замахнулись... И, черт возьми, я разбил свои очки!

Выйдя из здания, они обошли его по периметру и отыскивали останки бессмертного. Удар о землю со скоростью в двести километров в час оказался фатальным даже для него. Затылок разбит вдребезги, мозг — в кашу, от головы осталась только лицевая часть, остановившиеся глаза смотрели в небо умиротворенно и спокойно.

Обратный путь через город показался Ладынцеву невероятно долгим. Мало того, что оба вымотаны до предела, так еще и избиты, у него печень и желудок побаливают, Игнат едва ноги переставляет, и если бы Кирсан не помогал ему идти, уже бы свалился. По счастью, им удалось, напрягая остатки сил, выбраться из города, сделав крюк и обогнав таким образом идущую навстречу толпу мертвецов. Однако разведчик хорошо понимал, что до счастливого конца авантюры еще топать и топать, и большую часть пути придется нести Игната на себе: он вот-вот упадет.

Сразу за городом они наткнулись на человека с автоматом, который, ничтоже сумняшеся, вскинул оружие и начал стрелять без предупреждения. Стрелком он, правда, оказался неважнецким, и пули просвистели над головами его несостоявшихся жертв. Выпущенные в ответ пули из 'магнума' и вальтера попали в стрелка и опрокинули в болото, он секунду посучил ногами и захлебнулся в грязной жиже.

— Вот же сволочь, будто нам бессмертного мало было, — выругался Кирсан, — за каким лешим он на нас?..

— Я его видел раньше, — прохрипел Святой, — все по религиозным шаражкам слонялся... Не то страдалец, не то молещик... Не помню. Значит, слушай меня, Кир. Отсюда тебе надо идти так, чтобы мох все время был справа на деревьях, и через три-четыре часа ты выйдешь прямо на аванпост. Дальше тебе дадут проводника.

— И не думай. Я не для того тебя столько ищачил, чтобы теперь бросить, и...

— Меня слушайся, салага, — закашлялся Игнат, — тут скоро будут другие. Это засада, я уверен в этом. Это наши фанатики, понимаешь? Они тут, чтобы расстроить все планы. Мы не можем потерять тебя, потому что ты мозг и сердце нашего восстания.

Из тумана внезапно появилась группа людей, вооруженная дубинами и веревками, пришедшая на звук. И во главе этой толпы Кирсан увидел того самого лидера страдальцев.

— Вот они!! — истуканно завопил тот, — хватайте их!! Брать только живыми, сделаем с ними то же, что с нами сделали их прихвостни!! Господь спишет нам за это много грехов!!!

— Религиозные технологии в действии, — хмыкнул Святой.

Кирсан и Игнат встретили их в три руки и три ствола, уложив полтора десятка нападающих за несколько секунд, а затем все три пистолета опустели почти одновременно, и разведчик взялся за катану.

В живых осталось только трое врагов: вожак, счастливо избежавший всех пуль, и пара людей мужицкой внешности, с лицами, не обезображенными интеллектом. Все трое набросились на Кирсана, решив, что покалеченный Святой опасности не представляет, но Ладынцев удивил их, рванув навстречу. Прямой выпад настиг лидера страдальцев, клинок катаны вошел ему в живот и вышел из спины. Выдергивать оружие времени уже не осталось, того, что слева, Кирсан отправил в болото точным ударом основания ладони снизу в нос, вбив носовой хрящ врага в его мозг. В следующий миг он и сам оказался в болоте, получив сильный удар дубиной.

Разведчик перевернулся на спину, подкатываясь под ноги противнику, и во второй раз дубина опустилась не ему на голову, а рядом. Он лягнул фанатика, оттолкнув на шаг, и сумел подняться, но теперь Кирсан безоружен и находится от противника на дистанции, очень удобной для атаки дубиной. Свирепый замах, и...

Блестящее лезвие японского меча появилось из живота фанатика внезапно, режущей кромкой кверху. Тот сдавленно застонал, но шагнул вперед с намерением довести начатое до конца и размозжить Кирсану голову, Ладынцев ударил ногой снизу вверх по клинку катаны. Меч легко, словно и вправду сквозь масло, дошел до середины груди, выпуская кишки. Фанатик замер, качнулся и рухнул лицом вперед.

— Вот за что я люблю катаны, — прокомментировал Святой, — ты ее легонечко бросил — а она по самую рукоять вошла.

— Богохульники! Еретики! Святотатцы! — выдавил из себя смертельно раненный страдалец, стоя в болоте на коленях и сжимая руками торчащий из живота меч, — вы... вы не понимаете, что творите! Бунт против бога, это...

— Еще не сдох, курилка? — ухмыльнулся Игнат, — Кирсан, я тебя умоляю, ради меня, возьми за рукоять, проверни на триста шестьдесят градусов и как следует потяни. Этот тупой кретин думает, что может выстрадать тут прощение — отмерь ему еще чуток страданий. Я хочу посмотреть, как он корчится.

Кирсан подошел к убитому и вытащил из тела меч Святого, затем остановился перед страдальцем.

— Я не имею ничего личного против тебя, — сказал он, — но исповедую убеждение, что каждый человек сам за себя решает. Желает покорно мучиться и страдать, вымаливая и вымучивая прощение — дело твое. А я скажу — к черту твоего жестокого бога. Каждый выбирает по себе: женщину, религию, дорогу. Женщину я выбрал, религию пытались выбрать за меня мои родители, а выбрать дорогу я уже не могу, мне не остается другого пути, кроме пути Люцифера. Твой бог не оставил мне такого выбора — потому не вини меня в том, что я поднял мятеж.

Резким движением от отсек страдальцу и голову, и руку, которой тот пытался защититься от клинка, вытащил из трупа вторую катану и повернулся к товарищу:

— Извини, Игнат, но я не садист.

— Ну и фиг с тобой, — беззлобно хмыкнул тот, пытаясь одной рукой перезарядить револьвер, — короче, на чем там мы остановились? А, вспомнил. Ты изначально тащил меня сюда только для того, чтобы я сориентировал тебя на местности. Если бы ты знал дорогу, я бы застрелился еще там, на крыше.

— Не пори чушь, Игнат, мы дойдем до своих, и тебе...

— Это ты порешишь чушь, разведка. До штурма — часов двадцать, ты всерьез думал, что я соглашусь пропустить такое мероприятие, валяясь в вонючем, сыром лазарете для неудачников и беспхребетных, без лекарств, обезболивающего и привлекательных медсестричек? Времени тебе хватит вернуться и выспаться, а я начну новый цикл и тоже подоспею к моменту выступления. Сюда поди, Кир. Стой рядом и успеи схватить мой револьвер, чтоб в воду не упал. И мечи заberi оба, нежеже такому оружию в болоте гнить.

Кирсан думал, что привык к выстрелам еще в Цхинвале, но одинокий револьверный раскат заставил его вздрогнуть, словно мишенью был он сам.

Прошло два часа, или, может, все двадцать, для человека, бредущего по болоту из последних сил, время растягивается с садизмом, которому бы и Святой позавидовал. Плохо будет, если он все-таки заблудится. Сильнейшая усталость, сон на болоте, да в мокрой одежде... В другой ситуации Кирсан нашел бы подходящее дерево, привязался бы как-то ремнем и выспался б, словно Робинзон Крузо в первую ночь на острове, а после с новыми силами отправился бы на поиски лагеря. Но вот незадача, гребаные фанатики искупали его в болоте, и теперь есть риск подхватить какую-то беду даже при условии своевременного выхода к своим.

Последний парад обреченных

— Конунг, тебе вообще что-то можно поручить, или нет?! — в бешенстве стукнул кулаком по штабному столу Кирсан.

— Что такое? — удивился тот, — я все сделал, как ты сказал! Не далее, как восемь или десять часов назад...

— Зато я четыре часа назад напоролся на фанатиков, которые кричали 'сделаем с ними то, что их прихвостни с нами сделали'. Я тебе сказал решить проблему так, чтобы они нам больше не мешали — и гоп-стоп, они тут как тут. Ты облажался по полной программе!

Викинг развел руками:

— Ну уж как смогли — так сделали. Потащили их в город — но они начали сопротивляться, и сильно. Пришлось им руки-ноги переломать и оставить в болоте. Они бы умерли очень нескоро и не доставили бы хлопот...

— Ты не только идиот, но еще и урод, — сплюнул на пол Кирсан, — в твой куриный мозжечок не пришла мысль, что после того, как вы уйдете, они договорятся о плане действий и умышленно захлебнутся?! Называется, доверь что-то элементарное варвару.

Лицо конунга порбагровело, он уперся руками в стол, собираясь подняться, но стоявший сбоку Такехиса ловко выбил из-под него стул, опрокинув на пол, а офицер-танкист заметил:

— Место свое знай. Твое дело выполнять, что сказано, а ты облажался, так теперь сопли жуй молча! Был бы тут товарищ Жуков — сходу бы к стенке поставил. Он не терпел неудачников и неумех...

— Отставить, — устало сказал Кирсан, садясь на свободный стул, — уже все неважно. Считанные часы остались, а потом все будет не в пример проще, знай маши мечом... Это уж викингам вполне по плечу и по уму...

В этот момент в штаб вошли Макс и Мартин.

— Как встреча с Наблюдателем прошла? — спросил Вогель, — и где Святой?

— Ждем его из нового цикла. Мы напоролись на бессмертного.

Присутствующие понимающе закивали.

— Понятно. Тебе еще повезло, что Святой задержал его достаточно долго и ты смог уйти.

— Если бы это было так, Кирсан не смог бы вернуться с двумя мечами, — возразил Такехиса.

Ладынцев встал со стула и принялся скидывать с себя промокшую и выпачканную в грязи и крови одежду.

— Игнат хотел так сделать, — сказал он, — но я не согласился. Мы его прикончили, этого бессмертного, но Святой сильно пострадал в бою и застрелился после того, как указал мне путь. Но до этого мы с ним успели еще и с фанатиками разобраться.

— Вы... убили бессмертного?! Вдвоем?! — выпучил глаза конунг, от его бывшего гнева не осталось и следа, лицо выражало глубочайшее благоговение.

— Угу. И притом всухую, если не считать, что Игнат не захотел залечивать сломанную руку по-нормальному. Он застрелился исключительно для того, чтобы не пропускать наше грядущее сражение.

— Ничего себе, — пробормотал ирландец, — ну вы даете, русские.

— Знай наших.

Кирсан отыскал себе какое-то тряпье вместо одежды, сил идти в соседнее здание на склад за шмотками у него уже не осталось. Но была еще одна проблема, которую стоило решить до того, как отправиться на боковую.

— Вот что, господа. Фанатики точно знали, куда мы идем, и сумели провернуть свой план очень быстро. У нас завелся предатель. Я сам никому не сказал, куда иду. Кто из вас знал это от Игната?

Такехиса пожал плечами:

— Да все. Когда он взял со склада мечи и ты вышел за дробовиками, Эрнандес спросил, зачем они вам. Святой и сказал, что вы собрались Теней погонять и к Наблюдателю зайти в гости... Я имею в виду, зайти в гости, а не 'зайти в гости'. Ну а в комнате сидело тогда человек двадцать, и не только из лиги, ты сам видел. Так что куда вы пошли, вскоре знал весь лагерь.

— Ладно, неважно теперь. Я пойду посплю в комнатах лиги, Макс, поставь кого-нибудь на часах, чтобы в наши помещения не зашел никто чужой.

— Сделаю, — кивнул Вогель.

***

Двенадцать часов спустя объединенные силы Сопротивления, числом в семь тысяч человек, одновременно выступили из трех пунктов назначения и после непродолжительного марш-броска собрались в двух километрах от колоссальной туманной области, скрывавшей в себе начавшуюся стройку и неизвестное число строителей. Движение Сопротивления собрало в своих рядах практически все боеспособное население, в поселках остались только женщины и небольшое число неприсоединившихся. Это было к лучшему, своим присутствием они удержат обжитые места и склады с едой, находящейся в стадии 'превращения', от распада и тлена, и после штурма стройки участники смогут вернуться обратно.

Кирсан и Святой, который объявился в расположении войск буквально за четверть часа до выступления, на скорую руку организовали полевой штаб в покосившейся, грубо сколоченной хибаре, неизвестно кем и для чего выстроенной прямо на болоте. Вначале здесь объединились две колонны, началось перераспределение вооружения и боеприпасов. Полчаса спустя подошла третья колонна.

Внутри штаба, где уже заседали вокруг грубо начерченной схемы местности руководители движения, вошли командиры третьей колонны. Конунга Кирсан узнал сразу, а во втором, немецком пехотном майоре в парадном мундире со всеми регалиями и дюжиной медалей и орденов на груди, в том числе с рыцарским крестом и нагрудным знаком 'За рукопашный бой' первой степени, показался вначале настолько незнакомым, что разведчик, несмотря на профессиональную зрительную память, не сразу узнал в нем Дистля.

Переодевание немца, как оказалось, напрягло не только Кирсана. Но если Ладынцев уже давно решил, что с людьми, с которыми при жизни он бы за руку здороваться побрезговал, в смерти придется поддерживать союзнические отношения просто ради того, чтобы посмертие не затянулось навечно, и при виде нацистских орденов и регалий только поморщился, то некоторые другие оказались менее сдержанными.

Первым отреагировал офицер-танкист.

— Дистль, а что это ты на себя понацеплял, а? — мрачно спросил он.

— Свою парадную форму с боевыми орденами, — ровно ответил немец.

— Это я и так вижу! Только на кой ляд?!

В ситуацию тот же час вмешался Святой.

— Так, Трофим, сбавь-ка обороты, — сказал он и повернулся к Дистлю: — просто между прочим, ты собрался не к Гитлеру на парад, а в бой, причем на одной стороне с людьми, для которых гитлеровские ордена — как быку красная тряпка. Мы все и так знаем, кто есть кто, но твоя выходка смахивает на провокацию.

— В парадной форме и со всеми орденами я пошел в свой последний бой под Берлином, — отчеканил майор, — и сейчас, когда мне предстоит еще одно важное сражение, я надел их вновь. Я горжусь своими наградами и не намерен снимать их лишь потому, что кому-то из моих бывших врагов они не нравятся. Неприязнь к Гитлеру и нацистскому режиму мне понятна — но какие претензии ко мне? Я солдат. Такой же, как и ты, герр Трофим.

— Ты фашист, увешанный фашистскими побрякушками! — зло сплюнул танкист.

— Я солдат Германии, — с достоинством ответил Дистль, — в национал-социалистической партии не состоял, фашистом не являюсь, и на моей груди — награды за

мужество, отвагу и верность моей стране. И пусть знак 'За рукопашный бой' мне вручал лично фюрер — важно, не какого режима эта награда, а за что вручена. Послушай, Трофим. Мы оба с тобой солдаты, сражавшиеся каждый за свою страну и погибшие на той войне. Какое у тебя право судить меня?

— Давай-ка вспомним, кто на кого напал без объявления войны? — недобро прищурился Трофим, — и между прочим, я брал рейхстаг и умер двадцать лет спустя после войны.

— Какая, доннерветтер, разница? На войне нет правых и виноватых, есть только солдаты. Войны начинают вожди, судят их за это историки, но сражаются в войнах солдаты. Я немецкий солдат, и я горд, что воевал за Фатерлянд. Мне не нужна была эта война, но восемь поколений моих предков были солдатами, и у меня не было выбора. До того, как все началось, я уже успел сделать карьеру, жениться и завести детей. Я не хотел ни плантацию на востоке, ни рабов-унтерменшей. Но мой народ воевал, и я тоже воевал. Я должен был, и горжусь тем, что исполнял этот долг, не запятнав позором свой мундир. И горжусь каждым из своих орденов: все они — доказательства моей доблести.

— Так, хватит! — распорядился Кирсан, — Трофим, Дистль прав. Он был твоим врагом, но и ты был его врагом. Где твое уважение к достойному противнику?

— Твою мать! — выругался танкист, — ты же русский!! За немца вступаешься?!

— Я вступаюсь за справедливость. Меня самого коробит при виде свастики, но что с того?! Бессмысленно спорить, кто прав, кто виноват, потому что все мы находимся в аду! Между грехами немца, советского человека и русского нет разницы. И нас сюда засунули вперемешку в том числе и для того, чтобы мы отравляли и без того жалкое свое существование еще и взаимной ненавистью. Потому — кто прошлое помянет, тому глаз вон, мы собрались тут, чтобы восстать против небес, а не чтобы играть по их правилам!! Мы все — в одной лодке, и чем скорее мы достигнем намеченного результата, тем скорее все это дерьмо закончится!

На несколько секунд в штабе воцарилась тишина, а затем Святой обронил:

— Отлично сказано. На том и порешим.

Вскоре разведка сообщила, что варвары, числом около пяти с половиной тысяч, двигаются к стройке.

— Все по плану, — прокомментировал Кирсан и ткнул пальцем в карту: — если они сделают все, как договаривались, то мы ударим одновременно с двух направлений вот тут и тут. И если предположить, что Теней будет пятнадцать-двадцать тысяч, рассредоточенных по городу равномерно, то на юго-восточном краю начальное соотношение сил будет по меньшей мере два к одному в нашу пользу. Учитывая, что бойцы из Теней совсем не такие хорошие, как строители — размажем и не заметим.

— Я бы не стал делать столь смелых утверждений, — возразил турок, — эти приспешники шайтана весьма быстры и смертоносны, и охотятся стаяй, хорошо организованной. А у нас сражаться правильно умеют немногие.

— Вот именно, охотники они хоть куда, — презрительно фыркнул сидящий у стены Макс, — охотиться стаяй на малочисленную добычу мастаки, но как только это шакалье встречается с отчаянными бойцами — сразу же садится в лужу. Когда мы с Кирсаном бежали из плена — имели с ними дело, он впервые, я — уже раз двадцатый, наверное. Нас было двое и еще обуза в виде пленницы, и ничего. Конечно, это его заслуга, что мы все трое выбрались целыми, но факт остается фактом. Два бойца, одна пленница, стая Теней. Тени

понесли потери и облажались. При равном числе у них нет шансов, и если в городе действительно будет не больше двадцати тысяч строителей — победа у нас в кармане. Сила Теней всегда была в страхе перед ними, в этот раз настал их черед бояться.

— А если еще и орда атакует, как запланировано, — добавил Мартин, — то это вообще будет избиение младенцев. Но я подозреваю, что у нас могут возникнуть осложнения.

Кирсан кивнул:

— Точняк. Как следует из закона Мэрфи, события всегда имеют свойство развиваться в худшую сторону. Первейшая проблема — сами людоеды. Насколько хорошо они сработают в нашей большой команде — тот еще вопрос, и не факт, что они вообще будут с нами работать. Их лидер — на редкость сильная личность, до сих пор не павшая под натиском безумия, но вот остальная толпа... Я полагаю, что идеальным решением будет атаковать независимо от орды, с противоположного от них направления. И тогда, если мы встретимся в центре стройки, уже будет не очень важно, чем эта встреча закончится, потому что Тени будут разгромлены. Но в любом случае, необходимо иметь оружие и против людей тоже, я не исключаю того, что в городе будут каждый сам за себя и нам еще придется и с людоедами сражаться.

Когда приготовления, перегруппировка и раздача оружия завершились, появился еще один разведчик с новостями. Четыре часа назад орда была замечена выдвинувшейся к городу по маршруту, почти точно совпадающему с планом, предложенным людоедам Кирсаном. Разведчики видели около двух тысяч ордынцев, куда подевались остальные полторы-две тысячи, они не знали, и потому командир отправил двоих подчиненных с донесением, а сам с последним бойцом намеревался посетить покинутый лагерь и поискать подсказки на месте.

— Могу предположить, что падшего паладина поддержали не все, — сказал Святой, — и он просто перебил несогласных.

— Нам это в любом случае на руку, — согласился Кирсан, — при условии, что лидер орды вначале потрудился донести до них основы моего плана, как это и было мною предложено. Если так, то наш пожар уже начал распространяться на другие острова, и по прошествии времени весь ад будет полыхать в огне восстания.

Двигаться решили через небольшой то ли город, то ли пригород, находящийся менее чем в километре от стройки, с тем, чтобы там, в непосредственной близости от места сражения, отдохнуть в ожидании подхода союзников, а заодно и раздать людям все имеющиеся запасы спиртного.

Передислокация прошла гладко, Святой расположил войска на отдых и выслал разведку. Ориентировочно, в их распоряжении оказался час или около того до подхода варваров, и Кирсан подумал, что если и орда подойдет в пределах этого времени, то все сложится как нельзя лучше.

Сам он расположился вместе с остальным составом Лиги на втором этаже крупного супермаркета, около двух тысяч бойцов устроились там же, а остальные силы разместились в соседних похожих строениях.

— Надо поблагодарить Теней за то, что построили нам рядышком готовый отельный комплекс, — ухмыльнулся Игнат, устроившись на полу и подложив под голову ранец.

Макс устроился рядом и привычно засопел. Хорошо уметь моментально засыпать, лишь коснувшись головой подушки или подстилки. Кирсан хотел вздремнуть, но сон не шел. Все словно в песне Высоцкого. Всего лишь час дают на артобстрел, всего лишь час пехоте

передышки. Правда, артобстрела нет, так что пехоте придется рассчитывать только на себя.

— Слышишь, Игнат, — сказал негромко Ладынцев, — помнишь эту песню? 'Всего лишь час до самых важных дел, кому до ордена, ну а кому — до вышки'. Через час мы начнем важнейшее сражение, какое только бывало в аду. Орден некому не дадут, но и вышки не будет, потому что все мы и так приговорены к высшей мере наказания.

— Я бы не был так в этом уверен, — ответил тот, — помнишь, я говорил, что наше наказание тут конечно? Вы двое мне не поверили, да мне и самому в это поверить было непросто. Я в последнее время только об этом и думаю. Сопоставляю факты, ищу доказательства. Скажи, Кир, ты заметил, что тут наблюдается некий дисбаланс в составе? Викингов только среди нас человек пятьдесят. Но где римские легионеры? Монголы? Самураев из эпохи Эдо человека четыре, японских офицеров времен второй мировой несколько — но где остальные японские грешники? Тебе не кажется странным, что викингов у нас полсотни, каждый тут по тысяче реальных лет, в то время как вся Япония с давних времен и до двадцатого века представлена лишь четырьмя самураями? В эпоху Сэнгоку Дзидай — а это полторы сотни лет войны — не воевал только ленивый, но где эти вояки? Турков лично я тут встречал человек пять, и самый древний из них — восемнадцатый век. Чем древнее страна и эпоха — тем меньше шансы встретить кого-то оттуда. Индейцы... я встречал пятерых. Самый древний — из семнадцатого века, остальные — современники Джеронимо и Ситтинг Буля. Но традиция пыточных столбов и сдирания скальпов уходит в далекую древность. Ацтеки могли по количеству жертв дать фору даже Максусу — но где они?

— Все элементарно, Ватсон, — ответил Кирсан, — вот прямо сейчас в мире живет семь целых и две десятых миллиарда, и это больше, чем умерло за все время, население растет по экспоненте. Количество грешников древности мизерно по сравнению с количеством относительно недавно умерших. И потому ничего удивительного, что на десять тысяч человек таких древних единицы.

Святой иронично хмыкнул:

— Спасибо за лекцию, но я тоже учил математику и теорию вероятностей в университете. Ты не учел одного простого факта: викинги в эту теорию не вписываются. Их столько, сколько, согласно теории вероятностей, быть в одном месте не может. Положим, умерших людей — пять или шесть миллиардов. Викингов, то есть именно скандинавов-воинов мужского пола, за все время было менее полумиллиона, а может и всего двести-триста тысяч. Предположим, все викинги были грешниками, жили-то они войной. Но как ни крути, соотношение 'один викинг на двести других убийц' критики не выдерживает, а у нас оно именно такое. Один на двести.

— Хорошо, — согласился Кирсан, — и что из того?

— Давай мы предположим, что викингов-убийц во все времена было четыреста-пятьсот тысяч. Давай предположим, что они распределены по кластерам примерно поровну. У нас и варваров их в сумме сотня. Что дает нам четыре тысячи кластеров. А четыре тысячи кластеров дают нам примерно восемьдесят миллионов убийц за всю историю человечества. Пардон, но я не верю. А если мы учтем, что в одном убийстве могут принимать участие разные люди — вот как это было с тобой, ты навел штурмовик на дом, а пилот выпустил бомбу — то получится нереальная картинка. Слишком мало грешников. Второй парадокс. Грешников во все древние времена было много, но у нас массово представлены только викинги. Почему? Я не знаю, но могу предположить, что если наш Макс тяготится своими грехами и страдает, то большинство викингов полагает, что находится в валгалле и не

страдает...

— Кто там меня звал? — пробормотал Вогель.

— Спи дальше, не обращай внимания... Так вот. Моя теория в том, что грешников отсюда выпускают по выборочному принципу. Сам суди: если не считать викингов, то встретить тут древнего убийцу очень трудно, получается, тех, кто долго мотал срок, все же выпускают. А если считать, то получится, что есть некий принцип, по которому одних отпускают, а других — нет. Свет на мою теорию прольет твоя встреча с Наблюдателем.

— Каким образом? — спросил Кирсан.

— Если окажется, что тебе вменяют в вину гибель гражданских по твоей наводке, как я говорил, то значит, в одном убийстве может быть много виновных. И тогда цифра в восемьдесят миллионов убийц за всю историю человечества заведомо не может быть верной. Убийц было много, много больше. Первая Мировая — десять миллионов убитых, семь с половиной пропавших, то есть считай что тоже убитых, и это только военных. Вторая Мировая — в сумме шестьдесят три миллиона жертв. Тридцатилетняя война — за шесть миллионов. Семилетняя война — полтора миллиона. Наполеоновские войны — полтора миллиона. Это я перечислил лишь несколько крупнейших конфликтов. История человечества — это история войн, за все это время нашлось, может, полсотни лет, когда никто ни с кем не воевал. Геноциды, резни, этнические чистки... Древнейший из убитых людей, останки которого удалось обнаружить ученым — альпийский житель эпохи верхнего неолита, пораженный из лука 12 тысяч лет назад, был застрелен в спину. Убийц за нашу историю было очень много. Только в США каждый год происходит шестнадцать тысяч убийств, в России еще больше. Но, как мы подсчитали, в аду вмещается только восемьдесят миллионов убийц, а может и меньше. Стало быть, остальные отпущены по факту достижения нужной отметки времени или страданий.

— Ты умеешь находить аргументы в свою пользу, — проворчал Макс, переворачиваясь на другой бок.

— Попробуй опровергнуть и дать более адекватное объяснение парадоксу отсутствия древних в большом числе и завышенному числу викингов.

— Не собираюсь спорить с писателем, — пробормотал немец.

Однако вскоре отдых прервался: часовые сообщили о человеке, который стоял, не скрываясь, на вершине одного из соседних зданий. Святой рассмотрел его в оптический прицел и сказал, что не знает, кто это. Еще чуть позже с другой стороны пришел вестник с письмом от варваров: те уже собрались у стройки и ждут отмашку.

— Ну что ж, момент истины вот-вот наступит, — сказал Кирсан, — давайте сигнал к выступлению.

Неизвестный, заметив, как отряды выступают в сторону стройки, протяжно засвистел и скрылся из поля зрения, а где-то вдали его сигнал был подхвачен другим свистуном. Ладынцев догадался, что это люди орды, таким образом скоординировавшие совместное наступление.

Армия Сопротивления двинулась через город, истребляя по дороге попавшихся под горячую руку зомби, но на этом сюрпризы не кончились. Практически сразу после выступления издали прикатился мощный раскат, похожий на орудийный выстрел.

— Неужели танк? — сам себя спросил Кирсан.

— Если да, то это не очень хорошо, — ответил Святой, — потому как гранатометов у нас нет. Ничего, угостим коктейлями.

— 'Тигр'?

— Ничего подобного, — возразил Макс, — пушка совсем не как у него. Судя по звуку, это вообще не немецкая пушка.

Орудие бахнуло еще раз, затем воздух вспороли пулеметные очереди. Кирсан, здраво рассудив, что встреча с танком чревата ненужными потерями, распорядился бойцам укрыться во дворах зданий, подъездах или кто где мог. Несколько небольших групп спрятались за углами и киосками с бутылками наготове, в непосредственной близости от группы командиров затаилась команда японцев в мундирах императорской армии во главе с офицером-японцем.

— Если танк не пройдет мимо нас, а попытается атаковать — бросаемся к нему с разных сторон и поджигаем! — проинструктировал он своих солдат.

Танк — довольно неказистая угловатая машина в деформирующей окраске без опознавательных знаков — вылетел из переулка на широкую улицу на скорости около сорока километров в час, свернул, как назло, в сторону, где укрылись Кирсан и его армии, при этом немного не вписавшись в поворот и снеся к чертям покосившийся киоск, и на полном газу понесся по середине проезжей части, паля из пулемета, установленного в корме башни, куда-то назад.

— Проскочит, — сказал Макс, — главное, чтобы не заметил нас.

— Не проскочит, — возразил японец, приказал всем оставаться на местах и вышел на дорогу наперерез танку.

Вопреки ожиданию Кирсана, танк не срезал человека, внезапно возникшего на пути, из курсового пулемета и не размазал по гусеницам, а послушно остановился перед ним.

— Не понял? — удивился Макс.

— А танк-то, кажись, японский, — хмыкнул Святой.

— Первый раз такой вижу...

Крышка башенного люка откинулась и оттуда показалась голова танкиста.

— Я - капитан императорской армии Миязака Такео! — крикнул офицер, — рядовой, а где командир экипажа?!

В ответ открылся люк мехвода и оттуда донесся вначале кашель, а затем голос:

— Унтер-офицер Сабуро, старший по званию. Командир погиб... только что.

Кирсан обратил внимание, что из люка сочится дымок, а на борту башни виднеется обгоревший участок и небольшая пробоина посреди него, очень похоже на след от РПГ-7.

Тут открылся люк стрелка, и оттуда послышался испуганный голос, принадлежащий чуть ли не пацану.

— Господин капитан! Что происходит? Как мы тут очутились? Тут полно мертвых, они умерли и сгнили, но ходят!! Где наша армия?!!

— Держи себя в руках, солдат! — прикрикнул на него Миязака, — вы переходите под мое командование как старшего офицера императорской армии и будете выполнять мои приказы. Докладывайте!

— Нам почти нечего докладывать, — ответил мехвод, — вчера мы вели бои с широкоглазыми свиньями, держали оборону и отбили три атаки, заснули прямо в танке, и проснулись, а вокруг все изменилось, армии нет, американцев нет, этот город разрушен, и я такого никогда не видел... Мы попытались разведать обстановку и напоролись на солдат в странной форме, которые выстрелили чем-то по нам и проббили башню. Командир убит, наводчик уцелел я сам не знаю как, мы ушли, отстреливаясь, убили троих врагов, но не

знаем, сколько их было. И везде йокаи, или, может, мононокэ, я не знаю, кто они такие, но пули им нипочем...

— Широкоглазые свиньи? — недобро процедил Макс.

— А ты думал, что только тебе можно других унтерменьшами называть? — ухмыльнулся в ответ Кирсан.

— Слушать мою команду! — распорядился Миязака, — я и мои солдаты сражаемся здесь против йокаев, они и других выходцев из загробного мира в составе объединенной армии людей, и вы под моим командованием тоже будете сражаться с ними.

Он махнул рукой, подзывая своих солдат, а заодно и всех остальных. Стрелок сразу же заметил в разношерстной толпе американцев, но Миязака с ходу пресек его непонимание:

— Отставить. Война между людьми тут закончилась. Мы все сражаемся против йокаев во славу императора страны Ямато!

— А я тоже сражаюсь во славу Ямато? — невинно поинтересовался, подходя к японцу, Святой.

— Святой, не усложняй тут все!

— Да и в мыслях не было. Но я просто до сего момента и не подозревал, что воюю за императора.

Он постучал костяшками по броне и одобрительно заметил:

— Такое Теням не прогрызть. Эй, танкисты императорской армии, а у вас осколочно-фугасные снаряды есть?

Танк, согласно объяснениям Миязаки, оказался модернизированным 'Шинхото Чи-Ха' с сорокасемимиллиметровой пушкой. В боеукладке танка нашлись и осколочно-фугасные, что вызвало несколько минут чуть ли не паники среди экипажа: они были уверены, что растратили три четверти снарядов в боях с наступающими американскими войсками, и неизвестным образом пополненному боекомплекту объяснения найти не смогли.

Тело командира экипажа, еще дымящееся от прямого попадания кумулятивной струи, вытащили из башни и положили у стены ближайшего дома, накрыв плащом. Тут всплыла небольшая неприятность: Миязака был пехотинцем, а командир 'Чи-Ха' выполнял еще и обязанности наводчика. Тогда вспомнили о Трофиме.

— На 'тридцатьчетверке' командир тоже был наводчиком, — сказал Игнат, — должен справиться, если не побрезгует, что танк вражеский...

Но танкист от такого предложения отказаться не смог. Забравшись в танк, повертел маховики, прильнул к прицелу, осмотрел приборы и поднял вверх большой палец в знак одобрения, то ли танка, то ли своего мастерства.

— Он будет теперь вашим командиром, — обратился Миязака к экипажу танка.

— Как он командовать будет, это же гайджин?

Трофим добродушно улыбнулся:

— Не дрейфь, сынок. Тут все гайджины по-японски говорят. Ну почти все.

— Не могу понять, как заряжающего не убило к чертовой бабушке, — сказал чуть позже Святой Кирсану, — он там сидел рядом с командиром, и струя раскаленных газов, ворвавшаяся в башню под огромным давлением, должна была и его прикончить.

Разведчик покачал головой:

— Это байки, нет там никакого давления. Ты вообще в курсе, как устроен кумулятивный снаряд?

— В общих чертах да.

— Ну так вот. Внутренняя поверхность кумулятивной воронки покрыта металлом, при схлопывании ударной волны этот металл превращается в кумулятивный пест, металл брони под таким огромным давлением начинает вести себя как жидкость, и кумулятивная струя не прожигает броню, как это принято считать, а продавливает. Внутрь влетает только тонкая струя либо металла, либо, в более примитивных снарядах, газа, которая убивает, как правило, только тех, кто оказывается на пути ее. И хотя сама струя под огромным давлением летит вперед — но давление внутри башни практически не меняется, потому что почти вся ударная волна снаряда остается снаружи брони. Чтобы ты понял — в Ираке американский 'Абрамс' подбили из РПГ, так пострадал только мехвод. Кумулятивный пест прошелся по его бронежилету, и танкист отделался всего лишь обожженной спиной. Попадание этой струи в бак или боеуклад — это финита ля комедия, однако воздействие кумулятивного боеприпаса на экипаж в народе сильно преувеличивают. И то, что экипажи держат люки боевой машины открытыми как раз на случай попадания кумулятива — тоже вранье, на самом деле от этого только хуже, так как ударная волна через открытые люки 'затекает' внутрь танка. Вот кумулятивные гранаты двойного действия, которые пробивают броню и прокидывают в эту дыру вторичный заряд — это уже кранты. Но такие боеприпасы для РПГ разработаны относительно недавно, по всему миру наши РПГ-7 используются преимущественно с обычными, давно устаревшими гранатами.

— Понятно, — кивнул Святой, — как бы там ни было, теперь у нас еще и танк есть.

Главную ценность представляли, помимо фугасов, снаряженных почти сотней граммов взрывчатого вещества, пулеметы, в магазинах которого были и трассирующие патроны. Кроме того, Кирсан очень плохо представлял себе, как вообще бороться против бронированной машины, имея в своем распоряжении только когти. Что ж, может быть, восставшим наконец-то улыбнулась обычная, не модифицированная божественной силой удача. Может быть, все не так уж и безнадежно. И в любом случае, все, что можно было сделать ради победы, уже сделано, теперь осталось только драться.

Колонны восставших вышли на марш и теперь стекались к огромному горообразному туманному образованию, верхушка которого виднелась в вышине даже сквозь неплотную дымку над головой.

Кирсану хотелось запеть что-то вроде 'Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает', но он не стал этого делать, все равно большинство присутствующих не знает слов и не поймет, так как песни божественный переводчик не переводит. Должно быть, то же думали и другие, потому парад обреченных продвигался навстречу своей судьбе в зловещем молчании.

Больше книг на сайте — Knigolub.net